МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Н. Бараков

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ:

размышления о современной русской литературе

ВОЛОГДА
2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)
Б24

Бараков, В. Н.
Б24 Классика и современность: размышления о современной русской литературе. – Вологда: ВоГУ, 2018, - 171 с.

ISBN 978-5-87851-800-0

Книга посвящена творчеству русских поэтов и прозаиков, классиков и современников: Н. Рубцова, В. Белова, Ю. Кузнецова, О. Фокиной, Н. Зиновьева, Ю. Лунина и др. Материалы, помещённые в издание, были опубликованы ранее в журналах «Наш современник», «Москва», «Подъём», «Родная Кубань», «Вологодский лад», в столичной и местной прессе.

Предназначена преподавателям, студентам и всем тем, кто любит русскую литературу.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

ФГБОУ «Вологодский
государственный университет, 2018

ISBN 978-5-87851-800-0

Бараков В.Н., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ……

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МЫСЛИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ…….

1.1. Вадим Кожинов о своеобразии русской литературы…….....

1.2. Несколько слов об одной дискуссии…….

1.3. Два идеала (Библейские сюжеты в произведениях Ф.М. Достоевского)…….

1.4. Достоевский о современности……

1.5. Поэзия Юрия Кузнецова: тематика и мировоззрение…….

1.6. Заметки на полях…….....

1.7. Земная доля Николая Зиновьева…….....

1.8. Ключ от русской души (К тридцатилетию творческой деятельности Николая Зиновьева)…….

1.9.Лирическая проза Юрия Лунина……

ГЛАВА ВТОРАЯ. «Я ЛЮБЛЮ СУДЬБУ СВОЮ…» (Николай Рубцов)…….

2.1. Тема смерти и бессмертия в поэзии Николая Рубцова…….

2.2. О прижизненной «безвестности» Рубцова…….....

2.3. Поэтическая биография Николая Рубцова…….....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ……..

3.1. Творчество В.И. Белова в научном изучении…….....

3.2. Николай Рубцов и Василий Белов: творческие взаимосвязи……..

3.3. Лад и разлад (Книга Василия Белова «Лад» и современность)……..

3.4. Рубежная проза Василия Белова……

3.5. Фиктивная объективность (Анна Разувалова о «деревенской прозе» и Василии Белове)……

3.6. От «деревенской прозы» - к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров)……..

3.7. На стороне народной правды……

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ…….

4.1. Вологодские писатели о русском языке……

4.2. «Друзья! Друзья! Какой раскол в стране!..»……..

4.3. «Видя за собой пустоту…»……..

4.4. В отсутствие корысти и пошлости……

4.5. Гражданская лирика Ольги Фокиной……

4.6. «Я соберу своё время…» Встреча со стихами Татьяны Бычковой……

4.7. Счастливая проза Александра Ломковского……

4.8. В начале пути……

ПО СЛЕДАМ РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОБРАНИЯ (Вместо заключения)……

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ……

Приложение 1. Пророческое слово Василия Белова……

Приложение 2. Феликс Кузнецов: «Мета области – вологодские писатели»……

Приложение 3. Путь в вечность (Встречи с Василием Беловым)……

Приложение 4. Юрий Кузнецов в моей памяти……

Приложение 5. Нежность души (*Выступления Валентина Распутина на выездном секретариате Союза писателей России, Вологда, 1999 год*)……

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы живем в расколотом пространстве. В России два мировоззрения, две культуры, две литературы.

Подлинное всегда в меньшинстве. Можно провести аналогию с нашей церковью: православными христианами считают себя 85 % населения, а в храм ходят, исповедуются и причащаются процентов пять, не больше.

Есть тонкий слой настоящих ценителей русской литературы, но большинство, и не только у нас, – это обыватели, падкие на рекламу, легкое потребление и бездумное времяпрепровождение. Причем сила инерции такова, что до сих пор в современных поэтах у «простых людей» числятся Е. Евтушенко, Э. Асадов и В. Высоцкий.

Говорят, что сейчас время коммерции… И в советском прошлом полным-полно было дельцов от литературы: толпы поэтов-песенников, россыпь сомнительных «детских авторов», и целый строй халтурщиков, готовых накропать за государственные деньги пухлые тома – достаточно вспомнить бесконечно серую книжную серию «Пламенные революционеры».

Только тогда они знали свое место и под очи «сиятельного начальства» не лезли, хотя и имели тайных покровителей.

А ныне акунины, маринины и донцовы в фаворе. Только на их похороны (да продлятся их дни!) никогда не придет *народ*, как в случае с почившим в 2015 году В.Г. Распутиным, а только «почитатели таланта».

Известность – кумир беллетристов и всяческой окололитературной шушеры, печатного шоу-бизнеса. Сейчас они на коне, их рекламируют, «раскручивают», и даже не из-за прибыли, а с совершенно определенной сверху целью: заместить ими подлинную литературу, привить читателю дурной вкус, отлучить от национальных ценностей.

То, что происходило и происходит с нашей литературой – лишь часть общего либерального плана. Первый удар был нанесен как раз по идеологии, литературе и культуре, он был необходим для «оправдания» последующих издевательств над экономикой. С некоторым запозданием взялись за образование и науку.

О бедах русской литературы говорили и даже кричали сотни раз… Надо понимать, что в нынешней системе нам места нет.

Как бы то ни было, писатель не может не заниматься творчеством. Пусть сейчас мы почти безгласны, замкнуты в рамках профессионального сообщества: собственно литературы, образования, культуры (библиотеки) и узкого круга преданных читателей, но вместе с изменением общественно-политического строя преобразится и литературный процесс. А переворот не за горами – слишком сильны противоречия.

Настоящий писатель себе не принадлежит, он приходит в мир, чтобы сказать свое слово по велению свыше. Он не гонится за славой, он может писать «в стол», может даже умереть в одиночестве, но рано или поздно войдет в литературу.

Само присутствие в русской прозе живых классиков советской эпохи: Юрия Бондарева, Владимира Личутина, Владимира Крупина, Бориса Екимова, Виктора Лихоносова и других дает точку опоры для ее развития. Не говоря о том, что «покойных» в литературе вообще нет.

За последние 20 лет ярко заявили о себе Александр Проханов, Олег Павлов, Алексей Варламов, Вера Галактионова, Роман Сенчин, Александр Киров, Юрий Лунин, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Андрей Антипин, - ряд можно продолжить. О последних трех нужно сказать особо.

На протяжении уже почти трех десятилетий в критике идут дискуссии о соотношении художественного и публицистического начал в литературе. Если припомнить, то еще на

заре 1970-х два Василия: Шукшин и Белов, спорили о первенстве факта, документа, с одной стороны, и вымысла - с другой.

У Захара Прилепина явный публицистический талант. И его знаменитое «Письмо товарищу Сталину», и замечательная книга о Леониде Леонове в «ЖЗЛ» свидетельствуют, прежде всего, об этом. К сожалению, художественная проза Захара Прилепина является продолжением его публицистики. Об «Обители» («Наш современник», 2014, № 5) сказано много лестных слов, но у этой книги газетный язык. А ведь язык – главное.

Примерно так же можно оценить и Сергея Шаргунова (роман «1993»). Если он в чем-то и уступает Прилепину, то ненамного.

Между прочим, в художественном смысле можно развернуться и на пространстве газетной лексики. У Александра Проханова язык вроде тот же, зато какие метафоры, каков пафос!

А вот у Андрея Антипина, еще только начинающего свой путь в литературе (повесть «Горькая трава», «Наш современник», 2013, № 4 и др.), обратная ситуация. Антипин - бесспорный талант. Язык его великолепен, но он довлеет над всем остальным в повести, сюжет которой статичен, в нем нет движения, нерва. Золотое равновесное соотношение между художественностью и публицистичностью – нелегкая задача для любого писателя.

В современной поэзии нет явного лидера, «властителя дум». После смерти Юрия Кузнецова это место никем не занято. Продолжают писать мэтры: Глеб Горбовский, Владимир Костров, Ольга Фокина и др. Среди выдвинувшихся за последнее двадцатилетие можно отметить Николая Зиновьева, иеромонаха Романа, Нину Карташеву, Юнну Мориц, по-настоящему перешедшую во «взрослую» поэзию в середине 90-х; Диану Кан, Марину Струкову… Список далеко не полный – можно включить в него еще пять-десять имен. Публицистический оттенок присутствует в палитре у всех перечисленных авторов, но это только оттенок. Лиризм в поэзии питается болью. Душа у наших поэтов переполнена Россией.

Мы живем в сумасшедшем по своим объемам информационном пространстве. Мышление и язык просто не успевают переработать весь этот массив. К сожалению, упрощение, примитив, штампы – приметы нашего времени. Самородки, конечно, появляются (тот же А. Антипин), но общей картины не меняют. Вся эта вселенская беда усугубляется многолетней «либеральной» политикой наших властей, на самом деле репрессивной по отношению ко всему русскому и национальному вообще. Под внешний патриотический треск последовательно и жестко проводится курс на уничтожение отечественного образования, культуры и литературы.

Государственной политике противостоять жутко тяжело, но нести читателю слово правды – наша обязанность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МЫСЛИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. *Вадим Кожинов о своеобразии русской литературы*

О своеобразии русской литературы говорил еще А.С. Пушкин: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (10, С. 40). О климате и образе правления В.В. Кожинов наиболее пространно написал в своей книге «Россия как цивилизация и культура» (5). Но понятно, что важнейшим для литературы является вопрос о вере.

Вадима Кожинова не раз упрекали в недостаточной «православности». Мне, в частности, об этом говорил Василий Белов, сокрушавшийся о том, что Кожинов хороший литературовед и критик, но не православный.

Но так ли это на самом деле?

Станислав Куняев в книге воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия» пишет: «Итак, был ли Вадим Валерианович человеком верующим? Не знаю, несмотря на его собственные признания о разговорах с Бахтиным. Утверждать не могу. На мой взгляд, скорее он был стоиком, убежденным в том, что религиозное призвание человека в постоянном исполнении своего земного долга. Несмотря ни на какие враждебные человеческой судьбе обстоятельства жизни» (6).

Алексей Татаринов замечает: «Не только в ранних работах, но и в своих поздних выступлениях Кожинов не акцентировал внимание на христианской позиции. Он шел не от заданной православной нормы, получившей в сознании монополию, к обнаружению её присутствия в литературных текстах, а от структуры художественного сознания к мысли о её не прямом, а типологическом взаимодействии с христианским мировоззрением» (11).

В то же время Юрий Павлов подчеркивает: «Для В. Кожинова важно определить, в какой системе духовно-нравственных и эстетических ценностей работает художник…» (8, С. 41).

А вот что об этом говорит сам Вадим Кожинов: «Писатель Леонид Бородин сказал как-то, что духовность – понятие религиозное. Я готов согласиться с Леонидом Ивановичем, что в идеале это действительно так. Но считаю, что в настоящее время сводить все к религиозности нельзя, да и просто неверно… Я вовсе не хочу сказать, что сам богословски грамотен. Да, я крещен: помню, как в 1935 году, после долгих лет запрета, разрешили ставить и украшать новогодние елки (вместо прежних рождественских)… Однако моя жизнь прошла вне религиозных традиций. Тем не менее, я, автор многих книг по истории России, сознаю, сколь велико значение Церкви, религии. За две тысячи лет исповедания христианства (а в нашей стране – более тысячи лет) рушились жизненные уклады, государственные и общественные институты, а Церковь – жива. Игнорировать ее роль недопустимо….Кстати, мой учитель, Михаил Михайлович Бахтин, человек глубоко религиозный, утверждал, что истинная религиозность – всегда на тончайшей грани веры и безверия. В противном случае все обращается в идолопоклонство. И уж никак нельзя сводить духовность к религиозности. Иначе – зачем же два разных слова? Уверен, что приобщение к религии должно происходить не в результате чтения современных изданий, пытающихся толковать учение о Боге (ничего, кроме вреда, такие толкования не принесут), – но только в церкви. Только здесь, в храме, происходит непостижимая связь человека с Творцом. Но, повторяю, религиозность и духовность не адекватны. Духовность – понятие несравненно более широкое, проявляющееся в многообразии великих деяний человечества, в извечном его стремлении к высшей Правде и Красоте» (12).

Обратимся к первоисточнику. В первом послании к Коринфянам Святого Апостола Павла (глава 12) сказано: «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (9).

В современных реалиях эта мысль подтверждена неоднократно.

«Многие русские поэты и писатели осознавали свое служение как **пророческое** (здесь и далее выделено мной – В.Б.), - говорит патриарх Кирилл. - Нередко они первыми ставили вопросы, которые со временем осознавались как общечеловеческие проблемы… По нашему глубокому убеждению, русская литература не может и не должна утратить тот

пророческий дар, ту огромную силу воздействия на умы и сердца людей, которой с избытком обладали ее лучшие представители» (3).

Митрполит Тихон (Шевкунов) заявляет: «Для нашей страны приобщение к великой русской литературе и к культуре в целом – это не просто образовательная задача, а важнейший фактор **духовного** притяжения, благодаря которому объединяются разные народы, люди разных религий и даже убеждений» (1).

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви отмечено: «Светская культура **способна быть носительницей благовестия**… В то же время Церковь предостерегает: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин. 4. 1)» (7).

Вадим Кожинов в своей книге «Размышления о русской литературе» (1991) утверждает: «Добро, красота, истина и **святость** народа (а ими обладает любой народ) – не умирают. И литература, в конечном счете, есть воплощение этого бессмертия. Вот почему народно-национальная основа литературы – это самое глубокое и самое главное в ней» (4, С. 6 – 7).

В первой части книги, в главе «И назовет меня всяк сущий в ней язык…» Заметки о духовном своеобразии России», В. Кожинов выделяет основные черты этого своеобразия, присущего как русскому народу, так и русской литературе и культуре в целом (в скобках мной указан духовный их источник):

1. *Отсутствие национального эгоизма. Все народы России имеют равные права* (этот тезис исходит из православного убеждения, что все равны перед Богом).
2. *Самоосуждение, исповедальность* (смирение, осознание собственной греховности).
3. *Самоотречение* (жертвенность).
4. *Органическая взаимосвязь личности и народа* (соборность).
5. *Всеобщий, имеющий ценность для всех народов смысл бытия* (бессмертие души).

Даже скользкий вопрос о «всечеловечности» русской литературы решается Кожиновым в этом ключе (С. 61): «Сама ее всечеловечность – это именно национальная, самобытно народная ее природа… Всечеловечность живет – можно даже сказать, таится – в самой *глубине* русского национального характера». (Душа человеческая по своей природе – христианка).

27 марта 1991 года я, будучи аспирантом МПГУ, стал свидетелем выступления Вадима Валериановича на конференции в ИМЛИ. Мои краткие записи не способны отразить всю полноту его речи, но некоторые ее моменты постараюсь воспроизвести.

«Главная наша беда, - говорил Кожинов, - в утилитарном подходе к литературе и культуре. Нельзя извлекать из текста одну политику, ее детали. В свое время голос Белинского походил на голос Бенкедорфа именно в силу его утилитарности.

Литература самоценна. Она демонстрирует самоценность жизни. А мы все стремимся переделать мир, сделать его прекрасным (коммунизм, капитализм и т.д.). В **духовном** смысле нельзя построить рай на земле (смотрите работу И. Шафаревича «Два пути к обрыву»).

В школе тоже господствует утилитаризм. Литературу там пытаются постичь голым умом, не воспринимают чувствами. А ведь поэзия – это эстетическая ценность, отражающая самоценность жизни (Рубцов, например, это понимал). Никто из учеников не знает, например, чем заканчивается «Анна Каренина». Все убеждены, что концовка романа – самоубийство героини. Но ведь Толстой ведет нас далее к мысли о том, что мир – это творение великого Художника».

Надо заметить, что эти рассуждения Вадима Валериановича были прямым ответом Александру Михайловичу Панченко, доклад которого предшествовал сообщению Вадима Кожинова. Панченко настаивал, что древнерусская литература – самая главная литература для нас. «Атеистов в Древней Руси не было, - утверждал он. – Древнерусская литература существовала 700 лет, именно она выразила национальные идеалы. В ней нет личности. Она анонимна. Это смиренная литература (гордыня – смертный грех). Чаадаев заявлял:

«Горе нам, если мы отречемся от нее!» Самым плохим считали человека, который был убежден, что все знает и во всем считает себя правым».

Вадим Кожинов, вероятно, увидел в этих утверждениях все тот же утилитаризм, только религиозный. Запальчивым высказываниям Александра Панченко Кожинов противопоставил свое понимание литературы как самоценной духовности, проявляющейся в личности не во внешней религиозности, а во внутреннем ее содержании.

Можно согласиться с Александром Дориным: «И здесь я считаю необходимым развенчать ещё один миф, поставить точку в нередко высказываемых сомнениях в вопросе - Кожинов и православие. Да, Кожинов не декларировал своё православное чувство, не выставлялся, не кичился им. Уверен, каждый человек, а тем более русский писатель, не должен вызывающе демонстрировать свою религиозность. Православными же, по сути, должны быть деяния, творческая деятельность человека» (2).

Духовный дар Кожинова проявился в его творчестве. И это – урок всем тем, кто до сих пор сомневается в «богоугодности» своего служения русской литературе.

1.2. Несколько слов об одной дискуссии

В начале 2010 года редакция «Литературной России» выпустила книгу Юрия Павлова «Критика XX – XX1 веков. Литературные портреты, статьи, рецензии» (М.: Литературная Россия, 2010. – 304 с.).

В аннотации к ней было сказано: «Один из самых заметных критиков нашего времени Юрий Павлов известен своим пристрастным взглядом на современную русскую литературу. Статьи его ярки, полемичны и всегда вызывают бурную дискуссию».

Дискуссия грянула незамедлительно, но поводом к ней стала не книга Павлова, а нечто иное…

В газете «Завтра» от 24 февраля 2010 года Владимир Винников в заметке «Апостроф» не стал рецензировать сборник Юрия Павлова, хотя и собирался это сделать. Он одобрил «боевую и нужную книгу, где четко и последовательно проводится линия «свой/чужой» (а так оно и должно быть: на войне как на войне)», но в дальнейшем ухватился за эпизод в эссе, посвященном Василию Розанову, «обиделся» за Белинского, вступился за него и весь свой пыл потратил на обвинения в адрес автора книги.

Юрий Павлов в статье «Белинский как эмбрион, или спасибо Винникову» («Литературная Россия» от 9 апреля), ответил так, как и должен был ответить на подобную «рецензию»: «Не секрет, что многие критики не читают рецензируемые ими книги. Они выхватывают несколько цитат из первоисточника и на этом фоне презентуют себя… В рецензии на мою книгу Винников приводит всего лишь одну цитату из статьи о Розанове. Приводит моё высказывание о Белинском как о родоначальнике вульгарно-социологического направления в отечественной критике. Владимир Юрьевич не согласен с такой оценкой, и главный пафос его отклика сводится к защите «неистового Виссариона».

Надо отметить, что «Литературная Россия», по моим многолетним наблюдениям, всегда давала слово всем заинтересованным сторонам. И в этот раз она не пожалела своих газетных страниц для желающих высказаться.

В следующем номере газеты от 16 апреля 2010 года появилась статья Романа Сенчина «Улыбнуться или ужаснуться?» Автор отдал должное критику: «Я не разделяю многих суждений критика Юрия Павлова и о литературе, и о жизни, и о судьбе России, но читаю его статьи с интересом и вниманием. Рад выходу его книги статей «Критика XX–XXI веков. Литературные портреты, статьи, рецензии» – каждая книга критики это событие,

это толчок движения литературы. К высказываниям Павлова о Белинском, встречающимся во многих статьях, я отнёсся с пониманием: это мнение автора, его трактовка, его осмысление тех или иных действительно для многих спорных убеждений Виссариона Григорьевича». В то же время Роман Сенчин заметил: «Отрицать его (Белинского – В.Б.) огромное значение в просвещении людей, в воспитании их серьёзного отношения к литературе, к своей судьбе и судьбе России, на мой взгляд, невозможно». Однако главное положение Юрия Павлова о Белинском как основоположнике вульгарного социологизма осталось без внимания автора статьи.

В последовавшем затем 16-м номере «ЛР» от 23 апреля были опубликованы аж две заметки на заданную Юрием Павловым тему.

Александр Руднев в отклике «Белинский был особенно любим» тоже вступился за «неистового Виссариона»: «Мы не смогли удержаться от соблазна ответить глубокоуважаемому Юрию Михайловичу Павлову на его инвективы против Белинского…Частные моменты никак не могут «свергнуть с пьедестала» великого критика». О вульгарно-социологической критике Белинского не было сказано ничего, Руднев только воскликнул: «Не согласен!»

Алексей Широков по степени эмоциональности превзошел всех: «Ай, Павлов! Знать, силен!»..: «Меня возмутил в статье Юрия Павлова прежде всего разнузданный, издевательский тон в оценках Белинского». О том, что ведущее положение статьи Ю. Павлова было им даже не замечено, не стоит и говорить…

Если все предыдущие критики Павлова выступили в защиту Белинского, то Сергей Сергеев в статье «Павлов как симптом, или арьергардный провинциализм» («ЛР» от 30 апреля 2010 года) не смог скрыть своей личной обиды: «Юрий Павлов… уже вторично дарит меня своим неблагосклонным вниманием».

Сергеев немедленно перешел к разговору о личности своего обидчика: «Поговорим о качестве опусов самого Павлова, который в последнее время взял что-то слишком менторский тон, очевидно, воображая себя новым Селезнёвым».

Между прочим, тон статьи самого Сергеева – не только «разнузданный и издевательский», но и по-настоящему оскорбительный по отношению к оппоненту. Павлов для Сергеева - «не творец», «начетчик», «ортодокс», «образование его явно оставляет желать лучшего» (эта фраза комична и достойна карикатуры в «Крокодиле»: «Кандидат исторических наук Сергей Сергеев дает пинок доктору филологических наук и профессору Юрию Павлову»); кроме того, Павлов, оказывается, «не дружит с формальной логикой», «застрял навеки в середине 80-х», «входит в число адептов почвеннической секты» и даже служит там «почвенническим полицмейстером» (?)

Впрочем, пафос Сергеева понятен, ведь, в отличие от других критиков Павлова, он защищает от «павловщины» не столько Белинского, сколько себя, любимого.

Владимир Винников тоже, вероятно, посчитал себя обиженным и счел необходимым ответить Юрию Павлову. В «ЛР» от 14 мая 2010 г. в заметке «Без скандалов жить скучно» он в очередной раз продемонстрировал полное непонимание сути проблемы, придравшись только к деталям, а в заключение… вызвал Юрия Павлова на интеллектуальную дуэль: «Судя по вашим публикациям, вы можете кое-что сказать по поводу весьма интересного – полагаю, не только для меня, феномена «русскоязычности» в нашей литературе и культуре вообще, а не только применительно к Белинскому». Юрий Павлов прав: Владимир Винников невнимательно читал его книгу, в которой об идеологии русскоязычной литературы сказано не «кое-что», а вполне подробно и с полным знанием дела (еще в 2004 году Юрий Павлов защитил докторскую диссертацию на тему «Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX века»).

Итак, каков итог дискуссии на сегодняшний день?.. Все дружно бросились на защиту Белинского, считая, что Павлов решил оскорбить его и «сбросить с парохода современности».

То, что у Белинского были и есть «недоброжелатели» - нет ничего удивительного, не случайно его окрестили «неистовым». Кроме Федора Достоевского и славянофилов, в число оппонентов критика надо включить Василия Розанова, а также нашего современника Дмитрия Галковского. Он в своем третьем, наиболее полном на сегодняшний день двухтомном издании «Бесконечного тупика» (2008 г.) «проехался» по Белинскому и революционным демократам с таким мстительным наслаждением, что даже мокрого места не оставил. Да и поклонники Белинского вынуждены признать: «Конечно же, никто также не станет спорить и с тем, что Белинский в своих оценках и приговорах нередко ошибался и бывал иногда совершенно неправ, что впоследствии подтвердилось самой историей» (Александр Руднев).

Цель Юрия Павлова была иной. Ведь он уточнил, что «о другом Белинском, мысли которого помогают постижению литературы, мы скажем в другой раз». Но это уточнение заметил, к его чести, только Николай Крижановский в отклике «Левая опричнина» («ЛР» от 14 мая 2010).

Основной тезис Павлова о том, что «Белинский заложил основы вульгарно-социологического подхода к литературе» так и не был рассмотрен.

Вот что пишет об этом Юрий Павлов: «Белинского без преувеличения можно назвать основоположником вульгарного социологизма в литературоведении и критике. Так, «неистовый Виссарион» в своей «главной» работе «Сочинения Александра Пушкина» оценивает человека, образы «Евгения Онегина», исходя из следующего теоретического постулата: «**Зло скрывается не в человеке, но в обществе**» (выделено мной – В.Б.). И как результат такого подхода – известные со школьной скамьи, ставшие аксиоматичными, но в корне неверные характеристики: «Не натура, не страсти, не заблуждения личные сделали Онегина похожим на этот портрет, а век»; «Его можно назвать эгоистом поневоле; в его эгоизме должно видеть то, что древние называли «fatum»; «Создаёт человека природа, но развивает и образует его общество. Никакие обстоятельства жизни не спасут и не защитят человека от влияния общества, нигде не скрыться, никуда не уйти ему от него».

Вполне очевидно, что Евгений Онегин, как и любой герой, человек, для Белинского – это продукт общественных отношений, жертва обстоятельств. При таком подходе личности отказывается в качествах субъекта – творца себя, общества, истории – и с неё **снимается ответственность за содеянное**» (выделено мной – В.Б.).

Именно в этом – нерв современной аксиологии и методологии, исходная точка сегодняшних мировоззренческих споров. Речь здесь идет о «тех отечественных традиционных христианских ценностях, которые всеми своими статьями утверждает Ю.Павлов» (Николай Крижановский). Если для атеиста Белинского стало аксиомой утверждение о том, что «человека среда заела», то для русского православного верующего, в том числе критика и писателя, нет ничего важнее евангельского откровения: «Зло исходит из сердца человеческого». Несколько иначе, но не менее точно об этом сказал поэт Николай Рубцов: «Мы сваливать не вправе вину свою на жизнь…»

У Юрия Павлова, к счастью, превалирует не публицистический, а концептуальный подход к данной проблеме.

Поэтому вести дискуссию надо по существу.

1.3. ДВА ИДЕАЛА Библейские сюжеты в произведениях Ф.М. Достоевского

Федор Достоевский родился в семье врача, в верующей семье, в которой родители читали детям Евангелие и даже учили по нему чтению! Библейские притчи с детства вошли в его сознание, точнее, стали *знанием*, но еще не были укоренены в духовном *опыте*.

Думается, *первое* духовное, а значит, и самое сильное впечатление Достоевский испытал, будучи подростком. В больничном парке любила играть девочка лет десяти, ангельского вида (внешность здесь не главное, главное, что у детей – ангельская душа). Может быть, Достоевский-подросток был даже влюблен в нее, влюблен романтически, платонически, как и полагается в этом возрасте: « ...Я играл с девочкой (дочкой кучера или повара) <...> Какой-то мерзавец, в пьяном виде, изнасиловал эту девочку, и она умерла, истекая кровью <...> меня послали за отцом, но было уже поздно…» (1, С. 20).

Федю Достоевского эта история (2) потрясла до глубины души, - здесь определяющее слово именно это: глубина. Он не мог смириться, во-первых, со *злом* в его самом крайнем выражении (писатель и в конце жизни считал, что страшнее этого преступления нет ничего), а во-вторых, с несправедливостью *міра*, в котором это зло возможно.

Вся дальнейшая его жизнь была наполнена борьбой со злом и несправедливостью.

Достоевский рано осознал, что зло таится в глубине, поэтому он уже в 18-летнем возрасте в письме к брату признался, что главная его цель – разгадать душу человеческую. К слову, в будущем великий писатель приблизится к разгадке как никто другой, но его юношеский максимализм (и нигилизм, свойственный тогдашней молодежи) требовал возможности облагодетельствовать не только *душу живу*, но и все человечество – ни больше, ни меньше!

Только что получивший признание как писатель (после «Бедных людей»), Достоевский ринется спасать человечество, мечтая о социальном переустройстве без Бога. Он оказывается в кружке М. Петрашевского, участвует в заговоре против властей, - духовной и государственной, - и после того, как заговор был раскрыт, приговаривается, вместе с единомышленниками, к расстрелу.

Некоторые исследователи считают, что власть поступила с ними слишком жестоко (3, С. 166). Как сказать… Формально Достоевский был осужден за чтение запрещенного письма Белинского к Гоголю, в котором критик призывал знаменитого писателя отречься от Бога, но ведь Федор Михайлович, конечно же, знал и о готовящемся бунте (петрашевцы планировали поджечь Петербург с разных сторон и тем вызвать беспорядки). Как бы то ни было, казнь должна была состояться в Петропавловской крепости, и в последние часы и минуты своей жизни Федор Достоевский усиленно молился, - и уже в этом действии было не только исповедание греха, но и обещание его исправить, если только Бог его услышит.

В последний момент казнь заменили каторгой, и Достоевский испытал второе сильнейшее впечатление в своей жизни. Оказывается, насилие и смерть (насильственная смерть, а точнее, ожидание ее, - напишет он позднее в «Идиоте», - невыносимы) может быть искуплена любовью, милосердием Божьим (или царским – не так важно, потому что царь подражал в своей милости Христу).

Последовавшая затем каторга, любимым чтением в которой за долгие четыре года было Евангелие, преобразила Федора Михайловича окончательно (в смирении перед Богом и народом-богоносцем) и, спустя некоторое время, миру был явлен могучий писатель, автор великих романов, главной темой которых стала схватка Бога и дьявола за душу человеческую.

Библейскими сюжетами наполнено все творчество Достоевского, но обычно вспоминают три романа с библейскими притчами, ставшими ключевыми для их полноценного понимания: «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

И во всех трех романах мы сталкиваемся с прямо противоположными идеалами: идеалом Содомским и идеалом Мадонны.

В «Преступлении и наказании» Содомский идеал живет в сердце сладострастника Свидригайлова, покусившегося на целомудренные души своей юной невесты и Дуни Раскольниковой, однако в его видениях появляется мерзкое стремление дойти до самого края – растлить тело, а главное, душу ребенка.

Содомский идеал ныне приобрел всеобъемлющий характер – молодежи навязывают, пусть и во внешне цивилизованной европейской упаковке, путь к торжеству дьявола и,

соответственно, к нашей духовной смерти: «безопасный» секс, «пробный» брак, «свободная» любовь, рассуждения о «допустимом» возрасте половой «любви», «суррогатное» материнство (которое, у нас, кстати, официально разрешил «православный» Д. Медведев). Прочие мерзости, которым Европа продала свою душу, даже называть противно.

Враг рода человеческого бьет в самое уязвимое наше место – в сильнейший инстинкт продолжения рода. И противостоит всему этому настоящий идеал, идеал Мадонны – любовь. Только любовь, одухотворенная нравственным, заповеданным ее пониманием, способна спасти душу, даже душу убийцы, Родиона Романовича Раскольникова: «Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого… …Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря».

В «Бесах» появляется еще один сладострастник «высокого» ранга, - Ставрогин. Он развратен как в своем стремлении общественного *насильственного* переустройства (переформатирования, как сейчас говорят), так и в желании, которое стало действием: растлении ребенка, доведении его (а потом и себя) до самоубийства.

Одним из эпиграфов к роману Достоевский взял евангельский текст об исцелении бесноватого *(Лк. 8,32-36).* В письме к А. Майкову (в октябре 1870 года) писатель развенчивает наш «цивилизованный» либерализм, в основе которого лежит не просто безверие, но одержимость, беснование, *отпадение* в рабство всем смертным грехам: "...факт показал нам тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось. Но тут произошло то, о чём свидетельствует евангелист Лука: бесы сидели в человеке, и имя им было легион, и просили Его: повели нам войти в свиней, и Он позволил им. Бесы вошли в стадо свиней, и бросилось всё стадо с крутизны в море и всё потонуло. Когда же окрестные жители сбежались смотреть совершившееся, то увидели бывшего бесноватого — уже одетого и смыслящего и сидящего у ног Иисусовых, и видевшие рассказали им, как исцелился бесновавшийся. Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которою её окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. Ну, если хотите знать, — вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется "Бесы", и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней" (3, С. 188).

В «Братьях Карамазовых» сладострастием заражена уже вся русская «семейка»: и отец, - развратник Федор, и сын Дмитрий, рассуждающий о «красоте» со знанием дела: «Красота - это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречья вместе живут. Я, брат, очень не образован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и

сидит для огромного большинства людей, - знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей». Его брат Иван пошел еще дальше (бросил вызов Богу и сошел с ума). Даже Алеша не свободен, как и все люди, от первородного греха.

Алеша – целомудренный юноша, послушник, которого все пытаются соблазнить: женщины – телесно, а мужчины – духовно, и битва за его душу становится главной в романе. Героя, опять же, спасает Божье милосердие, любовь, чтение Евангелия (глава «Кана Галилейская»). Он исполняет завет старца Зосимы и идет в мир, принимая будущий свой брак («малую церковь») как подвиг, мученичество, - мученические венцы держат над головами венчаемых не случайно.

Итак, идеалу Содомскому в творчестве Достоевского противостоит идеал Мадонны, но и социальная справедливость в течение всей жизни писателя была еще одной его важнейшей темой, - и в художественных произведениях, но особенно в «Дневнике писателя». Федор Михайлович, вопреки распространенным представлениям, никогда не отрекался от нее. Он писал, что приближенная к идеалу справедливость в обществе возможна («Надо только сойтись в одной точке»), и не только на краткий период, но и на долгий срок, если в ее основе будет Закон Божий. И название ее было Достоевским сформулировано: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш *русский социализм*! (выделено мной. – В.Б.)» (4). Юрий Селезнев объясняет слова Достоевского так: «Не в механических формах западных теорий "свободы и равенства" заключается социализм народа русского, но в свободном соединении всех для общего великого дела, во имя великой идеи. В духовной свободе и равенстве - идея "русского социализма", или, как он его называл еще, - "Христианского социализма"... (5, С. 538).

Не о коммунах и монастырях здесь идет речь, а о понимании нашим народом советского социализма как равенства всех (перед Богом).

У нашего народа сохранилась память о подлинных достижениях советского социализма как человеческой солидарности, вытекающей из сохранившейся на бессознательном уровне православной соборности. Единственное, чего он не принимает всей душой - генетическую несправедливость капитализма (и всегда так к нему относился). Если рассуждать не о личном спасении, а о более-менее справедливых формах русского бытия, то у православного социализма нет альтернативы - в идеале, разумеется. «Если говорить о коммунистической идее, то, по крайней мере, в нашем российском изложении, в нашей национальной интерпретации эта идея заимствовала христианскую этику», - заявил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в авторской программе на «Первом канале» «Слово пастыря» (6).

Возможно ли сегодня возрождение подлинных достижений советского социализма в соединении с православием как его духовной основой?

С Божьей помощью все возможно.

1.4. ***Достоевский о современности***

«Дневник писателя» уже при жизни Достоевского вызвал бурю откликов и воодушевление публики. «Некоторые говорили, что они читают его «Дневник» с благоговением, как Священное писание, на него смотрели как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешить их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени» (1, С. 281).

С тех пор ничего не изменилось (как говорил сам писатель, «*Все вверх дном на тысячу лет*»), на сегодняшние вопросы Достоевский отвечает по-прежнему прямо и с невероятной силой убеждения.
Все мы ощущаем нарастающую тревогу из-за событий последнего времени, мы находимся во вражеском окружении, против нас вводят санкции, взрывают и сбивают наши самолеты, убивают русских на Украине и в Сирии, провоцируют вооруженные конфликты в Донбассе.
Что скажет по этому поводу писатель, как оценит обстановку, какой даст прогноз?..
«Все чувствуют, что началось что-то окончательное, что наступает какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, и... что шаг этот делает Россия (2, С. 94*).*
Ещё: «Столкновение с Европой - не то что с турками, и должно совершиться не одним мечом", так всегда понимали верующие. Но готовы ли мы к другому-то столкновению?» (3).
«И в опасении столкнуться с нею в текущей войне, мы всего более боимся, что Европа не поймет нас и по-прежнему, по-всегдашнему, встретит нас высокомерием, презрением и мечом своим, всё еще как диких варваров, недостойных говорить перед нею» (4*).*
Мы возмущаемся тем, как ведут себя в военных условиях наши союзники. А что думает об этом Достоевский?..
"Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь именно с того, что выпросят у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают» (5).
Ф.М. Достоевский пишет: «*Теперь Россия уже побывала в Европе и уже сама образованна. Главное же - узнала всю свою силу и действительно стала сильна; узнала тоже, и чем именно она будет всего сильнее» (6, с. 78).*
Великий писатель говорит здесь о силе духовной, мы же поняли эту силу почему-то исключительно как военную, во внешней политике самый главный наш «успех» – война, притом, что искусство дипломатов состоит в том, чтобы ее предотвратить. Союзников у нас нет, только прихлебатели.
Когда началась сирийская кампания, многие схватились за голову: «Что мы там потеряли?!»
А вот что… Мы четыре года наблюдали, как уничтожают Асада, и только потом поняли, что с его падением в этот коридор саудовские конкуренты проведут газовую трубу в Европу, и весь наш бюджет превратится в пыль. Вот за что мы расплачиваемся жизнями мирных людей, детей и военных. За интересы наших финансовых и сырьевых магнатов – вместо того, чтобы поднять промышленность…
Мы всей душой с нашими летчиками и зенитчиками, переживаем, хотим победы, но… война в Сирии закончится позорным подписанием какого-нибудь очередного минского соглашения. Все наши войны за пределами России заканчивались либо поражением, либо ничем.
История также говорит, что после неудачной войны обычно происходит революция или переворот…
В этих сомнениях и выводах мы находим поддержку у великого писателя*:*
«Россия сильна чрезвычайно только у себя дома, когда сама защищает свою землю от нашествия, но вчетверо того слабее при нападении» *(7).*
Бить первым можно в подворотне, но никак не в политике, где более всего нужны осмотрительность и ум.

Мы двадцать с лишним лет пытались стать великой европейской державой. Каковы же результаты? – Посмотрим у Достоевского:
«И чего же мы достигли? Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полнейшее от России отречение. .. ...И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши "европейские" взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учтивой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них "не так поняли". Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les tartares), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками» (2, С. 22 – 23).
Что же нам делать? А вот что:
«Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать… (2, С. 22 – 23).
А пока наша либеральная интеллигенция все действия против врагов России, в том числе против принятых ими санкций, воспринимает в штыки, а почему? - Отвечает Достоевский:
«В последнее время многие говорили о том, что в интеллигентных слоях наших, после летних восторгов, явилось охлаждение, неверие, цинизм и даже озлобление. Кроме некоторых весьма серьезных нелюбителей славянского движения нашего, всех остальных, мне кажется, можно бы подвести под две общие рубрики. Первая рубрика - это, так сказать, жидовствующие. Тут стучат про вред войны в отношении экономическом, пугают крахами банков, падением курсов, застоем торговли, даже нашим военным бессилием не только перед Европой, но и перед турками… Чего же собственно хотят жидовствующие?.. ..."Порезвились, дескать, и довольно, а теперь бы и опять за дела" - биржевые, разумеется. Вторая рубрика - это европействующие, застарелое наше европейничание» (8, С. 63 - 65).
Коснувшись в 1832 году характера зарождавшегося русского либерализма, А.С. Пушкин пророчески заметил, что в России очень много людей "стоящих в оппозиции не к правительству, а к России" (запись дневника Муханова). Истоки гибельного для страны западничества, по словам Ф. Достоевского, - в начале и в середине 19-го века.
Вот что он пишет о Белинском*: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма (9).*
Он же о Герцене: «*Герцен был совсем другое: то был продукт нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. .. Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России» (9).*
А что теперь мы слышим от потомков Белинского и Герцена, от современных либералов?..
Достоевский объясняет: «*А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, - о, конечно, всё это было и прежде и всегда, но - но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше - конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов.* ***Наступает, напротив, матерьялизм, слепая,***

плотоядная жажда личного матерьяльного обеспЕчения, жажда личного накопления денег всеми средствами - вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения» *(2, С. 81 - 85).*
Например, реформа образования в России, подготовленная американскими спецслужбами, имеет вполне конкретную цель: переход молодежи на совершенно другую базовую систему ценностей, формирование иного мировоззрения. И тут мы касаемся опять сферы религиозной, потому что прекрасно понимаем, что речь идёт о том, чтобы подготовить людей к принятию глобальной системы управления и мирового верховного правителя.
Ненависть представителей так называемой «либеральной национальности» к России и к православию известна. Вот только некоторые их изречения…
А.ЧУБАЙС: "Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом - новые вырастут". http://www.pravda.ru/politics/parties/sps/46126-3/
Он же: «Я перечитал всего Достоевского, и теперь к этому человеку не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Когда я вижу в его книгах мысли, что русский народ - народ особый, богоизбранный, мне хочется порвать его на куски».http://newsland.ru/News/Detail/id/526092/cat/42/
К.СОБЧАК: " Россия стала страной генетического отребья».
http://porco.ru/content/view/1551/1
Т.ТОЛСТАЯ: «Страна не такова, чтобы ей соответствовать!.. Ее надо тащить за собой, дуру толстожопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается соответствовать, быть таким же бл…ским, как народ, тупым, как народ, таким же отсталым, как народ».
http://samsonov.name/trezv/citaty-o-russkom-cheloveke.htmlhttp://duel.ru/201026/?26_1_2http://newsland.ru/News/Detail/id/526092/cat/42/
И.ЮРГЕНС: "России мешают русские".http://www.nr2.ru/moskow/300609.htmlhttp://marina-yudenich.livejournal.com/561744.html
В.ПОЗНЕР: "Я думаю, что одна из величайших трагедий для России – принятие православия...".
http://community.livejournal.com/ru_politics/31640369.htmlhttp://vladimirpozner.ru/?p=349
"Я не русский человек, это не моя Родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома".http://www.lifenews.ru/news/23177
Б.СТОМАХИН: «Русских надо убивать, и только убивать — среди них нет тех нормальных, умных, интеллигентных, с которыми можно было бы говорить, и на понимание которых можно было бы надеяться.http://www.pravda.ru/news/politics/05-01-2011/1062839-0/
А.ТРОИЦКИЙ: «Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта» … http://slon.ru/articles/238959/
А вот недавние отклики на украинские и турецкие события либералов помельче:
«Кому нужен этот проклятый Донбасс?», «Подумаешь, турки самолет сбили, что ж, на отдых к ним не ездить?», «За убитых парижан сердце болит, а за русских не получается, у них на роду написано в муках гибнуть». http://svpressa.ru/blogs/article/138194/
Ненависть к православной вере, атеизм – вот ключ к пониманию либерализма и русофобии всех времен и народов.
Достоевский пишет*: «Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе» (9).*
По данным источников британского издания, газеты «Таймс», *«во время одного из многочисленных разговоров между лидерами двух стран Путин начал излагать Меркель свои взгляды на моральное разложение Запада и сказал, что ничто так не демонстрирует «упадок ценностей», как права, которыми на Западе наделили гомосексуальных людей. Издание не уточняет, когда именно состоялся подобный*

разговор между лидерами двух стран. После этого канцлер убедилась, что для российского президента характерно ультраконсервативное мышление, которое разделяет его ближний круг, и которое основано на вере в то, что российская система ценностей превосходит западную и несовместима с ней, сказал The Times источник. По его словам, Меркель поняла, что «с Путиным можно иметь дело только на его собственных условиях, что и неприемлемо, и невозможно». Канцлер теперь стала самым твердым сторонником новой стратегии сдерживания России, пишет издание, и полагает, что Запад «морально готов» к новой эскалации, которая приведет к ужесточению санкций. Поэтому Меркель занята созданием единого европейского фронта против Кремля, отмечает газета» (10).

Впрочем, «голубой» и «розовый» период современной европейской истории рано или поздно закончится, а что нам делать, Федор Михайлович?..
Писатель отвечает*: «На это есть одно магическое словцо, именно: "Оказать доверие". Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду» (11).*
Именно что в первый раз – за двадцать лет у нас не провели ни одного референдума!..
И в заключение – слова Ф.М. Достоевского о смысле противостояния с Европой и с нашими доморощенными либералами: *«В том-то и главная наша сила, что они совсем не понимают России, ничего не понимают в России! Они не знают, что мы непобедимы ничем в мире, что мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным. Что мы не Франция, которая вся в Париже, что мы не Европа, которая вся зависит от бирж своей буржуазии… …Не понимают они и не знают, что если мы захотим, то нас не победят ни жиды всей Европы вместе, ни миллионы их золота, ни миллионы их армий, что если мы захотим, то нас нельзя заставить сделать то, чего мы не пожелаем, и что нет такой силы на всей земле» (12).*

1.5. Поэзия Юрия Кузнецова: тематика и мировоззрение

Уже в первом московском сборнике "Во мне и рядом - даль"(1974) поэт сразу заявил все свои основные темы: Россия. Борьба добра и зла. Дом. История. Судьба. Война. Любовь. Поэт и поэзия. Человек и природа. Восток и Запад.

Тема войны была личной для "поколения безотцовщины": Н. Рубцова, Ю. Кузнецова и других поэтов; многие осиротели в те годы. Первым из них поднял эту трагедию до художественного обобщения Николай Рубцов (стихотворение "Березы"), у Алексея Прасолова она была одной из центральных, Ольга Фокина также не обошла её стороной. Юрий Кузнецов, продолжив эту тему, сказал, как было отмечено сразу, "новое слово" о войне и получил известность благодаря таким стихотворениям, как "Возвращение", "Отцу", "Гимнастерка" и др., хотя у некоторых критиков и вызвали протест следующие слова его лирического героя:

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?

- Отец, кричу, - Ты не принес нам
счастья!..

Но почему-то в свое время критики не протестовали против подобных же строк Прасолова:

И не знал ты, отец мой,
Что не даст никакого прощенья тебе
Твоей доброй рукою
Нечаянно смятое детство.

Сам Кузнецов сказал позднее: "Я много написал стихов о безотцовщине и постепенно пришел от личного к общему. Я въяве ощутил ужас войны и трагедию народа" (11), трагедию, которой поэт придает космический размах:

И протаял, как искра во мгле,
Хриплый голос далекого брата:
"Знайте правду: нас нет на земле,
Не одна только смерть виновата.

Наши годы до нас не дошли,
Наши дни стороной пролетели.
Но беда эта старше земли
И не ведает смысла и цели..."

Тема человека и природы у Кузнецова преобразуется в тему непримиримого столкновения "железного столетья" с природным началом бытия:

Переживает звездный час
Души безумие и мода
И ледяная лжеприрода
Числа, бетона и пластмасс.
("Цветы")

Это столкновение - не только конфликт мастера, пришедшего в храм природы, но и жестокое противоборство гуманистического сознания и материальной цивилизации, в котором нет победителей. Лирический герой не просто "экологически" мыслит, он превращает всю планету, и даже космос в поле "вечного боя".

От земной "Атомной сказки" - к космическому, вселенскому видению жизни в "Родстве" и "Стоящем на вершине" - таков путь мысли поэта в этих стихах. Включение в их ткань фольклорных образов - пока только лишь впечатляющий прием.

Боль, возмущение лирического героя Ю. Кузнецова, четкость его нравственной и общественной позиции по отношению к трагедии русского народа, наполовину уничтоженного в самом жестоком веке человеческой истории, видны в стихотворениях "Баллада об ушедшем", "На Рязани была деревушка...", "Кольцо". Общая для "деревенской" прозы и "тихой" лирики, эта тема дополнена Кузнецовым редким тогда упоминанием об эмиграции ("Много было мужчин с голубыми глазами...").

Литературоведы уже не раз отмечали, что в русской поэзии Кузнецов "ближе всего к "тихим лирикам": ощущением своей принадлежности к русской истории, осмыслением национального характера, ответственности за доставшийся от предков дом" (19,С. 70). Сам Ю. Кузнецов не раз говорил о В. Казанцеве, Н. Рубцове, Н. Тряпкине как о наиболее близких ему по духу поэтах. Их объединяет и общее жгучее, "кровное чувство земли, не благостно-сладкое..." (4), и общая идейно-эстетическая традиция. В одном из своих многочисленных интервью Ю. Кузнецов, отвечая на вопрос И. Жукова о том, что значит "следовать традициям", дал следующее определение:

- Это значит чувствовать твердую почву под ногами. Конечно же, родную.

Традиция народности, завещанная нам литературой Х1Х века, думаю, самая главная" (8).

Слово "почва" имеет в русском языке несколько значений, в том числе: "земля", "Родина", "основы национальной жизни" (язык, фольклор, религия, быт, история и т.п.). Все это является первостепенным в "почвенной" поэзии. У Юрия Кузнецова слово "земля" занимает третье место в образной символике, а слово "Родина" - восьмое. Сам поэт утверждает: "Русский быт, русская история, русская почва - для меня самоценны" (12). На протяжении многих лет Ю. Кузнецов был лидером "почвенного" направления в русской поэзии.

Со свойственной ему основательностью подошел поэт к теме Дома. "В поэтике Кузнецова он - ёмкий и собирающий образ, - писал Ю. Селезнев. - Это и отчий дом, и дом - Родина (поэмы "Дом", "Четыреста"), и весь мир, но уже не в его катастрофическом состоянии, а в ином, противоположном качестве" (17, С. 224). "Образ дома... своими корнями уходит в народные представления о нравственности. Ещё "Повесть о Горе-Злочастии" семнадцатого века разрабатывает мотив уход молодца из дома, осуждает его неприкаянность, забвение им родительских заветов" (14, С. 61). Если идти дальше вглубь веков, то можно увидеть, что в древнейших формах художественного творчества самых разных народов дом - изначальное понятие... Когда Пушкин узнал, что его рана смертельна, он сказал: "Мне надо привести в порядок мой дом".

В 1976 году вышел второй сборник Ю. Кузнецова: "Край света - за первым углом". В нем была более широко представлена тема природы, которую поэт грозно сливает с человеческим естеством: "В человеке роится планета." (Ночь уходит. Равнина пуста...").

Фольклорная образность богаче всего была использована Кузнецовым в поэме "Золотая гора" (1974), в которой впервые стала заметна некоторая перегруженность народнопоэтической символикой (идущей от былин, сказок, исторических песен); от этого страдал её язык, становился чуждым разговорной речи.

В следующей книге стихов "Выходя на дорогу душа оглянулась..." (1978) поэт продолжил исследование проблемы "разрыв-дороги" современного русского человека, но это исследование стало конкретным, менее личным, но более трагедийным.

Пессимистически решал Ю. Кузнецов и тему "поэт и современная поэзия" в стихотворении "Прощание", посвященном В. Кожинову:

...Как пауза, Владимир Соколов
Возникнул, ничего не обещая,
Но сосен шум твой тонкий слух
привлек -
Рубцовский стих угрюмо шевельнулся,
Но звук угас, как золотой намек...
И Передреев горько усмехнулся.

Начиная с книги "Отпущу свою душу на волю" (1981) поэзия Юрия Кузнецова обрела новое качество. В ней воедино соединились и проблемы современности, и древняя история России, и языческие мотивы, и вся сила любовного поединка.

Любовная лирика Кузнецова своеобразна, но в ней отчетливо видны традиции русской классической поэзии:

Я в поколенье друга не нашел,
И годы не восполнили утраты.
Забытое письмо вчера прочел
Без адреса, без подписи и даты.

Поклонная и мягкая строка
Далекое сиянье излучала.
Его писала женская рука -
Кому, кому она принадлежала?

Она просила участи моей -
Порыв последний зрелости бездомной.
А я не знаю, чем ответил ей,
Я все забыл, я ничего не помню.

Немало было юных и пустых,
И светлых, что любви моей искали.
Я вспомнил современников своих -
Их спутниц... нет, они так не писали.

Такой души на свете больше нет.
Забытую за поколеньем новым,
Никто не вырвал имени на свет
Ни верностью, ни мужеством, ни словом.

Это стихотворение было написано ещё в 1971 году, но его "мягкий" элегизм не стал характерной чертой кузнецовских стихотворений о любви. Любовная лирика поэта вошла в единый, цельный ряд его трагической по сути поэзии. Ведь борьба между "свободной волей человека И первородно-личною виной" происходит и в любви. В качестве доказательства поэт приводит строки Ф.И. Тютчева:

Любовь, любовь - гласит преданье -
Союз души с душой родной -
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И поединок роковой...

В страстной, глубоко интимной лирике Ю. Кузнецова виден прежде всего роковой во времени поединок. Эту боль лирического героя и посчитали "неоправданно жестокой" (клише сработало и здесь!) критики поэта. И. Федоров, например, возмущенно цитировал:

Я пришел - и моими глазами
Ты на землю посмотришь теперь
И заплачешь моими слезами,
И пощады не будет тебе.

Но, во-первых, критик опустил первую строфу этого небольшого стихотворения, а оно начинается так: "Ты чужие слова повторяла..." (1973); во-вторых, он не понял его смысла: лирический герой не ждет пощады от жизни ни для любимой, ни для себя; соединение душ, общая их судьба - таково содержание этой миниатюры.

Не жестокость, а сострадание и милосердие по отношению к леди Макбет (в одноименном стихотворении 1971 года) стали предметом новых обвинений поэта уже в "безнравственности". Да, леди Макбет - убийца, и Кузнецов знает, что ей "гореть в огне На том и этом свете...", но скажите, кто и когда запретил оплакивать погибшую душу?..

- Я плачу и молю любви -
Над этими руками.

"Не знаю в поэзии моего поколения, - сказала Лариса Васильева, - стихов о любви более полнокровных, более дерзких и точных по чувству, чем кузнецовские... Кузнецов говорит с женщиной на равных..." (4).

Ю. Кузнецов, действительно, относится к "слабому полу", как к равному и равноправному, но этот справедливый подход почему-то воспринимается как оскорбление, когда речь идет о женских способностях... "Женский талант, - заявил поэт, - наиболее полно выразился в пении, хореографии и лицедействе... В остальных искусствах их талант невелик. Они исполнители, а не творцы. Женщины не создали ни одного великого произведения" (10). Ю. Кузнецов смотрит "правде в глаза", а правда не оскорбляет: "К сожалению или к счастью, но это так и дано изначально, и что бы мы ни говорили о прекрасном поле, в поэзии для него существует только три пути: рукоделие (путь Ахматовой), истерия (тип Цветаевой) и подражание (общий безликий тип). Кто думает иначе, тот не понимает природы творчества" (9, С. 254).

Ещё раз послушаем Ларису Васильеву: "Не могу на это обижаться: он по-своему прав, расставил нас довольно точно - он ведь тоже хороший рукодельник"(4).

Отношение Кузнецова к "гуманисту" Петрарке вызвало возмущение у критика Б. Сарнова: "Да, дорого заплатил несчастный Петрарка за свои неосторожные слова... Власть, данную ему богом поэзии, Юрий Кузнецов использовал, как говорится, на всю катушку. И славно отомстил - через века - итальянскому поэту за его надменную неприязнь "к нашему брату"... Нет, портрет Петрарки у Юрия Кузнецова явно не получился. Но свой автопортрет он нарисовал замечательно!" (16). "Мы видим, - пишет К. Анкудинов, - как сталкиваются две позиции: культуроцентрическая и антикультуроцентрическая. Для культуроцентрика Сарнова слова Петрарки - именно "неосторожные слова", не идущие ни в какое сравнение с фактом его великого творчества. Поэтому для него подход Кузнецова, не придавшего значения творчеству Петрарки, саморазоблачителен; на взгляд критика, отрицательность получившегося у Кузнецова "автопортрета" даже не требует доказательств, она самоочевидна. Так же очевидно для антикультуроцентрика Кузнецова превалирование национально-политического фактора над культурно-поэтическим. Петрарка для Кузнецова - прежде всего ненавистник "бесславного племени" и только в последнюю очередь - поэт" (1,С. 91- 92). Здесь необходимо сделать уточнение. Кузнецов парадоксальным образом соединил разные эпохи, но по-настоящему "пострадал" от этого соединения не Петрарка, а пострадали итальянские солдаты. Для Кузнецова Великая Отечественная война - памятная личная трагедия, слившаяся с памятью рода, постоянно подвергавшегося агрессии с Запада (и не только). Но Кузнецов идет еще дальше, в самые глубины западной культуры, в течение многих веков высокомерно и несправедливо относившейся и к России, и ко всему славянскому "бесславному племени" (пример - Югославия 90-х годов XX века).

Мысль о том, что для Кузнецова Петрарка - "прежде всего ненавистник "бесславного племени" и только в последнюю очередь поэт" надо разделить на две части. Во-первых, любой человек - прежде всего человек перед лицом Правды, а потом уже поэт, сапожник, булочник и т.д. Во-вторых, Петрарка, естественно, не мог предугадать, что произойдет в XX веке, но "слово отозвалось" через несколько столетий именно потому, что с точки зрения Правды - он уже тогда был не прав. Он, действительно, попал под "горячую руку", и его "вина" гиперболизируется Кузнецовым (Петрарка как один из столпов западной культуры выступает в качестве ее символа), и нужно было бы "оговориться", "уточнить", "объясниться" с читателем, но это уже наша, литературоведческая задача, а Кузнецов - поэт, и он в очередной раз "сломал" укоренившийся в нашем сознании стереотип.

В цикле стихотворений, посвященных традиционной теме "поэт и поэзия": "Поэт" (1969), "Учитель схоронил ученика...", "Орлиное перо, упавшее с небес..." (1974), "Стихия", "Детское признание" (1974) и других, "Голос" занимает важнейшее место,

являясь программным для Ю. Кузнецова. "Для поэта, - писал лирик, - как и для каждого честного человека, главное - совесть, высший нравственный закон (выражение Канта), который должен быть незыблем. Именно его пытаются расшатать средства массовой информации. Это всем видно. На зрителей и читателей постоянно обрушивается наглая ложь и полуправда.

Это всё приводит человека в ужас. Но если его совесть спокойна, можно устоять. Убежден - сегодня опора не на красоту, а на совесть. Сам-то я давно вышел из-под влияния заданного как аксиома выражения - "красота спасет мир" - гипнотическая, пассивная и отвлеченная фраза" (12).

В связи с этим вспоминаются строки Владимира Соколова:

Мне страшно, что жизнь прожита,
Что смерть - это значит домой,
Что снова трясет нищета
На грязных вокзалах сумой.

Что родина - это слеза,
Что мать - это холм без креста,
Что вор, закативши глаза,
Гнусит: мир спасет красота.

Ю. Кузнецов, как и В. Соколов, не зачеркивает мысль своего любимого Федора Достоевского - его возмущает неправильное её толкование. Поэт выступает против понимания красоты как прелести, а не как красоты души, которая, как известно, "по природе своей христианка". Борьба против зла в любой его форме - вот духовная и одновременно гражданская позиция Юрия Кузнецова: "Поэт и гражданин - для меня эти понятия неразделимы" (12).

Почти в каждом стихотворении Ю. Кузнецов стремится "преодолеть" время с помощью "погружения" его в историю ("Сказание о Сергии Радонежском" (1980), "Посох" (1977), "Повернувшись на запад спиной..."(1979) и др.). "История во всем её размахе - это не "предмет" поэзии Юрия Кузнецова (то есть нечто "внешнее", отдельное), но самая сердцевина, стержень его художественного сознания и воли. В его книгах не наберется и десятка стихотворений, хоть в какой-то степени непосредственно отражающих исторические события и явления..., но видение Истории во всем её объеме живет в самой словесно-образной ткани, в самом стиле поэта» (7, С. 262). Правда, именно историческая "конкретика" вызвала крайнее негодование у многих критиков: "Будь Юрий Кузнецов настоящим художником, настоящим поэтом, он, изображая "подвиг" генерала Скобелева, сумел бы взглянуть на своего героя глазами тех, кого храбрый генерал так красиво и изящно покорил. А именно - глазами туркмен" (16). Увы, это стихотворение критики прочитали невнимательно. Генерал Скобелев совершил на самом деле удивительный поступок: после того, как "при гулкой пушечной пальбе" был взят Геок-Тепе, он решил без крови, без страданий своих и чужих солдат покорить достаточно мощную по тем временам крепость Асхабат:

- Текинцы, пал Геок-Тепе!
Довольно жить разбоем.
Клянитесь в вечной простоте
Жить миром и покоем!

Он совершенно один (при нем было только личное оружие: шашка и кинжал) двинулся в путь. Вот теперь можно полностью процитировать ту строфу, часть которой была приведена в "обвинительном слове" в адрес Кузнецова:

Гром славы двадцать верст подряд,
Все двадцать верст поездки!
Он взял без боя Асхабат,
Один, при полном блеске.

Все величие этого поступка - в его "вечной простоте".

"Следует заметить, - замечает К. Анкудинов, - что у Кузнецова тематика, связанная с Россией, несет в себе не только победно-торжественную интонацию, как в этом стихотворении, но чаще всего принимает трагический оттенок. Само существование России - бунт по отношению к установившемуся миропорядку, это "светлейшая страна иной красы и стати", где "свеча закона... бледна пред солнцем благодати". Не случайно у автора возникает желание вывести Россию из существующего бытия, создать ей другое (фантастическое) бытие. Это связано с острым ощущением непричастности России этому бытию, даже враждебности ему. Трагико-романтический бунт рассматривается Кузнецовым в триединстве: это бунт мифо-реальности против не-мифо-реальности, бунт вихревой России против бытия (не-России), наконец, бунт отдельно взятого человека против окружающего его мира" (1,С. 94). С этой мыслью можно полностью согласиться, только ее необходимо дополнить. Смысл первого авторского произведения русской литературы, - "Слова о Законе и Благодати" митрополита Илариона (проповеди, прочитанной в Софии Киевской 26 марта 1049 года), - равенство всех народов перед Богом. Не перед Законом (Закон ветхозаветный был "кардинально изменен" Иисусом Христом), а перед Богом, перед Его заповедями. Беда в том, что народы по-разному восприняли Благодать (Закон новозаветный), а многие оказались разделенными в вере, в том числе и русский народ. Но в России даже в условиях коммунистического язычества искание Правды, стремление устраивать все на взаимном доверии, а не на законе - сохранилось (См. труды Н. Бердяева). Здесь - истоки и нашего правового нигилизма, и бессилие законов, спускаемых сверху властями, и враждебность народа к западному, высушенному стилю жизни.

В поэтическом сборнике "Русский узел" (1983) Ю. Кузнецов подвел итоги работы за десятилетие, а также опубликовал несколько новых стихов ("Весть", "Китобой" и др.), в которых ещё сильнее был заметен всё усиливающийся пессимизм от сознания безвременья. "Небо покинуло душу мою...", - признавался поэт.

Следует отметить, что трагическое состояние души лирического героя Кузнецова на протяжении почти двух десятилетий оставалось неизменным:

- И снился мне кондовый сон России... (69 г.)

- Я не знаю ни Бога, ни счастья... (69 г.)

- Что вечного нету, что чистого нету... (70 г.)

- Я в поколенье друга не нашел... (71 г.)

- На распутье я не вижу Бога... (77 г.)

- Мы забыли о самом высоком... (79 г.)

- Боже мой, ты покинул меня... (81 г.)

- Душа верна неведомым пределам... (82 г.)

Это пессимистическое настроение было буквально сломлено в следующем сборнике - "Ни рано ни поздно" (1985), в котором Кузнецов почти полностью отказался от иносказания, в его стихи ворвалась публицистика, поэт стал говорить "открытым текстом", нисколько не утратив при этом всей своей впечатляющей образности. Жесткий реализм детали, скупое, но точное использование фольклора сделали его язык более естественным. Теперь он передавал не только состояние застоя ("Заклинание", "Ни великий покой, ни уют...", "Мужик"), но и поднимался до социальной сатиры, гротеска, даже фарса (Похождения Чистякова", "Выпрямитель горбов"). Удивительно то, что все эти стихи и поэмы были написаны до апреля 1985-го. В стихотворении "Я скатаю родину в яйцо..." Кузнецов, предсказывая, даже торопит недалекое будущее:

Раскатаю родину свою,
Разбужу её приветным словом
И легко и звонко запою.
Ибо все на свете станет новым.

Книги Ю. Кузнецова, вышедшие во второй половине 80-х ("Душа верна неведомым пределам" (1986) - Государственная премия России 1990 года; "Золотая гора" (1989), "После вечного боя" (1989), а также сборники избранных стихотворений ("Стихотворения и поэмы" (1990) и "Стихотворения" (1990)) ещё выше подняли уровень публицистичности в его поэзии. Впрочем, вся литература, все вокруг разом заговорили в полный голос. "С 1985 года стала обнажаться космическая бездна", - скажет позднее поэт (12).

История XX века мифологична. Одни мифы были разрушены, другие пришли им на смену. Истоки "публицистичности" кузнецовского стиля следует искать именно в социальной мифологии.

В наиболее интересном сборнике с "говорящим" названием "После вечного боя" (1989), в котором были собраны новые стихи, а также те, которые не могли быть опубликованы раньше, поэт все чаще и чаще говорит языком злой и одновременно печальной сатиры ("Откровение обывателя", "Очевидец", "Захоронение в Кремлевской стене", "Ложные святыни" и др.). Его "Триптих" начинается так:

Я в Мавзолей встал в очередь за Лениным, -
Да, я его и со спины узнал.
Вошли мы с ним. Он пред своим успением
Повел плечами. "Холодно!" - Сказал.
Шла очередь, как в те года за хлебушком,
И вышла вся. Закрылся Мавзолей.
Куда теперь? - спросил его под небушком.
- В народ, - ответил, - к людям, где теплей.

"Я вижу Ленина и Сталина выпукло, во времени", - отмечает Ю. Кузнецов (12).

С горечью поэт говорит о Доме, о физической и духовной заброшенности России, в которой она находится до сих пор:

Не дом - машина для жилья.
Уходит мать сыра земля
Сырцом на все четыре стороны.
Поля покрыл железный хлам,
И заросла дорога в храм,
Ржа разъедает сердце родины.
Сплошь городская старина

Влачит чужие имена.
Искусства нет - одни новации.
Обезголосел быт отцов.
Молчите, Тряпкин и Рубцов,
Поэты русской резервации.

Кузнецов, не отделяя себя от народа ("Мы забыли о самом высоком После стольких утрат и измен"), понимает, сколь велика наша общая вина за то состояние беспамятства, в которое погружена его душа. Поэт с ужасом наблюдает, как русский народ, невозмутимо-равнодушный, "изрядный хозяин двора, Но не державы", сидит сиднем с "головой пустопорожней", "в чем мать родила",

Потому что когда-то желанья
Обобрали его догола.

Лирический герой Кузнецова одинок, и это не удивительно, ведь "русскому сердцу везде одиноко", но он все-таки пытается пробудить народ от страшного сна, вытащить его из бездны, поднять "душу, не помнящую родства" до осознания высоты национальных идеалов добра, любви и красоты, повторяет великие имена, "забытые землей", отчаянно призывает: "Трудись, душа ты окаянная!" Но, увы, слышит до боли знакомое эхо:

Мне-то что! Обываю свой крест.
Бог не выдаст, свинья не доест.

"Сон разума" тут же рождает чудовищ:

Я увидел: все древо усеяли бесы
И, кривляясь, галдели про черные мессы.
На ветвях ликовало вселенское зло:
- Наше царство пришло! Наше царство пришло!

"Нас окружают бесы!" - восклицает Кузнецов вслед за Пушкиным и Достоевским и со стоном в груди обращается к народу:

Ни великий покой, ни уют,
Ни высокий совет, ни любовь!
О, народ! Твою землю грызут
Даже те, у кого нет зубов.
И пинают и топчут её
Даже те, у кого нету ног,
И хватают родное твое
Даже те, у кого нету рук.
А вдали, на краю твоих мук,
То ли дьявол стоит, то ли Бог.

Вспоминается древнее предание, согласно которому русская земля была отдана на испытание дьяволу...

В 90-х годах, говоря словами поэта, "закатилось солнце России", наступила печальная развязка российской истории XX века:

Свет-русалка, ты слушала песни Садко
И на лунное солнце глядела легко.

Испокон с тобой дружат вода и земля,
Мирно дышат зубчатые жабры Кремля,

Твое царство живет крепким задним умом,
Управляется прошлым, как рыба хвостом.

Бьет со дна его чистый прохладный родник...
Но великий ловец ниоткуда возник.

Он явился, как тень из грядущего дня,
И сказал: "Эта тварь не уйдет от меня!"

Ты дремала, не зная о близкой беде.
Он словечко "свобода" подкинул тебе.

Чтобы в тину зазря не забилось оно,
Ты поймала словечко - с крючком заодно.

Острый воздух хватаешь разинутым ртом,
Возмущая все царства могучим хвостом.
("Ловля русалки")

Это стихотворение естественно вписывается в рамки кузнецовского поэтического стиля, не подверженного ломке в вихре политических страстей. Ю. Кузнецов всегда знал, что он хочет сказать своими стихами, ему не пришлось менять свои убеждения, подстраиваться под "общее направление". И поэтому так узнаваемы здесь и языческие, и фольклорные образы, и символы (вода, рыба - символы христианства), и лермонтовские реминисценции.

90-е годы - особые годы для России. У людей, не потерявших свою душу, "обнажилась совесть. У людей, у которых не было совести, обнажились змеи. Они превратились в чудовища..." (12). В эти годы, когда, по словам поэта, "над русскою славой кружит воронье", а на западе "заходит солнце славянства"; когда в "тучах лжи" оскверняются святыни и на "руинах великих идей" поднимаются герои толпы, "ложные кумиры"; когда "на две трети деревня мертва", и народ не странствует по Руси, как прежде, а бродяжничает, когда униженная держава "сгорела давно", - в эту пору:

Дух отрицанья учуял: победа!

Юрий Кузнецов - поэт редкой трагедийной силы. Его лирический герой видит трагедию не только в русской национальной жизни, но и в состоянии всей мировой культуры, гибнущей в тисках "железного" века. Он говорит о вселенском зле, о его изначальном первородстве и даже Прометея называет "сводным братом" Люцифера.

По мнению Ю. Кузнецова, в наше время на "поле битвы в сердцах людей" развернулось сражение с самим дьяволом и его пособниками: бесами, "призраками с четвертым измереньем", чудовищами из прошлого ("Очевидец") и настоящего ("Наваждение", "Борьба", "Испытание зеркалом", "Число", "Знак" и др.). В стихотворениях "Видение", "Великий инквизитор" и особенно в "Портрете учителя" поэт, говоря о вселенском зле, сознательно обращается к Библии, к её основополагающей догме о всеобщем противостоянии Бога и сатаны... "Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи" (От Матфея 4: 8-10).

Не случайно на юбилейном вечере в Центральном Доме литераторов Кузнецову был задан следующий вопрос:

- В ваших стихах чувствуется, что вы знаете или видите что-то такое, чего не видят и не знают другие, так ли это? Или это поза?

-Да, я знаю, что есть сатана, - таков был ответ поэта (6).

Юрия Кузнецова (если судить по его философским пристрастиям) всегда чрезвычайно волновали именно эти дилеммы: добро и зло, смерть и бессмертие... "В начале 70-х годов, - вспоминает поэт, - книга "Так говорил Заратустра" оказала на меня несомненное влияние. В ней я нашел много глубоких, поэтических красот. Потом все это я прошел. Ницше остался где-то в стороне. На каком-то этапе мне были близки воззрения Николая Федорова - "Философия общего дела" - о воскрешении предков. Время от времени, вот уже долгие годы, я обращаюсь к моему любимому мыслителю - Паскалю..." (12).

Знаменитые "Мысли" Блеза Паскаля - книга о христианстве, которое философ объяснил с точки зрения разума: "Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия" (15, С. 130). Но Кузнецов не был бы Кузнецовым, если бы не возразил "любимому мыслителю": "Вера - самая неподходящая область для рациональных рассуждений" (12). Поэтическое переложение евангельских откровений в "Портрете учителя", отсвет духовного опыта русских святых: Серафима Саровского (в стихотворении "Пустынник") и Игнатия Брянчанинова ("Видение") - само по себе это ещё не означает, что Кузнецов является "убежденным сторонником Православия": "Пускай об этом говорят другие. С духовенством наши правители заигрывают. Стали частыми теперь выходы священников к общественности, тут самые различные трибуны, включая телевидение. Я вдруг обнаружил, что я - продукт советской безбожной эпохи. Я же в храм хожу редко. Важнее, наверное, другое: я сохранил психологию православного человека. Бог для меня несомненен. Христос - тем более... Я чту православные святыни, исполняю, как могу, евангельские заповеди. Мне близки слова Христа: "Будьте как дети" (12). О близости этих двух составляющих мироощущения Кузнецова точнее всего сказано у И. Геворгова: "Истинное искусство, как и религиозное слово, обращается непосредственно к сердцу человека с откровением Истины. Поэтическое слово, как миф, вмещает в себя бесконечное содержание, будучи по форме простым и доходчивым. К такому слову-мифу стремится и поэзия Юрия Кузнецова в лучших её образцах. Эта поэзия - одно из интереснейших и поучительных явлений наступающей эпохи Русского Возрождения" (5, С. 105).

В свете мирового противоборства сил добра и зла видит Кузнецов и другую традиционную для русской культуры оппозицию: Восток и Запад. Связь тут самая прямая, ведь "Европа и Россия прочли Библию по-разному (13, С. 235). В разгар "перестройки" ("Я "раскусил" её через полтора года, в 1987 году, - признался позднее Кузнецов (12)) - поэт опубликовал следующее стихотворение:

Тень Петра по живому шагает.
- Это что за народ! - говорит -
Из окна, как лягушка, сигает.
Али наша держава горит?

А прохожий ему отвечает:
- Государь, он в Европу сигает.
- А держава? -
Прохожий плюется:
- А держава сгорела давно. -
Слышит: стук молотка раздается -
Это Петр забивает окно.

("Окно", 1988)

"Никаких исторических концепций у меня нет, - поясняет Ю. Кузнецов, - мое мышление мифологическое, образное. Из истории я беру то, что мне нужно... (О Петре 1:)...я знаю и такое его выражение: "Когда мы возьмем все от Европы, мы повернемся к ней спиной" (12).

Поэтическое и политическое чутье не подвело Кузнецова: история повторилась и в ходе реформ конца XX века. К ней безо всяких исключений подходит резюме выдающегося русского филолога прошлого века Ф.И. Буслаева: "...Чем больше развивалось на Руси западное господство, чем больше образованные умы сближались с интересами текущей европейской жизни, тем сильнее чиновничий принцип чувствовал себя в ложном положении, потому что официально не мог и не должен был сочувствовать многому, что делалось и говорилось на Западе" (3, С. 299). В этом отношении любопытно сравнение, сделанное современным литературоведом Львом Аннинским: "1941 год - на этом рубеже (родились) - два крупнейших поэта, можно сказать, ровесники, диаметрально противоположные по ценностям и, тем не менее, изумительно единые по неприятию либерального идеализма, который оба они: и Юрий Кузнецов, и Иосиф Бродский - отвергают с разных позиций. Кузнецов - с позиций национального дома, оборачивающегося у него пепелищем. Бродский - с позиций всемирного бездомья, которое катастрофично "по определению". Что же рушится в их сознании? Рушится - история как процесс... (2, С. 13). Усиливающееся в конце XX века общее эсхатологическое восприятие времени в кузнецовском поэтическом преломлении наиболее отчетливо выразилось в стихотворении "Хвала и слава". Его лирический герой чувствует личную ответственность за происходящее в мире, за конечный итог и своего, и общего земного бытия:

Близок предел. Счет последним минутам идет.
Из человечества выпало слово: вперед!
Господи Боже! Спаси и помилуй меня,
Хоть за минуту до высшего Судного Дня:
Я бы успел помолиться за всех и за вся,
Я бы успел пожалеть и оплакать себя...
Голос был свыше, и голос коснулся меня
За полминуты до страшного Судного Дня:
- Вот тебе время - молиться, жалеть
и рыдать.
Если успеешь, спасу и прощу. Исполать!

Какое счастье, что время ещё осталось! Остались, вопреки всему, идеалы православной религии и в народе:

Так, значит, есть и вера, и свобода,
Раз молится святая простота
О возвращенье блудного народа
В объятия распятого Христа.
("Голубь")

Только произойдет ли полное возвращение? Юрий Кузнецов сам отвечает на этот вопрос в своей поэме "Стальной Егорий":

В целом мире не знает никто -
Это русская жизнь без ответа.

В последние годы жизни поэта в статьях литературоведов и критиков все чаще говорилось о кризисе в творчестве Ю. Кузнецова: "Со второй половины восьмидесятых годов его слава идет на убыль. В этот период происходят серьезнейшие изменения в жизни страны... Это время оказывается неблагоприятным почти для всех "советских" поэтов, особенно для Юрия Кузнецова с его сложным и герметичным поэтическим миром. Он пытается "идти в ногу со временем", стремится ввести в свои стихи политические реалии, однако это окончательно разрушает его художественный мир" (1,С. 96). Но Кузнецову и не надо было "идти в ногу со временем", у него и так необычайно было развито мифосознание. В его "мифо-реальности" переплавлялось все: и древнее язычество, и христианство, и советская идеология, и "перестройка", больше похожая на обвал, чем на "постепенное разрушение". Вот что писал сам поэт: "...во внешности моего стиха, моей политической символике проступили резкие социальные углы: Кремлевская стена, Ленин, Сталин... Раньше социальность скрывалась в глубине символа, как подводный риф... (12). Нельзя согласиться и с тем, что его художественный мир разрушался, несмотря на то, что он, действительно, разочаровывал своими "политическими" стихами не самого лучшего качества, - просто в кузнецовскую поэтическую мифологию влилась мифология социальная, политическая. Книга Ю. Кузнецова "До свиданья. Встретимся в тюрьме" (1997) "свидетельствовала о том, что поэт никуда не исчезал. Что это поэт тяжелый, а не легкий... Это продолжение, а не окончание. Но это и развитие" (18,С. 11). Однако кризис в кузнецовской поэзии все же существовал, но кризис не идеологический, а духовный. Его православное видение Христа вошло в столкновение с ранее приобретенными новоязыческими представлениями и привычками, не случайно он говорил о себе (и о нас) как о "продукте советского распада"... Надо учитывать мировоззренческую эволюцию поэта: от ницшеанства, отрицающего Христа - к "почвенничеству" (наполовину - язычеству, наполовину - христианству). И последние поэмы Ю. Кузнецова о Христе подтвердили этот вывод.

1.6. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ Книга С.Ю. Куняева «И бездны мрачной на краю…» Размышления о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова (М., 2014)

Закрыв обложку с изображенным на ней небосводом и солнечным диском, рассеивающим тьму, я впервые за 15 лет, прошедших после выхода кузнецовских поэм о Христе, вздохнул с облегчением. Нашелся, наконец - среди нашей подлинной, а не мнимой литературной элиты - человек, сумевший отвести тень хулы и чуть ли не анафемы от великого русского поэта. И самое главное, как он это сделал! Не с филологическим микроскопом в руках, рассматривающим детали до мельчайших крупинок смысла, скрытого за псевдонаучной терминологией и брюзжанием ее «птичьего» языка. Не с высоты горделивого критического взгляда, снисходительно взирающего на оцепеневшую от этого взора поэзию. Не с говорливостью кричащей публицистики, воюющей с идеологическими мельницами. Не с панибратской усмешкой мемуариста, расшифровавшего дневники минувших лет… Станислав Куняев страдающим сердцем поэта проник сразу и всецело в тайну кузнецовского замысла, разогнав чужие мутные и рваные мысли, не освещенные правдой любви – а ведь только она и способна понять, простить и оценить душу человеческую!

Сразу надо сказать о так называемой «гордыне» Юрия Кузнецова… Не знаю, не довелось общаться с ним лично (разговор по телефону – не в счет), но если она и была, то исходила не из самооценки личности, а из осознания роли поэта во Вселенной. «Поэт всегда прав!» - говорил Кузнецов, и многих от подобной безапелляционности коробило, и зря: история поэзии подтверждает эту мысль. Взгляд поэта слишком глубок и уходит в

бесконечность, ему некогда отвлекаться на сиюминутность и думать о приличиях. Именно это, вероятно, имел в виду Сергей Есенин, когда замечал, что поэт не должен быть скромным. Но как разделить в себе поэтическое и человеческое?..

«Объем знаний о мире был ему дан сразу, - утверждает Станислав Куняев, - а потому он жил и писал, отстраняя от себя многое, что связано с возрастом, личной жизнью, реальными событиями, лирическим воздухом».

Юрий Кузнецов подходил к оценке поэзии с самой высокой меркой, и не его вина, что большинство современников (и не только) не выдержали этого экзамена:

Звать меня Кузнецов. Я один,
Остальные — обман и подделка.

Вообще Кузнецов смело, хотя и рискованно, отзывался о любых поэтических авторитетах, и критики неистовствовали: «Когда я усмотрел в моем любимом Блоке провалы духа, условный декор и духовную инородность и отметил это в поэме «Золотая гора», то вызвал волну лицемерного возмущения: как-де посмел! И стали открывать такое: я не согласен с Пушкиным! Я жесток к женщине! У меня не коллективный разум!! И вообще мои стихи вызывают недоумение! Первое, относительно Пушкина, чересчур, но лестно; второе и третье я отвергаю как недомыслие, а насчет недоумения могу только сожалеть...» (Ответ на вопросы анкеты // Лит. учеба. - 1979. - № 3. - С. 126).

Что касается Пушкина, то Кузнецову припомнили в свое время и строчки из поэмы «Золотая гора», на которой «Пушкин отхлебнул глоток, Но больше расплескал» («То есть одарил»,- парировал Г. Муриков), и статью «О воле к Пушкину». С некоторыми оценками пушкинского творчества в ней, действительно, трудно согласиться. Однако, основной пафос статьи (и этого критики не заметили напрочь) направлен не против великого поэта, а против замшелости, против стереотипов в восприятии гениальной поэзии, крепко в нас засевших и мешающих проявить свою «волю к Пушкину». Юрий Кузнецов ругал не Пушкина, а ту часть русской лирики после Пушкина, которая однобоко восприняла и исказила его некоторые традиции. Так что идеалы Кузнецов никак не «задевал», а просто «смотрел на них глубже, чем принято смотреть». Между прочим, в кузнецовском стихотворении «Голос» слышна перекличка со знаменитым «Пророком»: тот же «Божий глас», то же проникновенное восприятие Воли как светлой Истины: «Светло в моем сердце...», только Кузнецов более категоричен, когда говорит о Божьей Воле как первоисточнике творческого духа:

- Сияй в человечестве! или молчи.

Пушкин «пригубил» от чаши мифологических откровений, от мистической реки вечности, написав «Анчара» и «Пророка», но «больше расплескал» во все стороны десятки и сотни жанровых заготовок, необходимых для будущей русской литературы. Потом явились и Гоголь, и Лермонтов, и Достоевский, и Лев Толстой – и все они были благодарны Пушкину за эту творческую жертвенность. А Кузнецову, «богатырю русской поэзии», была нужна глубина, и только глубина: «Юрий Поликарпович, - замечает Ст. Куняев, - неодобрительно и почти брезгливо относился ко всему личному, по его суждению, приземленному и недостойному витать в высших олимпийских сферах… …Мировоззренческий спор Поликарпыча с Пушкиным, - размышляет далее автор книги, - то исчезал, то возникал снова, продолжаясь всю жизнь». Он очень и очень подробно прослеживает, как развивался этот спор, как проникал в другие темы поэта, например, в тему кровного родства. Ст. Куняев приводит цитаты из Ю. Кузнецова, обращавшегося к Пушкину на протяжении всего творческого пути.

Порой возникает впечатление, что вся книга о Кузнецове вышла из этого сравнения-спора. Не случайно на ее обложке классики стоят рядом, - Кузнецов чуть пониже. К слову, Пушкина Куняев знает великолепно, цитируя «наше все» всегда к месту.

Фигура А.С. Пушкина стоит в центре повествования, но не только она. Поэзия Кузнецова, как об этом убедительно пишет Ст. Куняев, удивительным образом соприкасалась с творчеством А. Блока, О. Мандельштама, М. Светлова, А. Прасолова и других поэтов, которых Юрий Кузнецов, как один из наиболее образованных литераторов России, знал, конечно, не понаслышке, а весьма глубоко, многие стихотворения декламировал наизусть.

И к Николаю Рубцову у Кузнецова было сложное, если не ревнивое, отношение. С одной стороны, в юности он пережил рубцовское влияние, с другой – сторонился его в зрелом возрасте, чувствуя дыхание соперника, так же, как и он, жившего в символическом пространстве, правда, не в космосе эпического мифа, а на родных просторах лирической народной песни.

У этих поэтов - схожая сиротская судьба. Не замечены были и их первые книги, вышедшие в провинции. Расцвет таланта у обоих пришелся на 60-е годы (хотя пятилетняя разница в возрасте все-таки сказалась)... После смерти Рубцова Кузнецов постоянно упоминал его имя в своих выступлениях и статьях, называя Рубцова в числе своих кумиров и справедливо считая его «одним из очень немногих поэтов, кому удалась попытка прорыва к большому бытию». Свою поэму «Золотая гора» Кузнецов опубликовал в Вологде. «Тут было наследование, - считает В. Курбатов, - хотя прямой переклички между поэтами будто нет, здесь было наследование, сознающее себя как противостояние». Вольные или невольные реминисценции видны у Ю. Кузнецова во многих стихотворениях и даже в переводах:

Мы в прошлом перевеса не найдем,
Испытано родное и чужое,
За все добро заплачено добром,
За все грехи заплачено душою.

Сравним у Рубцова:

За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Влияние рубцовской музы было настолько явным, что его приписывали даже очень ранним (50-х годов) стихотворениям Кузнецова (был такой грех и у автора этих строк - В.Б.).

Позже, пытаясь переболеть рубцовской интонацией в своих стихах, поэт вступал нередко в сознательную, откровенную перекличку с ним по принципу «клин клином вышибают»: «Отказали твои пистолеты, Опоздали твои поезда» (кузнецовские «Тридцать лет») - У Рубцова: «Пролетели мои самолеты, просвистели мои поезда» («Посвящение другу»). Но Кузнецов быстро нашел свою дорогу в русской поэзии. Эпическое восприятие жизни и предельная насыщенность символической образностью - вот качества, которые «всерьез и надолго» вошли в плоть и кровь его стихотворений. Рубцовская традиция оказалась плодотворной.

Внешний облик Юрия Кузнецова дан Ст. Куняевым широко, в разных ситуациях, особенно в период его работы заведующим отделом поэзии журнала «Наш современник» (автор признается, что замышлял в дальнейшем передать в руки поэта руководство лучшим патриотическим изданием). Впрочем, Куняев двумя-тремя точными уверенными штрихами рисует яркие портреты и других служителей муз, например, Виктора Смирнова: «Вскоре ко мне в кабинет вбежал весьма самовлюбленный и знающий себе цену поэт из

Смоленска Виктор Смирнов. Он держал на вытянутых руках, словно нечто непотребное, свежий номер журнала.

- Станислав Юрьевич! – закричал он плачущим голосом, - посмотри, что твой Кузнецов натворил с моими стихами!

Что-то бормоча и тыча пальцами в журнальные строчки, Смирнов, чуть ли не роняя слезы, пытался объяснить мне, что Поликарпыч так переписал его стихи, так изуродовал, исправляя их, что он, Виктор Смирнов, отказывается признать их своими и требует опровержения!»

В книге множество проницательных наблюдений, мыслей, не переходящих в выводы – автор дает возможность другим пройти по «железному пути» Юрия Кузнецова. Это и размышления о символах пыли, пути, вещего сна: «Это не просто стихи. – Говорит Ст. Куняев. - А может быть, и вообще не стихи в обычном смысле слова. Это скорее откровения… Этому особому жанру поэзии нужны не литературные критики, а истолкователи», ибо Кузнецов «сражался с невидимым злом, Что стоит между миром и Богом»!..

Заключительные главы книги рассказывают о последнем, самом главном, подвиге Ю. Кузнецова, создавшего поэтическую трилогию о Христе, поэму «Сошествие в ад» и незавершенную – «Рай». С середины 1990-х годов Юрий Кузнецов совершил сверхмощный рывок, он все свои силы бросил на алтарь дерзновенной по замыслу и величественной по исполнению цели: «Задача была приблизить Иисуса к душе русского человека. Я ее выполнил». (Из воспоминаний поэта В.В. Иванова «Преодоление одиночеств»).

«Между тем за публикацию поэмы в журнале, - рассказывает Ст. Куняев, - высказались, кроме Дмитрия Дудко, и Вадим Кожинов, и Владимир Личутин, и Николай Лисовой. Против были протоиерей Александр Шаргунов и мой друг Владимир Крупин». Особенно непримиримой была рецензия о. Александра.

Думается, что здесь произошло недоразумение, связанное с принципиальным различием поэзии (мышления в образах) и богословия. Помнится, что о. Александр Шаргунов выступал и против С. Есенина, посчитав предательством веры его хрестоматийные строки:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою.

Протоиерей Александр Шаргунов взглянул на образ рассудочно, не постигнув сердцем мысль поэта, пульсирующую в подтексте: без России, без ее веры нет спасения, нет рая. Русь Святая – Престол Божий, и если «рать» отвергает Россию, то никакая она не святая, а только прикинувшаяся таковой. Она похожа на «тень монаха» в стихотворении «Поэт и монах», написанном Кузнецовым за неделю до смерти. Дмитрий Дудко в своем отзыве, словно почувствовав что-то, отметил: «Да, это про нас говорят курганы и сорок сороков звонят, чтоб мы возвратились в отчий дом. Через Россию в Царство Небесное»… «Утром 17 ноября 2003 года он собрался на работу, оделся, сел в кресло и вдруг сказал:

- Мне надо домой!

- Юра, ты же дома! – сказала жена.

- Домой! – повторил Поликарпыч… Это было последнее слово в его жизни…

…Для Юрия Поликарповича создание этой поэмы, - пишет Ст. Куняев, - было его личным, его собственным путем к Богу и к спасению души».

Не буду вдаваться в подробности и предположения (например, о том, что в образе Монаха Юрий Кузнецов вывел Святителя Игнатия Брянчанинова), так как не силен в богословии, но приведу оценку современного священноначалия: «Культура является

богозаповеданным деланием человека… и способна быть носительницей благовестия… когда влияние христианства в обществе ослабевает или когда светские власти вступают в борьбу с Церковью» (из «Социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000)). Если искусство способствует спасению человеческой души, то оно полезно, если ведет ее к погибели — греховно.

Украшает книгу серьезный и содержательный анализ поэмы «Сошествие в ад». Нельзя сказать, что до Ст. Куняева не было попыток подобного «вхождения в текст». Можно упомянуть хотя бы основательную работу Н.И. Ильинской «Между миром и Богом: духовные и художественные искания Юрия Кузнецова» (2008). Но только у Станислава Куняева говорится о *смысле* этого удивительного произведения, давшего подлинную оценку ревнителям так называемых «европейских ценностей», а также нашим доморощенным грешникам, бунтовщикам и предателям России.

К последним поэмам Юрия Кузнецова критики подходили в большинстве случаев традиционно, со своей меркой, не понимая истинной природы символа, не разглядев его духовной основы. Кроме того, их надо анализировать в контексте всей поэзии Кузнецова, в движении его творческого времени.

Ключ к расшифровке этих произведений все тот же: Кузнецов, как поэт, воспринимал христианство мифологически: «Я долгие годы думал о Христе. Я Его впитывал через образы, как православный верующий впитывает Его через молитвы». («Воззрение»). Свое отношение к православной религии Кузнецов-человек выразил не менее четко: «Поэзия, конечно же, связана с Богом. Другое дело, что сама по себе религия, и особенно религия воцерковленная, может существовать без поэзии, в то время как поэзия без религиозного начала невозможна. Поэт в своем творчестве выражает всю полноту бытия, не только свет, но и тьму, и поэтому ему трудно быть вполне ортодоксальным, **не в жизни, конечно,** а в поэзии». (Выделено мной. – В.Б.). Поэтому мы не можем и не должны переходить на личность поэта и оценивать его как православного христианина. Все то, что произошло в его душе, он унес с собой. А вот непостижимая тайна его поэзии будет манить нас всегда.

Размышления о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова – одна из лучших, а может, и лучшая книга Станислава Куняева, награжденного за поэтическое и критическое мужество творческим долголетием.

1.7. *Земная доля Николая Зиновьева*

«Такого поэта в России больше нет», «сравнить его не с кем», – эти и подобные им изречения с завидным постоянством появляются в статьях и заметках о русском лирике Николае Зиновьеве.

Поражает единогласие пишущих о нем: все как один слишком скупо и почти безучастно сообщают о его личности. Быть может, неприметная внешность тому виной: скромный, даже застенчивый облик (несмотря на сократовский лоб), тихий голос, спокойный и незлобивый нрав… Между тем, в общении Зиновьев несколько иной. Кротость и безмятежность его только внешняя – внутри бушует настоящая буря.

И еще одно обстоятельство, причем самое важное, отвлекает от его персоны: слишком хороши и удивительны его стихи. Их с нетерпением ждут, читают и перечитывают, и каждое последующее обращение к ним открывает все новые двери на пути к чему-то очень и очень важному.

Николай Зиновьев родился в 1960 году в станице Кореновской Краснодарского края. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, в университете. Работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком. В 1987 году вышла его первая книга стихов. На сегодняшний

день у Зиновьева опубликовано несколько книг. В 2005 году ему была присуждена Большая литературная премия России. Живет в городе Кореновске.

Что такое быть поэтом сейчас, и чем сегодня является настоящая поэзия – Зиновьев знает твердо:

Это только слов игра,
Это мыслей перепляска,
Это тонкая игла,
Это чувственная сказка.

Это – тоненький рожок,
Петь его не приневолишь.
Это только смерть, дружок.
Только смерть, дружок. Всего лишь…
(«Поэзия»)

Нынешнее рубежное и смертельное время, увы, ни с чем не сравнимо: ни с меланхолическими семидесятыми, ни с танцующими и безрассудно-расточительными восьмидесятыми... Нечто жуткое, злобное, с грохотом взрывов и молчанием ягнят вошло в закатные часы северной «странной страны»: «Необычная эпоха, / Несуразные года!»

У монахов есть молитвенный подвиг общения с Богом. У поэтов свой подвиг самоотречения. Поговорив с небом в согласной тишине, они выходят с жертвенной и пламенной проповедью к людям. Николай Зиновьев проникает своими стихами в самую душу русского человека, страдающего, растерянного, упавшего нежданно-негаданно в самый разлом времен.

Простой человек не безгласен (об этом, например, свидетельствуют кричащие «Русские письма» в книге Олега Павлова), но поэт, в отличие от него, наделен особым даром слова. И кому, как не ему, заповедано быть эхом народным?..

Память для поэта – чуть ли не последняя отрада, он помнит спокойное дыхание могучей Родины, слышит прозрачную мелодию детства, но и ее заглушает пронзительно щемящая нота:

Мы спали на русской печи,
Счастливые русские дети.
В печи мать пекла калачи,
Вкусней не встречал я на свете.

Ты, память, давай, не молчи!
Как вены, вскрывай свои дали
Про то, как на этой печи
Мы русские сказки читали.

Где нынче та русская печь?..
А там, где и русская речь.

Разговор вроде бы не нов: о матери, о России, которая «всех любит без разбора», и о нем, о русском человеке:

Он в пороках неуемен,
Невоздержан на слова,
Но душой еще не темен,
Потому что мать жива.

Есть еще кому молиться
За него сквозь дымку слез.
Долго ль это будет длиться? –
То уже другой вопрос.
(«Мать»)

Причина такого состояния – не пресловутая «вековая усталость», а давным-давно известные ловушки от лукавого:

Что теперь искать причины?
Что искать следы беды?
Мало что ли чертовщины:
Водка, глупость, лень, жиды.

Последние, кстати, в стихотворениях Зиновьева говорят «знаковыми» фразами «околовсяческих» терцев и познеров:

Хотя и в дурдоме «неплохо»:
Там кашу дают из пшена…
Такая вот сука-эпоха!
Такие вот, б…, времена!
(«А жить все страшней и страшнее…»)

Противостояние неизбежно, потому что они отличаются от нас, потому что они - иные:

Иным и солнце всходит с Запада,
Иные – с низкою душой,
Иным легко и локоть цапать-то
Зубами – локоть-то чужой.

Иным совсем не надо веры,
У них и совести-то нет,
Им подавай всего без меры,
Им, как кротам, не нужен свет.

Они зовут себя «элита»,
У них везде не брат, а блат,
Для них любая дверь открыта,
Но шире всех – ворота в ад.
(«Иные»)

« - Судя по твоим стихам, ты не интернационалист.
- Ни в коем случае. Хватит с нас интернационализма, дети по-русски разучились говорить. Образование... Недавно статью читал: до революции Россия была безграмотна, но она была
образована. То есть каждый человек, вплоть до безграмотного крестьянина, имел образ.
- Образ Божий? То есть образование - это не сумма знаний.
- Это стержень. А мы все со средним и высшим образованием, очень грамотны, информации много знаем, а ОБРАЗА не имеем».
(Из беседы с журналисткой Ниной Роженко. – «Кореновские вести» от 17 мая 2010).

Приметы и причины национальной трагедии на самом деле еще более глубоки и зловещи. О них Зиновьев рассуждает в одном из своих лучших стихотворений:

Который год над нашим краем
Не пролетают журавли,
А мы живем и умираем
В заботах мелочных, в пыли.

В сердцах своих не носим света,
Живем бездумнее травы.
Я сам приветствую соседа
Кивком небрежным головы.

Не подаем убогим хлеба,
А с раздраженьем гоним прочь.
Христу, все видящему с неба,
Как от тоски не изнемочь?

В молитве рук не простираем
При виде утренней зари,
И потому над нашим краем
Не пролетают журавли…
(«Журавли»)

«Мы считаем себя цивилизованным народом, Европой, - рассуждает Зиновьев. - Но взять наши корни - редко, кто дальше прабабушки, прадедушки что-то знает о своих предках. А африканские племена, дикари с нашей точки зрения, до 27-го колена знают, кого как звали, кто чем занимался, кто там был шаман, кто колдун. Ну, и кто из нас цивилизованней?» (Из беседы с Ниной Роженко).

Говорит писатель Илья Бояшов: «Если малые народы, живущие с нами бок о бок, после исчезновения империи в большей степени занялись собой и своими маленькими национальными делами, то русские, будучи государственным «становым хребтом», давно отказавшимся ради государственных задач от своих родоплеменных связей, оказались в самом плачевном состоянии. Клановость исчезла, а имперских сверхзадач никто не ставит, никому не нужны сверхидеи, под которые русские как этнос и «затачивались». Не важно, было это построение коммунизма или попытка штурма космоса. Обратите внимание – у русских разрушены или почти разрушены практически все родственные привязанности. Современный русский – человек, который в лучшем случае имеет жену, сына, дочь, родителей и сестру или брата (и то многие со своими родными братьями-сёстрами почти не общаются). Что касается двоюродных, а тем более троюродных – отношения окончательно разрушены. Русский человек в массе своей атомизирован и бесконечно одинок. За столом теперь большими родовыми кланами не собираются – так, два-три близких родственника. Друг другу почти не помогают, каждый выживает сам». («Лит. газета» от 25 мая 2011)…

Он за сто лет так был напуган,
Что стал послушен, как овца.
Ослаб он телом, пал он духом,
И терпеливо ждёт конца.

Философ Константин Крылов в своем объяснении происходящего идет еще дальше: «Репрессии государства – вот главная и основная причина отсутствия солидарности у русских людей. Как только русские тянут руки друг к другу, им бьют по рукам, а потом эти руки ломают. В результате русские не просто боятся проявлять солидарность – они уже почти разучились это делать. Солидарность – общественный институт, тут одного желания мало. Солидарность – как игра на скрипке, ее надо еще уметь реализовывать. Так вот, нам не позволяют даже учиться этому… Мы являемся своего рода палестинцами, лишенными родины. Это нужно открыто признать и из этого исходить… Все, что было наговорено про русскую идею, про русский народ-бессребреник (замечательная идея, очень полезная народам-сребролюбцам), про народ, которому ничего не нужно и т.д. и т.п., - все это должно быть целиком и полностью отвергнуто. Нам нужна власть, собственность и идейное влияние. Вот главное». («Лит. газета» от 30 мая - 5 июня 2007)…

Стало мало русского в России.
Всё заморье к нам переползло,
Исподволь подтачивая силы,
Молча мировое сея зло.

Издаёт бесовские законы –
На костях устраивать пиры...
Отчего ж мы, русские, спокойны?
Потому что это до поры...

Жажда правды в поэзии Зиновьева вполне сопоставима с христианским подвижничеством: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Поэт не осуждает, не кликушествует, а обличает:

Уберите лавровый венец –
Никогда не ходил я в кликушах,
Но я знаю, что света конец –
Воцарение тьмы в наших душах.

Он проповедует, не зная покоя, и платит за это самую высокую цену, ведь он пишет кровью собственного чуткого сердца, а значит, добивает и его своей неизбывной мукой: «Ведь душа лишь болью / Выдает себя»:

Ужасная эпоха!
За храмом строим храм,
Твердим, что верим в Бога,
Но Он не верит нам.

Сентенция «все поэты – пророки» давно стала банальностью, но, если вдуматься, есть в ней какая-то великая и страшная тайна. Не случайно мистическая мудрость ветхозаветных старцев воскресает и в пророчествах нового времени:

И понял я на склоне дня,
Когда закат тек речкой алой:
«Не я свой крест, а он меня
Несет по жизни небывалой».
(«Крест»)

От мира – прогнившего склепа,

От злобы, насилья и лжи
Россия уходит на небо,
Попробуй ее удержи.
(«Исход»)

«Талант Зиновьева, - пишет Валентин Распутин, - отличен от других еще и тем, что он немногословен в стихе и четок в выражении мысли, он строки не навевает, как это часто бывает в поэзии, а вырубает настолько мощной и ударной, неожиданной мыслью, мыслью точной и яркой, что это производит сильное, если не оглушающее впечатление»…

Стих мой и короток и сух,
Похож на щёлканье затвора.
Недаром, видно, вражий слух
В нём ловит нотки приговора.

Секрет этого впечатления заключен не в одной только мысли. Сама по себе мысль, пусть даже самая точная и «абсолютно» неопровержимая, – мертва, если ее не коснулось горячее дыхание жизни. Холодная мудрость прагматиков – не для России. Она верна разуму, а не рассудку: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3, 18 – 19). Сердечное сокрушение, терпение скорбей, внутреннее созерцание собственных грехов ведет к иному - к разумению истины. У лирического героя Зиновьева плач о своих грехах становится всеобщим. За его спиной – миллионы рыдающих и скорбящих. Тут и горькие вдовы, и инвалиды Чечни, брошенные дети и окоченевшие от холода старики, озлобленные безработные и отчаявшиеся матери… Целые реки русских слез. Вот отчего стало мудрым сердце поэта. Седым и поэтому мудрым.

Лирический герой стихотворений Зиновьева принимает в себя нашу боль – всю разом, страдая не только от подлых ударов врага, но и от исконной мягкотелости российской, от доверчивости бескрайней, от духовной дикости и обычной людской глупости. Его жизнь – это жизнь России, все остальное не суть важно. Россия страдает – и поэт горюет вместе с ней. Надеется на Бога – уповает на Него и певец. Такова земная доля печальника народного во все времена.

Россия для него – не страна, не государство, не территория. Она – Мать. И этим словом все сказано.

Николай Зиновьев знает и исполняет непреложный закон реалистической поэзии: «Ничего придумывать не надо, / Все уже придумано давно». Афористичность, безусловно, самая яркая примета его стиля, но далеко не единственная. Есть еще один идейно-художественный канон, который выдерживается до конца сборника: от земной юдоли – к душевному перевоплощению, а от него – к преображению духовному:

В так называемой глуши,
Где ходят куры по дорогам,
Я понял, кто я есть. Души
Своей ходатай перед Богом.

В лирике Зиновьева чувствуется несомненное влияние поэтики великого земляка Юрия Кузнецова: балладный шаг стиха, роковая схватка света и тьмы в нем, перелицованные притчевые сюжеты (в стихотворениях «Старинное оружие», «Новый мавзолей», «Левша», «Сон», «Чудак»); но здесь Юрий Кузнецов выступает скорее как союзник Зиновьева, он не подавляет «младшего по рангу» своим авторитетом и мощью. Зиновьев сам по себе значителен и наделен от Бога только ему известной сверхзадачей.

Поэт легко и непринужденно оперирует образами, ритмика его стиха разнообразна. Отталкиваясь от первой фразы, он плавно и спокойно плывет по течению русской речи:

Моей души пейзаж невзрачен,
Коль он бывает у души:
Река с водою непрозрачной,
Поломанные камыши.

И вдруг с размахом и ожесточением бьет тем же самым блоковским «золотым веслом» по ее зеркальной глади:

Они кормили голубей,
Потом катались в лодке зыбкой.
Он рыцарем казался ей,
Она была его улыбкой.

В обнимку всюду шли они,
Еще нескладны и неловки…
Кто знал, что вечером они
Умрут от передозировки?
(«Подростки»)

Свежесть и неординарность его слога заключается именно в этой абсолютной свободе, не приобретенной, а дарованной свыше. Ведь там, где любовь, – там и свобода.

Словарный запас поэта, несмотря на краткость и лаконичность его стихотворений, весьма богат и многообразен. Нет у него и ложной стыдливости, он не стесняется использовать - вкупе с библеизмами и классическими формулами золотого века русской поэзии - разговорную речь на самой ее грани:

Вполне понятное явленье:
«Портвейн» мы пили, а не квас,
И вот теперь с недоуменьем
Глядит Христос: куда деть нас?
(«Потерянное поколение»)

В его стихах порой встречается своеобразная и неожиданная самоирония:

Земного владычица рая,
Прости, что слукавить не смог,
Но ты – мне опора вторая,
А первая – все-таки Бог.

Такое я мненье имею,
И истины нету другой.
Но все же куда я сумею
Допрыгать с одною ногой?
(«Еще жене»)

А порой – такой же ироничный, но грустный юмор:

Тесен мир. Уже не странно,
Вынув руку из кармана,

Ощутить чужую в нем, -
Что поделать, так живем.

Встречаются, к сожалению, в книгах Зиновьева и стихотворения, в которых нет образности, лишь одна прямая публицистическая речь («Несостоявшийся разговор о сталинизме»), но такие стихи все-таки большая редкость, что само по себе говорит о незаурядности его лирики и выдающихся ее качествах.

Николай Зиновьев, как и всякий человек, и поэт, не безгрешен, бывают и у него промахи и ошибки, но то, что выходит из-под его пера – это настоящая русская поэзия, искренность и глубина которой подтверждена всей его жизнью.

Вот что пишет прозаик Сергей Шаргунов : «Здесь дышат почва и судьба, вот что. Зиновьев современный, он своевременный, он нужный, у него сердце болит за сегодняшний и всегдашний день родных людей. Он может самое сложное: писать легко и просто, но мастерски. Тихий скромный треснутый голос приобретает силу пророка и трибуна… Нет пустых стихов. Все слова - выразительны, точно подобраны, завязаны на финал. Каждое стихотворение заострено – афоризм, каламбур, парадокс, рассказанная история. Почти все неожиданны, оригинальны. И обязательно высокое соседствует с низким, пафосное с бытовым, что придает этим стихам античное изящество. Главное – знаете что? В стихах этих – искренняя боль». ("Книги" с Сергеем Шаргуновым на радио "Вести ФМ" 21 августа 2010 года).

Литератор Петр Ткаченко подтверждает слова коллеги: «Его лаконичные, точные, бесстрашной искренности стихи подчас знают не только по книгам и публикациям, но запоминают и передают что называется из уст в уста, в чем мне приходилось убеждаться. Такого в нашей литературе последнего времени уже давно не было». («Так мне пророчествует лира» // Альманах «Соленая подкова» - http://www.noxog.ru/aljmanah-solenaya-podkova-/tak-mne-prorochestvuet-lira.html).

Летом 2010 года в «Литературной России» развернулась дискуссия о творчестве Н. Зиновьева. Началась она со статьи Владимира Шемшученко «Когда совсем нет света» (№25), - статьи на редкость злобной, несправедливой, полной зависти и откровенной лжи. Я послал в газету заметку в поддержку Зиновьева, но ее почему-то не опубликовали (наверное, опоздал).

Уровень дискуссии, особенно «интерпретации» некоторых стихотворений поэта, был удручающий. Складывалось впечатление, что его критики просто не знают элементарной вещи: художественный образ в поэзии – это не идеология, в нем скрыта масса смыслов, которые со временем только множатся.

О Владимире Шемшученко… Не раз говорили, что он поэт талантливый. Задолго до дискуссии я неоднократно изо всех сил пытался найти хоть искорку того дара, который отличает подлинную поэзию от стихотворчества, но не сумел. Теперь понимаю, почему.

Своим выпадом против Н. Зиновьева В. Шемшученко уничтожил не его, а себя. И этим поступком только подтвердил очевидное: он не верит в свой талант.

Зиновьев, кстати, ответил недоброжелателям:

Я самый слабый из поэтов,
К тому ж безграмотен на диво.
И нос мой красно-фиолетов
От самогона и от пива.

А вы все классики живые,
Уже вас в школах изучают.
Вы величины мировые,
Вас фейерверками встречают.

А я во тьме брожу кругами,
Я не нашёл свою дорогу,
Я пыль под вашими ногами…
Теперь довольны? Слава Богу.
(«Завистникам»)

Пожалуй, по-настоящему только Валентин Распутин сумел определить то место в русской поэзии, которое занято Зиновьевым и только им: «В стихах Николая Зиновьева говорит сама Россия». Но там, «наверху», ее не слышат и не желают слышать…

Не только русский мир рушится – гибнет все, потому что, кроме нас, живущих в православной стране, некому удерживать «сынов Адама» на самом краю обрыва:

В погибающей нашей Отчизне,
Где живущим свет белый не мил,
Засыхает само древо жизни
И протяжно скрипит на весь мир.
(«Скрип»)

Поэт не выходит за пределы, поставленные Промыслом. Ведь «знают только свыше», что ожидает нас впереди. Впрочем, не мешало бы вспомнить вечные глаголы: «Испытанья даются на благо, / Нет блаженнее русской души». Тем более что есть, есть утешение и в мире, пока видится в нем хотя бы капля ликующей радости:

Хоть каплю радости, судьба!
Яви отрадную картину.
Я вышел в степь, на луговину,
И что я там увидел, ба!

Зарю, что зорям всем заря –
Корову пасшего мальчишку,
Он Нового Завета книжку
Читал, губами шевеля…

1.8. КЛЮЧ ОТ РУССКОЙ ДУШИ К тридцатилетию творческой деятельности Николая Зиновьева

Писать Николай Зиновьев начал примерно с 1982 года под впечатлением стихов, опубликованных в журнале «Кубань»: «Я купил журнал «Кубань», который у нас издавался, прочитал стихотворения и думаю: дай я напишу, ну, и штук 6-7 написал, отослал. Приходит мне письмо: приезжай. Я приехал, поговорил со мной редактор, кое-что подправил и дал в следующем номере мою подборку – это была моя первая публикация, которой я безумно гордился, даже гонорар получил: 66 рублей» (1). Тридцать лет назад, в 1987 году в Краснодарском книжном издательстве вышла первая книга стихотворений Николая Зиновьева «Я иду по земле». Впрочем, сам Зиновьев довольно сдержанно к ней относится: «– Из первой книжки у меня одно стихотворение вошло в книжку, в какую, не помню. «Куда меня ночка морозная вынесла», вот с такой длинной, не свойственной мне строкой. И мне сейчас кажется, что оно не моё» (1). Подлинное признание поэта из провинции пришло позже, в 90-х годах, и само по себе оно было почти чудом. Стали выходить книги в московских и местных издательствах: «Полет души», 1997 г.; «Седое сердце», 1999 г.; «Дни, дарованные свыше», Москва, 2003 г.; «На самом

древнем рубеже», Краснодар, 2004 г.; «Новые стихи», Москва, 2005 г.; «Я наследник любви и печали», 2007 г.; «Души печальные порывы», 2006 г.; «Вкус огня», 2007 г.; «На кресте», Новосибирск, 2008 г.; «Я – русский» стихи, Киев 2008 г.; «Я – русский» стихи, Краснодар, 2008 г.; «Призрак оптимизма» стихотворения, Краснодар «Советская Кубань» 2010 г.; «Дождаться воскресения» стихи, Ростов-на Дону, «Ирбис», 2013 г.; «Ночной дневник» Ростов-на Дону, «Ирбис», 2015 г.; «Стена» Ростов-на Дону, «Ирбис», 2016 г.; «На родине» Ростов-на Дону, «Ирбис», 2016 г.; «Сборник стихотворений» Краснодар, «Традиция», 2016 г., многочисленные подборки стихотворений в различных журналах и газетах. Писатели Николай Дорошенко и Петр Ткаченко в один голос говорят, что «Николаю Зиновьеву удалось прорвать информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причём, казалось, без каких бы то ни было усилий с его стороны… Николай Зиновьев покорил читателей не упованием на «новую литературу», а установкой на «классическую лиру», вполне осознавая, как это «несовременно», наконец, как это невыгодно в обществе …» (2).

Об афористичности стихов поэта говорилось неоднократно. Композиция его стихотворений строится по раз и навсегда выбранному принципу: первая строфа даёт картину современности, вторая – подвергает её сомнению на прочность, с точки зрения христианской нравственности, и делается вывод:

По округе взор мой бродит:
Не крадётся ли где тать?
И врагов не видно, вроде,
И России не видать. (3).

Некоторые стихотворения состоят из одной строфы, другие – из нескольких, но структура их остается неизменной. Никуда не исчезло и зиновьевское чувство юмора:

Прогресса поступь мне знакома,
И ясен смысл его нагой:
Мы вышли в космос, а из дома,
Едва стемнеет – ни ногой.

Зиновьеву часто ставили в упрёк то, что он пишет «на злобу дня». Ответ поэта был таким: «Пожалуй, я перестану писать на «злобу дня», когда исчезнет злоба, и настанет Вечный день, и Поэзия станет надсобытийной» (4); «сейчас, по-моему, просто кощунственно писать о розах, о соловьях…» (5) – намек на слова Ф. М. Достоевского о стихотворении А. Фета «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья…»: «Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; домы разваливаются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял – или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского «Меркурия» (тогда все издавались «Меркурии»). Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах, несмотря на то, что им в эту минуту не до журналов; надеются, что номер вышел нарочно, чтоб дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч., и проч. И вдруг – на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шепот, робкое дыханье,

Трели соловья…

…Не знаю наверно, как приняли бы свой «Меркурий» лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта… … Мало того, поэта-то они б казнили, а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи вообще, а вместе с тем и за «пурпур розы» в частности. Выходит, что не искусство было виновато в день лиссабонского

землетрясения. Поэма, за которую казнили поэта, как памятник совершенства поэзии и языка, принесла, может быть, даже и немалую пользу лиссабонцам, возбуждая в них потом эстетический восторг и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколения. Стало быть, виновато было не искусство, а поэт, злоупотребивший искусство в ту минуту, когда было не до него….» (6). То, что это не догадка, а подлинная мысль Н. Зиновьева, подтверждает он сам: «А вот не помните, как у Достоевского о поэте, который сказал одни и те же слова, а после землетрясения – его рукописи разорвало, а потом пришёл другой поэт и сказал те же самые слова, и его подняли на руки» (1).

Но в последние годы социальность в стихотворениях Зиновьева стала уходить на второй план, точнее, в глубину постижения духовных причин происходящего с нами. Так, в одной из подборок 2012 года на сайте газеты «Российский писатель», состоящей из 17-ти стихотворений, чуть ли не в каждой строфе присутствует библейская лексика: «Безверье, рабы грехов, Бог, небесная рать, ад, рай, Второе Пришествие, молитва, юдоль, Небесное Царство, нечисть, воскресенье…» Неужели лирик ушёл в так называемую «духовную поэзию», стал православным поэтом? Сам Зиновьев это отрицает, но с оговоркой: «Если я скажу «да», то в этом будет какой-то элемент гордыни, если же «нет», в чём-то солгу. Пока сказать, как требует Святое Писание: «Да - да или нет-нет» - я, к сожалению, не могу. Но мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом» (4). Зиновьев понимает, что дело не в тематике, не в лексике, не во внешних признаках «православности» поэзии, а в подлинности её содержания: «Хорошая поэзия — от Бога. Несомненно, в ней, как и в религии, много мистики, порой она алогична, но всегда — истинна. А поэзия не от Бога — лжива, надуманна, прикрывает свою неискренность какими-то блестками, словесной пиротехникой, постоянно меняющимися «новыми формами». Разумеется, хорошая поэзия — это не только гражданская и любовная лирика. Тема не так важна. Она может быть надсобытийной — едва уловимое движение души, необъяснимый поворот мысли, неожиданно нахлынувшее чувство... Все, что связано с нашим бытием, — со-бытие. А что над бытием? Только Бог, который непостижим. А как можно писать о непостижимом? Только каким-то непостижимым образом и никак иначе. Вот для этого Богом нам и дана поэзия...» (7).

Ту же мысль он высказывает и в стихотворении «Собрату по перу»:

Хочешь знать, где я был?
В этом нету секрета.
Я в себя уходил
Не на миг – на все лето.
Исхудавший как пес,
Я вернулся обратно.
Что оттуда принёс
Записал аккуратно:
«О душе не пиши
Так темно и убого,
Знай, от русской души
Ключ хранится у Бога».

Поэтические перемещения в пространстве и времени удобнее всего проводить на страницах лирического дневника: «Веду уже я много лет / Дневник (или ночник?) души». Одна из недавних подборок стихотворений Зиновьева так и называется: «Из дневника» (2016). Это не просто лирические записи личных впечатлений и переживаний, это летопись судьбоносных событий:

Не пишу об Украине
По одной простой причине:
Я с ума сойти боюсь
И молюсь, молюсь, молюсь.

Впрочем, молиться надо не только сердцем, но и разумом. Зиновьев ставит в тупик всех тех, кто известный евангельский призыв молиться «за врагов» считает универсальным. Поэт отвергает это недопонимание:

Сердце ноет. Время мчится.
Мать с утра печет блины.
Не могу я научиться
Много лет уже молиться
За врагов моей страны.
По ночам мне снятся старцы, -
Не могу припомнить всех, -
Говорят они: «Сквозь пальцы
Смотрит Бог на этот грех.
Если мы тебе явились,
Значит, нет в тебе вины.
Мы и сами не молились
За врагов своей страны.

«…Ближним сегодня считаются все, кто ни попадя, - пишет Н. Зиновьев, - любой, оказавшийся рядом с нами, «в контакте», так сказать. Вы спросите: кто же на самом деле близок православному христианину? Обращаясь к святоотеческой литературе, можно сказать, что только единоверный, единодушный, соратник. И никто другой! Только за такого человека - ближнего своего - Господь призывает «положити душу свою» (4).

Игумен Борис (Долженко) объясняет:

«*Любите врагов ваших». Речь идет о врагах личных, вражда с которыми возникает по обыденным, бытовым причинам, но никак не о врагах Отечества или врагах Божиих.*

К врагам Отечества относятся те, кто сознательно покушается на его границы, политическую и экономическую независимость, а также на само бытие народа, или на те основы народной жизни, без которых он не может существовать. Это нравственность, культура, историческая память, рождаемость, здоровье, прожиточный минимум и другое подобное.

К врагам Божиим, без сомнения, следует отнести бесов, затем сознательных служителей сатаны; с некоторыми ограничениями и тех, кто открыто и нагло попирает закон Божий, борется с христианством и Церковью.

*Хорошо высказался по этому вопросу митрополит Московский Филарет: «**Люби врагов своих, бей врагов Отечества и гнушайся врагов Божиих**»* (8).

Непонимание (и неисполнение) фундаментальных нравственных законов – главная причина происходящего в стране:

Мы перестали быть народом,
Мы стали рыночной толпой,-
Толпа редеет год за годом
И тает в дымке голубой.
Наживы ветер всюду свищет,
И карлик смотрит свысока.
А выход где? Никто не ищет,
Хотя он есть наверняка.

Интересно, что в этом стихотворении присутствует прямая перекличка с известными стихами иеромонаха Романа:

Вожди живут себе в угоду,
Во власти полный паралич.
Мы перестали быть народом -
И засвистел кавказский бич…

Спорить приходится не с отцом Романом, а с теми, кто не видит истока наших всеобщих бедствий – давней повреждённости души:

Это свиньи утонули.
Бесы выжили вполне.
Что им время? Дотянули.
И вот несколько - во мне.

Что вы вздрогнули-застыли?
И не надо прятать глаз,
Остальные бесы в вас,
Просто вы о них забыли.

Так вот с бесами и ходим
Много лет уже подряд.
Нам и в справках пишут: "Годен",
Но куда не говорят.

Помрачнели ваши лица?
Выход есть. Один. Молиться.
Не только духовные опоры держат нас на земле, исторический опыт переплетается с личным:
Вот старый пруд с рекой в соседстве,
Пищит кулик среди куги.
А по воде бегут круги
От камня, брошенного в детстве.
(Видение)
Поэтический образ несёт в себе ещё и мистическое восприятие времени, в котором «…один день как тысяча лет, и **тысяча лет как один день**» (9):
Я сегодня дежурный по классу,
Я полил все цветы на окне,
Стёр с доски непотребную фразу,
Я сегодня на белом коне, -
Я и весел, и горд, и послушен…
Но теперь, через тысячу лет,
Ощущенья того, что я нужен
Не себе одному, больше нет.
(Из детства)
В народе о разрыве времён говорят с чёрным юмором: «Кем ты был в прошлой жизни?» Политики старательно обходят этот скользкий вопрос стороной, поэт же воспринимает время по-своему, «с точки зрения вечности». Подлинно лирическими становятся только те стихотворения, в которых есть подобные образы, а не просто сентенции «по случаю». Лучшими, на мой взгляд, являются следующие стихотворения Зиновьева: «Талант от Бога скорбен духом…», «Это свиньи утонули…», «Два отца», «Воспоминание», «Глядят с икон святые лики…», «Я в детстве жил на берегу…», «Не обмануть души поэта…». «Из детства», «Безответное», «Старушка»:
Седая, в беленьком платочке,
Суха, как пламя, и быстра,
Идет из храма, где с утра
Молилась о запившей дочке.

Молилась слезно и о сыне,
Который был убит давно
Среди чужой и злой пустыни,
Но для нее жив все равно...

Придя домой, заварит чая
Из трав заброшенных полей,
Так и живет, не замечая,
Ни лет, ни святости своей.
После такого стихотворения обвинять поэта в унынии и пессимизме опрометчиво, но обвинения в его адрес идут один за другим: «Пессимизм захлестнул его лирику и берёт в свои цепкие руки души читателей… Большинство лучших стихотворений Николая Зиновьева, к великому сожалению, порождают у читателей отчаяние. А отчаяние – это капитуляция духа. Ничто так не подрывает веру в свои силы, как неверие в них. В этом, на мой взгляд, главная беда поэта» (Валерий Румянцев,10); «Удивительным образом повлияло, по-моему, погружение в веру: вместо радости она принесла уныние, сомнение, самобичевание…» (Ольга Сумина,11. – Позднее она увидела «прежнего Зиновьева». – В.Б.); «Не грех ли такое уныние, дорогой Николай Александрович, для верующего человека?» (Валентина Ефимовская,12). Думается, здесь произошло недоразумение в восприятии наиболее откровенных лирико-философских признаний автора. Его скорбь – не уныние, а в**и**дение и осознание своих грехов, что само по себе – добродетель («Блаженны плачущие…»). Ответом Валентине Ефимовской, стали, вероятно, следующие строки Зиновьева:
А ощущать свою греховность,
Как говорится, в полной мере -
И есть та самая духовность,
Что пролагает тропку к вере.
В чём можно упрекнуть Зиновьева, так только в «грехе», свойственном чуть ли не всем литераторам, – в спешке. Некоторые стихотворения, в которых присутствует мысль, но нет образности, можно было не публиковать, доработать, дать им «отстояться»: «Он для общества член не полезный…», «Я из страны, где радость умерла…», «Вот грибочки, вот капуста…», «Мелькает в мыслях разное…» Этот вечный спор между душой поэта и внутренним редактором можно разрешить только во времени. Да, порой у Зиновьева «стихи небезупречны – безупречна Поэзия. А Поэзии в стихах Николая – бездна» (Александр Суворов, 13). Кстати, не только в поэзии: «Любому будущему историку, который начнёт изучать последний четвертьвековой период в истории страны, надо будет сначала прочитать всё, написанное Зиновьевым, а потом уже приступать к изучению материала, который ему понадобится. Именно такая последовательность даст правдивый взгляд». (Юрий Брыжашов, 14). Почитатели поэзии Зиновьева благодарны ему в главном: «Дорогой Николай! Слежу за вашим творчеством и радуюсь тому, что вы – моя духовная поддержка в нашей чудовищной действительности…» (Нина Черепенникова,15). Остаётся надеяться, что эта поэтическая сила слова будет нам помогать ещё очень и очень долго.

1.9. Лирическая проза Юрия Лунина

Поэзией вначале называлось искусство слова в целом, без разделения на прозу и поэзию. Стихотворная форма, конечно, зримей, чем прозаическая, но и в прозе должен быть внутренний ритм, звучание стиля, иначе язык перестает быть поэтическим. Юрий Лунин, один из самых талантливых и заметных современных прозаиков, говорит об этом так: «Проза тоже должна стремиться к этому, хотя состояние, в котором ты пишешь прозу и стихи, конечно, отличается... Когда ты читаешь хорошее стихотворение, то чувствуешь, что в нем каждая строчка неизбежна. В идеале в прозе тоже должно быть неизбежно каждое предложение, но это не всегда получается. У прозы нет поводыря, как у поэзии в

виде ритма, например, но мне нужен компас при работе с текстом, и для меня это язык. Если ты врешь, пишешь что-то непрожитое, наугад, это обязательно приведет к логической, стилистической или другой ошибке. А вообще, у прозы тоже есть потенциал быть поэтичной и музыкальной» (1).

Иногда проза и поэзия сложным и не до конца понятным образом взаимопроникают друг в друга, и тогда рождается довольно редкое явление, которое принято называть лирической прозой. Формальная структура лирической прозы важна, но она – всего лишь мертвое тело. Чтобы оживить его, требуется главное – дух. Если его нет, если цель не идеальна, то ничего не получится. Итак, ключевое слово здесь: идеал.
А.С. Пушкин писал: "Цель поэзии - поэзия... Цель художества есть идеал…". Идеал - это то, чего нет на свете, но что существует в идеальной реальности, онтологический образец, соответствовать которому может лишь преображенная реальность. Поэтому в творчестве особенно актуальной оказывается проблема веры… Размышляя о творчестве, нельзя не прийти к мысли, что оно родственно вере, которая, по слову апостола Павла, есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11, 1). Творчество, по своей мистической сути, занято тем же самым и имеет дело с разысканием в идеальной реальности тех вещей, которые оно призвано воплотить» (2).

Вот тут начинается самое сложное, так как мы имеем дело с духовной сферой, которую невозможно «потрогать руками». Обратимся за помощью к Н.В. Гоголю: "В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно - что-то близкое к библейскому, - то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости" (3).
Еще в 2008 году Екатерина Босина отметила подобную "духовную трезвость" в прозе Лунина: «И, наконец, Юрий Лунин. Вот его надо читать обязательно. Лунин ставит вопросы. Совершенно не молодежные, не подростковые какие-нибудь, а самые настоящие взрослые, общечеловеческие вопросы" (4).
Возьмём, например, его рассказ «Новая жизнь» (5). В стародавние времена подобный текст отнесли бы к прозе экзистенциализма, для которого характерны смертная тоска, безысходность и проклятия, вознесенные к небесам. У Лунина – прямо противоположное отношение к смерти. Неизбежная смерть у него – это переход к новой жизни и смена поколений как движение к совершенству.
Повесть «Пастораль» написана легко, свободно, смело. «Цепочная» композиция (от одного персонажа сюжетная эстафета переходит к другому) завораживает. Изображенная в повести жизнь и смерть ужасна, тонкая мелодия любви в ней похожа на одиноко играющую флейту, но если ее не слышать, жить было бы еще страшнее. Простая мирная жизнь возможна только лишь в музыке, в поэзии, в мечте. Автор прав: «Жить без любви – это так просто и, в общем, удается каждому. А с другой стороны, это невозможно, немыслимо».
Рассказ «Через кладбище» завораживает музыкой прозы. Лунин рисует картину русской природы широкими мазками, фразы синтаксически построены так, что читатель словно качается на звуковых волнах авторской речи и речи героев. Центральная тема – отношения отца и сына – присутствует и в рассказе «Три века русской поэзии», но там она дана пунктирно, а здесь является главной. Кроме психологической точности в обрисовке взаимоотношений, есть ещё что-то мистическое, слишком личное для автора, но не субъективное, как иногда бывает. Тема эта постепенно становится своей и для читателя. И хотя название рассказа располагает к минорному восприятию, концовка заставляет вспомнить о пушкинской «светлой печали»: «Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын, и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В

его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь».
Рассказ «Под звездами» так же посвящен психологическому поединку, притяжению и отталкиванию теперь уже между родными братьями, и так же стилистически безупречен, если бы не одно «но». Рассказ слишком затянут, перегружен многочисленными подробностями, затормаживающими развитие сюжета. Из-за этого внутренняя гармония прозы разрушается, тускнеет, становится замкнутой. И тоска здесь, увы, не светлая…
В рассказе «Бабочка" показана драма подросткового гипертрофированного самолюбия: «Господи, почему мир так враждебен ко мне, почему он постоянно издевается надо мной?» - взывал я затем к Богу. Есть у меня особенность: взывать к Нему по всяким пустякам»... У читателя может появиться мысль о мелкотемье, если бы не эти два предложения в конце рассказа: «Природа, согреваемая солнцем, извивалась, рыскала, прыгала, пестрела, текла, росла, качалась на ветру, томилась жарой и радовалась жаре, и ни в одном её детище не было гнева. Я много плакал, бродя среди красоты, которой был недостоин».
Рассказ «В морге» навеян… запахом. Запах испорченной капусты в холодильнике напомнил герою о ночи, проведенной в морге в студенческие годы просто так, из любопытства. Однако и здесь героя поджидает открытие: «Мы остановились под козырьком. Сокурсник предложил сделать по глотку горячительного перед тем как войти внутрь. Мы выпили, закурили, и я заговорил про странную архитектуру здания.
– Знаешь, – сказал я, – мне представляется советский зодчий, которому дали задание спроектировать этот морг. Согласись, от всяких художественных элементов надо было сразу отказаться.
– Почему? – поинтересовался сокурсник.
– Ну, хотя бы потому, что в художественных элементах присутствует стремление к красоте, а в *любой красоте неизбежно присутствует намёк на бессмертие».* (Выделено мной. - В.Б.).

Вот о чем, оказывается, это повествование! В нем развивается главный «достоевский» мотив всего творчества Лунина: красота, спасающая мир. Изображение морга, кстати, впечатляющее, чрезвычайно живописное. Даже здесь, в этом необычном тексте, звучит «ликующий гимн жизни», а не смерти.

"Визитной карточкой" Лунина является замечательный рассказ "Три века русской поэзии" (6). Филолог Гурий Судаков пишет: «Рассказ Юрия Лунина "Три века русской поэзии"… поражает глубоким психологизмом в передаче процесса пробуждения поэта в семнадцатилетнем юноше» (7).

Но поражает не только психологизм! Во вступлении к рассказу, состоящем из четырех абзацев, автор сразу раскрывает главную его цель и содержание: «По обеим сторонам от дороги стоит спокойный, еще не прогретый солнцем лес. Вся дорога в тени этого леса, и асфальт от этого – синий. В воздухе ясно ощущается запах прохладной дорожной пыли. Парень чувствует, что этот запах и синее каким-то образом связаны друг с другом и что в этой связи кроется нечто не по-земному прекрасное. Ему очень хочется разгадать тайну этой связи, и в то же время ему особенно приятно, что он не может ее разгадать».

В больничной палате парень прочёл антологию «Три века русской поэзии»: Тютчева, Заболоцкого, Фета, Рубцова, Пастернака, Полонского, Державина, Фофанова… «Видимо, боль, с которой он познакомился в больнице, распахнула в его сердце какую-то тайную дверь, в которую сразу и ворвалось понимание этих стихов».

Речь идет не о физической боли, а о приступах тоски и одиночества: «В первые дни после операции с незнакомой ему прежде тоской смотрел на верхушки берез, которые призывно дрожали сверкающими листьями за окном палаты».

В светлый вечер под музыку Грига

В тихой роще больничных берез

Я бы умер, наверно, без крика,

Но не смог бы, наверно, без слез... (Н. Рубцов)

«Слезы счастья» в рассказе схожи со слезами раскаяния на исповеди – очищающими и приближающими к «прекрасному миру», невыразимому, но ощущаемому душой.

Поэзия изменила его взгляд на мир, точнее, мир изменился сам, и столкновение с прагматическим, обыденным (разговор с отцом) убеждает героя: возврат к прежнему состоянию невозможен. «Он вспоминает свою вчерашнюю мысль, - что стихи делают идеальным неидеальный мир, - и понимает, что был неправ: стихи уже содержатся в мире, только в особом, небуквенном виде».

Ещё раз вспомним Гоголя: "Наши собственные сокровища станут нам открываться больше и больше, по мере того, как мы станем внимательней вчитываться в наших поэтов. По мере большего и лучшего их узнанья, нам откроются и другие их высшие стороны, доселе почти никем не замечаемые: увидим, что они были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими" (8).

Теперь герой способен видеть земной мир как мир Божий: «Мир – это рай. Я в раю», - думает парень, слыша гудение пчел, стрекотание кузнечиков и вдумчивый полуденный щебет маленьких птиц». Предуготовленная к любви душа сразу же, «в золотые секунды», встречает «ту, что приближалась к нему издалека». Это девушка на велосипеде, у которого даже колеса хрустальные – под взглядом героя рассказа все становится поэтическим. И следующая встреча, с «женщиной с рюкзачком» и ее дочкой, девочкой лет пятнадцати, вроде бы оказывается еще одной встречей с красотой: «Девочка улыбается, – видно, что не ему и не о нём, а, наверное, просто от привычки улыбаться, оттого, что нет причин не улыбаться. В такой улыбке тоже кроется красота». И вот тут, в самый воздушный, ангельский миг диссонансом вторгается пошлость: «– Давай, давай, не ломайся, – подбадривает мама. – Одной клубникой нормального мужика в дом не заманишь. Мужчине нужно другое – сама знаешь что». Не верится, что так, сразу, при первом знакомстве, мать этой девочки способна сказать такие, например, слова: «– Вот если приедет в гости, тогда оставлю вас вдвоём – будете целоваться сколько хотите. А сейчас поехали. В женщине должна быть недоговорённость». И тут на пути героя случайно (случайно ли?) встречается молодой священник отец Андрей, благословивший парня потрудиться «во славу Божию» - собрать стожок в поле. Соработник парня, Андрейка, больше похожий на бомжа, любитель выпить и покурить, оказывается вовлеченным в тот же поэтический круг: «Неожиданно парень чувствует к Матвейке то же самое, что он чувствовал к тем местам у реки, где ему сегодня приходилось останавливаться: этот человек уже не чужой ему и никогда не будет чужим, он навсегда отпечатался в его сердце и тоже стал его милой родиной. Парень снова ощущает рядом присутствие стихов – каких-то новых, не о любви, не о лесе, а, наверное, просто о человеке, – но он уже не пытается услышать слова этих стихов. Ему достаточно знать, что стихи есть, что они снова рядом». После работы герой рассказа идет не в гости к «женщине с рюкзачком» и ее дочери, где затаилось липкое и сладкое, - до дрожи, - но гибельное телесное начало, а поворачивает к храму, похожему на «инопланетный космический корабль, в котором всё, что кажется созданным просто так, для красоты, на самом деле имеет какое-то гораздо более важное, таинственное назначение». И теперь мы знаем, почему юный герой делает такой выбор: *«Без этого смысла невозможны и стихи»*. (Выделено мной. - В.Б.).

Всё-таки герой разгадал тайну поэзии! И встреча с соблазном состоялась уже после храма: «– Эх, художник, – говорит мама, взбивая ладонями свои короткие обвисшие от влаги

волосы, – на такую ты картину чуть-чуть не успел! Мы сейчас там с Алисой около леса купались… – она перегибается через руль и добавляет шёпотом, как бы по секрету: – Голенькие!..». Герой преодолевает соблазн, спасается почти бегством: «– Художник! – всё-таки слышит он за спиной. – Вы куда?!.. Что с вами, художник?!.. Художник, а вы случайно не голубой?!.. Или художники все голубы-ы-ые?!..». Музыкальное описание последовавшего в конце пути очищающего ливня звучит торжественным аккордом: «Поле вспыхивает белым светом, река на миг становится ртутной и пропадает в черноте, гром ударяет так сильно, что его слышно не столько ушами, сколько грудью, – и дождь принимается за работу сразу, без разгона».

Вторая встреча с НЕЙ, той девушкой на велосипеде, о которой парень думал весь этот бесконечный, длиною в целую жизнь, день, будет иметь продолжение – она оставила ему платок, совсем как в романах золотого века: «Он бережно складывает косынку в несколько раз, кладёт её в карман и уезжает в направлении дома».

День прошел. «Сегодня солнце и дождь, небо и облака, поле и река, храм и бетонная будка, Алиса и её мама, отец Андрей и Матвейка, богомольные старушки и, конечно, она, – всё как будто договорилось выступить перед ним, обыкновенным парнем, единым согласным хором, в котором каждая партия была исполнена великого, хоть и не всегда понятного значения». Он чувствует, что готов лишь к одному: «к бестолковой и великой судьбе поэта».

Главная мысль рассказа заключается в подчеркивании спасительного предназначения настоящей поэзии. Это сверхзадача для всех «служителей муз». Служим мы, конечно, не музам, а Богу, истине и Родине, и если не стремимся к спасению сами и не призываем к спасению других, то какая всем нам от такого творчества польза?.. "Поэзия наша, - утверждает Н.В. Гоголь, - пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служенью более значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколенье поэтов; нельзя служить и самому искусству - как ни прекрасно это служение, - не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство" (8).

Если в рассказе «Три века русской поэзии» пошлость – внешняя сила, от которой герой спасается бегством, то в повести «Клетка» (9) от нее так просто не убежишь – в лунинском тексте показана внутренняя драма духовного помрачения. Впервые образ зла, выбравшегося из клетки, появляется в рассказе "Смертное": «Утром я заключил, что вчера в очередной раз выходил из клетки мой зверь, и все происшедшее произошло лишь потому, что я эту клетку вовремя не запер».

Этот зверь называется в христианстве блудным грехом. И как его ни поэтизируй, как ни оправдывай - он таковым и останется. И в бунинском "Солнечном ударе", и в чеховской "Даме с собачкой". Лунин сознательно создает вариацию на чеховскую тему - есть в его тексте и упоминание классического произведения, и действие лунинского рассказа происходит в Таганроге.
Его герой, как и персонаж в рассказе Чехова, несчастлив в семейной жизни, да и семью создал вынужденно, из-за беременности подруги. В приступе тоски, в пьяном угаре он соединяется со случайной женщиной в поезде, в туалете (!), а потом следует за ней, ведомый только лишь влечением, а не чувством.
Лунин специально снижает образ как самого героя, так и его спутницы. Дама в рассказе - некий фантом, реализовавшийся лишь в воображении автора, она не похожа на настоящую, живую женщину, у неё нет эмоций, нет чувств. Если говорить прямо: перед нами пьющая, курящая, развратная особь, в душе которой нет даже намёка на раскаяние,

нет той боли, которая есть у главного героя. И это вдвойне печально, потому как именно женщина является источником и хранительницей любви.
Безвременье наше уничтожает многие светлые чувства и порывы, - слишком оно приземлённое и безысходное в своей неотвратимости, но неужели даже любовь в нём невозможна? Неужели мы живём в последние времена, когда, согласно словам Святителя Иоанна Златоуста, "**по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь**"? Один из толкователей Библии, А.П. Лопухин, пишет: «Если в семье водворяется беззаконие или безнравственность, которая есть также беззаконие, то, как это всем известно, между членами семьи прекращается любовь. Это верно и относительно отдельных обществ, государств и народов. По отсутствию взаимной любви между гражданами всегда можно судить, что среди них водворилось беззаконие; по существованию и развитию беззакония можно заключать о прекращении среди граждан взаимной любви» (1).
Курортный роман закончился, герой не ищет нечаянную любовницу, в нём нет любви, есть лишь вина перед близкими. Но это чувство искреннее, в нём залог будущего спасения, и не только литературного. Мы как "Отче наш" должны помнить сакральную фразу, определяющую грань в отношениях между мужчиной и женщиной вне брака: *"ЧУВСТВА СВЯТЫ, ВЛЕЧЕНИЕ ГРЕХОВНО".*
Итак, лирическая проза Юрия Лунина соответствует следующей формуле: *жизнь – любовь – смерть.* Лунин здесь не оригинален, вся мировая литература подчинена этому триединому вечному сюжету. Он оригинален в исключительно эмоциональной передаче оттенков сумрачной картины и в верности духовному идеалу спасения, - подлинному идеалу красоты.
"У моих рассказов нет ясных сюжетных линий, - объясняет Юрий Лунин, - для меня идеал рассказа – чтобы внешнее событийное всколыхнулось минимально, а во внутреннем плане произошло большое движение" (1).
Верность языковой, человеческой достоверности, стремление к духовной высоте и нравственной цельности - главные творческие принципы Юрия Лунина, которым, надеемся, он будет следовать всегда.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «Я ЛЮБЛЮ СУДЬБУ СВОЮ…» (НИКОЛАЙ РУБЦОВ)

2.1. Тема смерти и бессмертия в поэзии Николая Рубцова

«Поэту необходимо думать о смерти, и только памятуя о ней, поэт может особенно остро ощущать жизнь», — говорил Сергей Есенин. Смерть вошла в судьбу Николая Рубцова почти с самого её начала: умерла его мать и две сестры, отец пропал на фронте, и Рубцов много лет считал, что «на войне отца убила пуля», пока не встретился с ним в Вологде в 50-х годах.

Романтическая «тема моря», о которой писал сам Рубцов, смыкается в его ранней лирике с темой смерти постоянно:

Прямо в сердце врывалось силой
Красоты, бурлившей вокруг.
Но великой братской могилой
Мне представилось море вдруг.

(«Море»)

Даже в стихах, написанных на заказ и публиковавшихся во флотских газетах, она заявляет о себе со свойственной юному поэту категоричностью:

Ничего нет врага ненавистней!
Тот, кто смело врагов истребляет,
Никогда не уходит из жизни,
Если даже в бою погибает!
(«Сердце героя»)

Философские размышления о бренности мира («О земле подумаю, о небе, / И о том, что все это пройдет») резко отличались от бесшабашного матросского веселья в редкие часы отдыха. По воспоминаниям Валентина Сафонова, друга Рубцова, ставшего впоследствии писателем, «очень уж не вязалась печальная наполненность этих строк с обликом автора – жизнерадостного моряка… Кто из нас, двадцатилетних, мог всерьез воспринять строки о памяти, что «отбивается от рук», о молодости, что «уходит из-под ног»? Жизненные дали для нас, по сути, только начинались».

Может быть, сиротство и несчастная любовь сделали юношу философом, а может, нечто иное скрывалось в его поэтической натуре: «Все проходит, проходит и жизнь» (ст-е «Соловьи»).

Рядом с темами смерти, прощания, ухода, в его пока еще ученической лирике стала крепнуть тема бессмертия, вечности:

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал.
(«Я весь в мазуте, весь в тавоте…»)

- эта строфа из его ранней лирики воспринимается совсем иначе, если посмотреть на неё с этой точки зрения.
Самым загадочным стихотворением этого периода стали «Мачты»:

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской, -

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозовое свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье,

Будто все начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным.

Все мне кажется — нет забытья!
Все я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

Подобное заявление в условиях государственного атеизма само по себе было вызовом, но для Рубцова, искавшего истину, не это было главным – еще до службы на флоте будущий поэт познакомился с Библией, читал труды Гегеля, Канта, Аристотеля, Платона…

Зрелая лирика Николая Рубцова буквально пронизана насквозь данной темой, превратившейся в настойчивый мотив. Его лирический герой чувствует «смертную связь» с Родиной, видит «неспокойные тени умерших», покойную мать (ст-е « В горнице»), слышит «незримых певчих пенье хоровое» и воспринимает смерть как естественное продолжение жизни души:

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая…
(«Над вечным покоем»)

Здесь нет самолюбования, позы, искусственности чувства, - есть совершенное понимание бессмертной сущности любви. Поэт так рад этому пониманию, что готов поделиться им со всеми: «Поверьте мне: я чист душою», «Я клянусь: душа моя чиста».

Незримое присутствие Бога ощущается в зрелых стихах Рубцова постоянно, в стихотворении «Русский огонёк» он говорит о Нем естественно и просто: «Дай Бог, дай Бог…» Лексика этого периода насыщена библеизмами и производными от них: «божество», «ангел», «молитвы», «крест», «светлая весть», «вечный покой», «дьявольская сила», «молитвенный обряд», «святая обитель», «небесный свет», «Божий храм», «свеча»… Его «скромный русский огонёк» горит «как добрая душа» - в православной традиции горящая свеча – символ краткости земной жизни.

Размышления о связи смерти и бессмертия в стихотворении «В святой обители природы» завершаются так:

И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там – полночные светила
Наводят много-много дум…

О содержании этих дум можно только догадываться – цензура не позволяла раскрывать такие темы глубоко. Впрочем, для Рубцова она не стала таким уж серьёзным препятствием, он использовал иносказание, подтекст, символику, и не прогадал: «Кто мне сказал, что надежды потеряны? / Кто это выдумал, друг?» А вот и прямое его заявление:

И думаю я – смейтесь иль
Не смейтесь –
Косьбой проворной на лугу
Согрет,
Что той, которой мы боимся, - смерти,
Как у цветов, у нас ведь тоже нет!

(«Ночь коротка. А жизнь, как ночь длинна…»)

В стихотворении «Видения на холме» поэт говорит о любви к России «навек, до вечного покоя» - явное православное миропонимание бессмертия. Рубцов подтверждает и известную евангельскую мысль («У Бога все живы»): «Здесь каждый славен – мёртвый и живой!» («Старая дорога»). Личный уход, считает поэт, - лишь часть общей нашей судьбы:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что выплыв на лодке, повсюду достану шестом…
(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны…»)

Характерное замечание лирического героя: «без грусти дойду до могилы», многократно повторённое в его поэзии, свидетельствует о силе веры, убеждения в том, что и в жизни, и в смерти есть свой высший смысл. Николай Рубцов, полагаясь на волю Божью, не боялся смерти – это подтверждает не только его философская лирика, но и стихи бытовые, шутливые, ироничные:

Слез не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч,
Вот умру – и стану я холодный,
Вот тогда, любимая, поплачь!
(«Слез не лей»)

Если бы цензоры по-настоящему вчитывались в некоторые «проходные» стихотворения Рубцова, то они пришли бы в ужас! Гомерический хохот вызывал у читателей стих о покорителях космоса:

Люди! Славьте во все голоса
Новый подвиг советских героев!
Скоро все улетим в небеса
И узнаем, что это такое…

Рубцовский шедевр «Философские стихи» полностью посвящен теме смерти и бессмертия. Начинается он с укора умирающему человеку, создавшему в жизни «ложный облик счастья», полный довольства и славы, а заканчивается отказом от осуждения: «Мы по одной дороге ходим все…», осознанием неизбежного собственного конца («Когда-нибудь ужасной будет ночь») и пониманием смерти как Божьей милости и даже счастья:

Но я пойду! И знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!

Предчувствие ухода ощущается во многих юношеских стихах Рубцова:

Неужели так сердце устало,
Что пора повернуть и уйти?
Мне ведь так ещё мало, так мало,
Даже нету ещё двадцати…

(«На душе соловьиною трелью…»)

Впервые фразу о своей смерти он легкомысленно, полушутя-полусерьезно обронил еще в 1954 году в Ташкенте, когда ему было всего 18 лет: «Да, умру я! И что ж такого...». Десятилетие спустя у Рубцова вырвалось страшное предсказание: «Когда-нибудь ужасной будет ночь». Думы о собственном конце преследовали его постоянно:

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки. (1967)

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя. (1968)

В стихотворении "Зимняя ночь" (1969) то ли "черный человек", то ли сама смерть зовет поэта:

Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне...

Здесь все серьезно. Все дышит предвестьем небытия - не только упоминание о кладбище, не только классический символ смерти - ночь, но и указание на ее непознанность и невозможность познания: «Есть какая-то вечная тайна / В этом жалобном плаче ночном». В "Элегии" (1970) чувствуется уже обреченность: «Отложу свою скудную пищу / И отправлюсь на вечный покой». И, наконец, указана дата:

Я умру в крещенские морозы...

Стихотворения, посвященные поэтам, также поднимают тему гибели («Сергей Есенин», «О Пушкине», Дуэль», «Памяти Анциферова», «Последняя ночь») но, что удивительно, в понимании Рубцова преждевременная смерть – это тоже Божья милость:

Уже давно,
Как в Божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
(«Дуэль»)

Пророческие видения как уже говорилось, появлялись в стихах Рубцова неоднократно, даже с указанием места:

Мое слово – верное,
Мои карты – козыри.
Моя смерть, наверное
На Телецком озере.

Но самым известным произведением из этого ряда стало стихотворение «Я умру в крещенские морозы…» На предсказание даты собственной гибели все обращают внимание – это, действительно, редчайший случай не только в русской, но и в мировой

поэзии, - но содержание стихотворения на самом деле жизнеутверждающее: гроб разобьется, усопший встанет из могилы – совсем как в евангельском откровении! А концовка стихотворения и вовсе не оставляет никаких сомнений: «Я не верю вечности покоя!»

О духовных причинах гибели Николая Рубцова говорить сложно, да и вряд ли мы имеем на это право, но сам поэт оценивает свой жизненный путь весьма жёстко:

Почему мне так не повезло?
По ночам душе бывает страшно,
Оттого, что сам себе назло
Много лет провел я бесшабашно.

Еще одно предсказание смерти, причем в деталях, поражает:

Как жаль, что я умру
совсем бесславно,
А может, я с достоинством умру?

- Так и случилось, обстоятельства смерти поэта всегда будут вызывать вопросы.

Тема смерти и бессмертия в поэзии Николая Рубцова возникла не по прихоти автора, а по воле Божьей: «О чем писать? / На то не наша воля!» И относиться к его ранней смерти надо смиренно, по примеру самого поэта. Дело ведь не в том, сколько ты протянешь на этой земле, а в том, как ты проживешь, что оставишь людям:

Можно жить и лёжа на полатях,
Бить баклуши хоть до сотни лет.
Жизнь моя, промчись же,
Как торпедный катер,
Оставляя за собою
Бурный след!
(Н. Рубцов)

2.2. О прижизненной «безвестности» Николая Рубцова

Статья Игоря Панина «Санта-Барбара от Куняева» (пятый номер «Лит. России» от 1 февраля 2013 года) даже на привычном сегодня желтом газетном фоне выглядит особенно гадко.

Игорь Панин не скрывает своей «личной неприязни» к Станиславу Куняеву. Давние обиды, уязвленное самолюбие или зависть тому причиной – не так уж и важно. В конце концов, Куняев и Панин находятся в «разных весовых категориях» нашей литературы, и тщедушные удары малоизвестного автора Станислав Юрьевич может просто не заметить.

Но тема, вокруг которой подобным образом «танцует» Панин, слишком серьезна. Она касается личности великого русского поэта Николая Рубцова.

«Меня давно интересовало всё, что связано с именем Николая Рубцова, стихи которого я искренне люблю, - пишет Панин. - Прочитал массу литературы о нём, неоднократно беседовал с людьми, знавшими его при жизни. Удивляло вот какое обстоятельство – биографы, все как один, отмечали буйный нрав Рубцова, конфликтность и неадекватное поведение в состоянии алкогольного опьянения, но в нелепой смерти его винили почему-то одну Дербину». Логика автора понятна: в своей смерти Рубцов виноват сам, можно к этой «идее» присоединить уже другие, «жареные» факты, тем более что у Панина «вполне естественно» возникло «желание лично побеседовать с Дербиной, взять у нее интервью». Но о самом интервью Панин почти ничего не сообщает, зато приводит пространную цитату из давних воспоминаний Константина Кузьминского «Любовь поэта и кровь любви», лживых и отвратительных по своему содержанию и тону. Панин демонстрирует нравственную глухоту и вопиющий непрофессионализм, не гнушаясь цитировать эту мерзость, не замечая даже фактических ошибок автора, «живущего ныне в США».

Например, Кузьминский (и солидарный с ним Панин) настойчиво повторяет мысль о прижизненной безвестности и непризнанности Рубцова: «... Что знаем мы о трагедии Рубцова-Дербиной? О любви их – знаем. И в стихах Колиных, и в стихах Людмилы – о ней говорится. Была. А – о жизни полуофициального (?) поэта?.. О пьянстве его горчайшем?.. О попытках «пробиться в печать»?.. О нищете, неустроенности, о тоске? »

Безвестность Рубцова – на самом деле миф. При его жизни подборки стихотворений регулярно появлялись в центральных журналах и газетах, не обделен он был и вниманием критиков, особенно после выхода его книги «Звезда полей» (1967), получившей свыше 50 (!) рецензий, среди которых совсем не было так называемых «организованных». В журнале «Вопросы литературы» (тогда ведущем литературоведческом издании) имя Н. Рубцова встречается довольно часто. В третьем номере журнала за 1966 год В. Кожинов отметил подборку стихотворений поэта в «Октябре», в седьмом номере 1968 года Вл. Гусев писал: «Поэт, по сути, не так уж прост: главное в жизни, сама жизнь и смерть, природа и ясный простор земли в их отношении к человеку – вот что его занимает». (С. 107). В седьмом номере за 1970 год В. Кожинов заметил: «Сейчас нельзя уже говорить о современной русской литературе, не зная, что делается, скажем, в Вологде, - ибо там живут и работают Виктор Астафьев, Василий Белов, Николай Рубцов». (С. 32). В номере одиннадцатом за тот же год критик Ал. Михайлов рассуждал: «Н. Рубцову совершенно чужды получившие некоторое распространение плоское противопоставление деревни городу, кичливое любование своим крестьянским происхождением». (С. 25). Кстати, все отзывы о Н. Рубцове в журнале были исключительно положительными.

Еще один факт: Н. Рубцов без проблем публиковался в чрезвычайно популярных тогда альманахах «Дня поэзии», за место в котором разворачивались целые подковерные битвы, многие поэты даже поссорились из-за этого «всерьез и надолго» (В. Цыбин с Н. Старшиновым; Т. Глушкова и Ю. Друнина с Ю. Кузнецовым и др.).

Вот они, эти публикации Н. Рубцова: «День поэзии-1963» - стихотворения «В океане», «Утро на море», «В кочегарке». «День поэзии-1966» - стихотворения «Загородил мою дорогу…», «Над вечным покоем…» (в этом номере, между прочим, дебютировал Ю. Кузнецов). «День поэзии-1967» - стихотворение «Шумит Катунь». «День поэзии-1968» - стихотворения «У размытой дороги», «Последний путь». В «Дне поэзии-1969» - целая подборка: «На ночлеге», «В жарком тумане дня…», «Посвящение другу», «Во время грозы», «Последняя ночь».

А еще были публикации в региональном «Дне поэзии Севера»: в 1966-м, в 1968-м году – в двух номерах, вышедших в Архангельске и Петрозаводске; в 1969-м, 1970-м и 1971-м годах! Как видим, список получился довольно впечатляющий.

С середины 1960-х годов (время вступления Н. Рубцова в большую литературу) книги у него выходили одна за другой: четыре сборника за шесть лет, еще один был сдан в набор («Зеленые цветы») и появился в книжных магазинах сразу после гибели Рубцова, следующий («Подорожники») был подготовлен к печати. Мало кто из поэтов того времени мог похвастаться подобной «скорострельностью», многие ожидали выхода книги подолгу: годами, а то и десятилетиями. Удивительный факт: первые два поэтических сборника Рубцова были опубликованы еще до его членства в Союзе писателей! И гонорары за свои публикации Рубцов получал немаленькие. Говорит друг поэта, Сергей Багров: «Коля бедным никогда не был». Другое дело, что обращаться с деньгами Рубцов не умел – вырос в детдоме.

Слава его росла постепенно, но неуклонно. Рассуждение о том, что странная и загадочная гибель Рубцова стала одной из причин взлета его популярности – непрофессионально и несправедливо к его поэзии в целом. Уже при жизни Рубцова многим было ясно, с какой величиной они имеют дело. Враги у Рубцова, конечно, имелись, но были и покровители, и истинные ценители его творчества: А. Яшин, Е. Исаев, В. Кожинов, Ст. Куняев, В. Астафьев, В. Белов… Незадолго до смерти Н. Рубцову дали выступить на выездном пленуме Союза писателей, а что это означало в те времена, понимали все. И посмертная судьба Рубцова подтвердила неписаное правило: поэзия живет по собственным законам. «И не она от нас зависит, А мы зависим от нее…»

О «пьянстве» и даже «алкоголизме» Николая Рубцова не писал только ленивый. Панин выделяет еще одну мнимую черту характера поэта: «буйный нрав».

В двух, самых полных на сегодняшний день, «Воспоминаниях о Рубцове», изданных в 1983 году в Архангельске и в 1994 году в Вологде, и в биографических книгах Н. Коняева и В. Белкова, Рубцов предстает совсем в другом облике, - небезупречном, но *другом*.

"Коля был человеком очень чувствительной и нежной души" (Галина Матвеева); "Доброты в нем было через край, доверчивости - еще больше: простота, не знающая границ..." (Александра Меньшикова); "Николай Рубцов был добрым. Он не имел имущества. Он им всегда делился с окружающими. Деньги тоже не прятал" (Глеб Горбовский); "Денег не берег... Бессребреник и вечный странник" (Валентин Сафонов); "В компаниях он мог быть самым разным. То центром всеобщего внимания, то глубоким и тонким собеседником, то безудержным весельчаком, то молчаливым наблюдателем, то совершенно незаметным «неучастником». Он был всяким, но никогда не был ни вздорным, ни злым" (Эдуард Крылов); "Ни в одних стихах Рубцова даже тени нет озлобленности" (Виктор Астафьев); "Навязчивости в Рубцове не было никакой, пьяным за три почти года мне не довелось его видеть ни разу, и потому многое в россказнях о нем представляется досужим вымыслом" (Василий Оботуров), "После смерти стали говорить, что Рубцов пьяный писал стихи. Это клевета. Он где-то уединялся и там писал. Как-то Бог руководит" (Виктор Астафьев).

Я давно, еще в 1995 году, дал слово о гибели Рубцова не писать. Тем более что мотив убийства многократно менялся – как в оправданиях самой Дербиной, так и в многочисленных версиях «со стороны». В истории литературы останутся только

твердые и неопровержимые факты: Людмила Дербина задушила Николая Рубцова в его квартире, которую он получил в 34 года, - не за месяц до смерти, как пишет Кузьминский, а гораздо раньше. Судебное дело раскрыто, все обстоятельства и детали известны. Дербину осудили на восемь лет, отсидела она пять с половиной, а не семь (еще один «ляп» Кузьминского, а вместе с ним и Панина), в 90-х годах были опубликованы ее воспоминания и стихи.

Еще В. Маяковский с болью и без особой надежды просил: «…пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил». Но для Панина, как оказалось, нет ничего святого и в этом, и в том мире, - он сваливает в одну кучу и грязное, и чистое белье. И что в результате получилось?.. Ссылки на «знакомых поэтов»; на загадочных людей, знавших Рубцова «при жизни»; на Дербину, которая в принципе не может быть объективной; голословные обвинения в адрес неназванных авторов, запускавших в народ «собственные бредовые теории» (эта оценка особенно умиляет, - Панин даже не замечает, что в этот ряд он включает себя самого); оскорбительные оценки… Только однажды Панин в своей статье сказал правду: «…не считаю себя специалистом в данной области». Как говорится, «не читал, но осуждаю», не считаю, но пишу…

Понятно, что Паниным двигает обида на Куняева, но нельзя же так явно за ней идти! Статью трудно читать: автора «заносит» то в одну, то в другую сторону, он поливает грязью сначала Куняева, потом Рубцова, затем снова Куняева, но, упустив его из виду, вдруг обрушивает весь свой словесный поток на Сергея Ключникова, посвятив ему целых четыре абзаца, и лишь потом возвращается к «предмету своей страсти». Игорь Панин в очередной раз выставляет себя в смешном виде, подробно рассказав о том, как распространял сплетню («за что купил, за то и продаю») о якобы уничтоженной Рубцовым поэме «Разбойник Ляля».

Развязный тон публикации не удивляет, - каков человек, таков и стиль, - поражает другое: как может профессиональный литератор, чьи «статьи, интервью, рецензии выходят достаточно часто» (по его собственному скромному признанию), опускаться до сплетен, выяснения отношений и оскорблений? Ни одного доброго слова о Рубцове-человеке! Зато Дербина вызывает у него исключительное сочувствие.

Проблемы у Панина и со слухом, с русским языком: «На этом месте я долго смеялся», «А, Станислав Юрьевич?» и т.п.

Хотел того Панин или нет, но его статья оказалась написанной в духе авторов, патологически ненавидящих Рубцова: кузьминских, шнейдерманов, новиковых, - смердяковых русскоязычной литературы.

2.3. Поэтическая биография Николая Рубцова

Пять лирических книг Николая Рубцова, появившихся при его жизни, стали его подлинной поэтической биографией.

Лирика раннего периода творчества Рубцова (с 1957-го по 1962 год), итогом которой стало появление «самодельного» сборника «Волны и скалы» (1962), насквозь пронизана юмором, иронией и самоиронией, - в его душе жила своеобразная романтика морского

братства. В то же время его волновало и собственное неопределенное будущее, будущее его поэзии. Чувствуется в ней и дыхание «оттепели», времени, когда поэты вещали с эстрадных подмостков, а стихи воспринимались не только как явление литературы, но и политики. Николай Рубцов в своей вольной, неподцензурной книге предсказывал:

Еще мужчины будущих времен,
(да будет воля их неустрашима!) –
разгонят мрак бездарного режима
для всех живых и подлинных имен!

Во втором, зрелом периоде творчества Николая Рубцова (с 1962-го по 1971 год), по мнению большинства исследователей, полностью сложилась его образная система. Осенью 1962 года Рубцов стал студентом Литературного института имени Горького. И некоторое время спустя в его поэзии произошел настоящий творческий взрыв. Критик Анатолий Пикач писал: "Редкий поэт пережил такой резкий перелом во всей поэтической системе, как Рубцов. В ранних стихах безраздельно господствует стихия эмпирической жизни. В поздних - довлеет космический настрой". А причины были просты: Николай Рубцов поверил в себя и в свое предназначение. Сознательная учеба у классиков русской литературы, обращение к фундаментальным трудам по истории, к фольклорным текстам, к летописям - все это стало живительной почвой для его поэзии.

Но первый печатный сборник Николая Рубцова «Лирика», опубликованный в 1965 году, принес поэту одни огорчения. В Архангельске долго тянули с изданием, сильно его сократили, «отредактировали»…

В Государственном архиве Вологодской области, в личном фонде издателя и журналиста В.М. Малкова сохранились воспоминания о встречах с Николаем Рубцовым. Одна из его дневниковых записей относится как раз к 1965 году:

«7.10.1965.

Заходил поэт Николай Рубцов. В потрепанном демисезонном пальто серого цвета, на шее – теплый шарф. Застенчивый, чистое лицо, голос тихий, какой-то мягкий. Вручил ему книжку «Лирика». Должен сказать, что мы, издатели, его обкорнали. Слишком много было приземленных стихов. Из Архангельска поступила команда: убрать. Ну, и убрали. Рубцов, конечно, недоволен своей книжицей. Говорит, что дарить ее никому не будет».

Николай Рубцов болезненно относился к чужому (и чуждому) редактированию своих сборников, бился за каждое стихотворение, за каждую строку и слово. Мысль о том, что это была сознательная композиционная отделка, подтверждается многочисленными авторскими вариантами, письмами, его литературоведческими и критическими статьями. Рубцов создавал определенную мировоззренческую и художественную систему своего творчества.

В довольно неожиданной и смелой работе литературоведа Александра Кирова «Лирический роман в поэзии Н.М. Рубцова» (2004) доказывается, что поэт сознательно «выстраивал» свою поэзию и судьбу одновременно: «Все движется к темному устью…». Александр Киров берет за основу не умозрительный, а фактический материал (книги стихов, составленные Рубцовым) и реконструирует выстроенный (и в определенной степени зашифрованный поэтом) лирический роман как художественную целостность.

Отдельной темой его исследования стала проблема православной духовности как основы религиозно-философского мышления Николая Рубцова. Александр Киров опирается в данном случае и на биографические факты, и на сами художественные тексты, и на их варианты. Кстати, только в последние годы стали известны некоторые варианты популярнейших созданий Рубцова. Например, строка «жизнь порой врачует душу…» из стихотворения «Выпал снег» звучала так: «Бог порой врачует душу…».

Настоящая слава пришла к Николаю Рубцову в 1967 году. Знаменитый сборник «Звезда полей» стал выдающейся книгой, знаковой, «культовой», как сейчас говорят. Для очень многих он стал настоящим откровением, невиданным свидетельством бессмертия национального духа в эпоху «застоя».

Литература всегда была крепко связана с идеологией и политикой, иногда даже слишком крепко, до удушения. В эти исторические периоды в философии, в литературе, а значит, и в лирике искали скрытый смысл, своеобразные откровения, «запретные» мысли…

Лирика Николая Рубцова почти вся создана в «застойное» время, а значит, она не чужда той философской «публицистике», которую читали тогда «между строк». Но в рубцовском стиле, конечно же, есть и особая публицистичность, которую еще Белинский считал исконно русской традицией, специфической чертой нашей культуры, с незапамятных времен ставившей общественное служение выше личного, индивидуального. Эта традиция не ведет к уничтожению индивидуальности, к полному растворению субъективного, личного в социуме. Поэты прекрасно знают об истинной, духовной свободе человека.

В сборниках «Душа хранит» (1969) и «Сосен шум» (1970) пронзительно зазвучала трагическая тема – Николай Рубцов словно прощался с этим миром. Посмертные книги, составленные самим поэтом: «Зеленые цветы» (1971) и «Подорожники» (1976), в которых впервые были опубликованы многие неизвестные ранее стихотворения, еще более усилили это впечатление.

Но не в уходе, не в прощании, не в оплакивании прошлого истинность рубцовской поэзии, а в восстановлении и утверждении народных идеалов. "Цель художества есть идеал", — писал Пушкин. Идеал Рубцова — человеческая душа, не замутненная "философией" практицизма. В этом нравственный центр его поэзии, говорящей о самоценности жизни, о значении в ней духовного начала.

Лирический сюжет у Рубцова несет определенные смысловые нагрузки, характерные как для всего русского поэтического мироощущения XX века, так и для народного сознания в 1960-80-е годы. В нем выражена одна из главных примет художественного мышления поэта — его отстраненность. Это не только поэтическая форма, а само содержание русской жизни второй половины столетия. Огромные массы народа хлынули из деревни в город; менялся уклад, менялось сознание. В неустойчивости жизни появилась отстраненность, в которой сосуществовали одновременно и уход, и возвращение:

Но моя родимая землица
Надо мной удерживает власть,
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.

Отсюда и небольшой набор лирических тем у Рубцова. Легко понять, почему так ясно и определенно он высказывался об их выборе:

О чем писать?
На то не наша воля!

Эмоциональная напряженность его поэзии объясняется еще и тем, что он точно знал: любые вторичные темы подчинены общей, трагической для всех нас "теме", единому для всех "сюжету".

Поэтические мотивы в лирике Рубцова включены в сложную систему ассоциативных связей: фольклорных, литературных, общеупотребительных, контекстуальных (в тексте отдельных стихотворений, в их цикле, во всем творчестве поэта, в его литературном

окружении и т.д.), в том числе и связей интуитивно-мистических. Так, в ряду устойчивых мотивов, сопряженных с образом ночи, есть и такой: необъяснимая тоска, так называемая «русская» тоска. Или другой пример: в молитве Св. Василия Великого сказано: «И даруй нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития нощь прейти…» Сравните у Рубцова:

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской –

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозовое свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье…

Общая, объединяющая тема рубцовской философской лирики совсем не оригинальна: смысл человеческой жизни… Поиск этого смысла, духовное странствование по Руси нынешней и минувшей – вот подлинное содержание поэзии Рубцова. О ее предназначении поведал нам на прощание вологодский поэт Александр Романов: «Сама природа русского духа давно нуждалась в появлении именно такого поэта, чтобы связать полувековой трагический разрыв отечественной поэзии вновь с христианским мироощущением. И жребий этот пал на Николая Рубцова. И зажегся в нем свет величавого распева и молитвенной исповеди».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3.1. Творчество В.И. Белова в научном изучении

Прежде всего, надо сказать об источниках. Выпущенное в 2012 году собрание сочинений В.И. Белова в 7-ми томах - полным, как заявили на презентации составители, не является (http://rospisatel.ru/belov-ss.htm), в него не были включены (по идеологическим соображениям) некоторые публицистические произведения писателя, и не только.

За последние два года Вологодская писательская организация опубликовала в газете «Вологодский литератор» не вошедшую в семитомник полемическую статью Василия Ивановича «Вологодские соросята» и неизвестный рассказ «Последняя гроза». Ждут публикации несколько писем В. Белова к А. Яшину, материалы из ЦГАЛИ, из архива Литературного института, вологодских государственных и частных архивов.

Среди классических литературоведческих работ о творчестве В. Белова необходимо выделить монографию Юрия Селезнёва «Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя» (1983) и исследование Леонида Ершова «Истоки души народной: Василий Белов» (1984). Эти работы отличаются глубоким и разносторонним анализом творчества писателя, начиная с первого сборника стихотворений «Деревенька моя лесная» (1961).

Высокую оценку творчество Белова получило у зарубежных литературоведов. Талант писателя признали немецкие (В. Казак, Б. Тесмер, А. Хирше), югославские (М. Иованович), польские (Д. Герчиньска), итальянские (Анджело де Ченти), английские (Дж. Хоскинг), американские (В. Тераса, К. Партэ), японские (Рехей Ясуи), китайские (Чжен Тиу) и другие зарубежные литературоведы и критики.

Среди недавних отечественных работ особое место занимают исследования А. Большаковой, посвященные выявлению философской природы феномена «деревенская» проза: «Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» (2000), «Русская «деревенская проза» XX в.: код прочтения» (2002). А. Большакова утверждает, что художественный мир деревни представляет собой «национальный литературный архетип», укоренённый в российском менталитете. Пространственно-временные характеристики архетипа Деревня, по сути, являются натурфилософскими, основанными на законах природного времени». Повесть «Привычное дело», по словам Большаковой, задала «основные параметрические характеристики в дальнейшем развитии архетипа Деревни». Причем, А. Большакова не противопоставляет город и деревню, она говорит об общем для русской нации менталитете (можно вспомнить высказывание И. Бунина: «Вся Россия – деревня»).

Вызывают пристальный интерес литературоведческие работы Валентина Недзвецкого (Русская «деревенская» проза / В.А. Недзвецкий, В.В. Филиппов. М. : Изд-во Мос. гос. ун-та, 2002. - 144 с.), Василия Оботурова (Заложники (По поводу крестьянской трилогии Василия Белова) - Вологда, 2003)), Владимира Запевалова (Повесть В.И. Белова «Привычное дело» (к проблеме истолкования) / В.Н: Запевалова // Писатели русской традиционной школы второй половины XX века в контексте современности: сб. статей. Сургут, 2009. - С. 70- 73). В 2004 году в Вологде был издан словарь «Народное слово в произведениях В. Белова» (автор-составитель Л. Яцкевич, научн. ред. Гурий Судаков). Из кандидатских диссертаций можно отметить исследования Инны Чеботаревой (Идея соборности в прозе В.И. Белова. - М., 2002), Натальи Гавриловой (Романы В.И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» как художественная целостность: Череповец, 2002. - 165 с.), Людмилы Широковой (Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века– Вологда, 2004). Николая Крижановского (Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века:– Краснодар, 2004), Татьяны Аркатовой (Национальный образ мира в прозе В.И. Белова:– Владивосток, 2008), Натальи Дворяновой (Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: М., 2008), Яны Сальниковой (Художественная картина мира в прозе В. Белова:– Воронеж, 2011), С.Ю. Королевой (Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970-90-х годов: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Пермь, 2006), И.В. Новожеевой (Концепция человека в деревенской прозе 1960-1980-х годов: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Брянск, 2007) и др. Основательными исследованиями являются и две докторские диссертации, посвященные, в том числе, и творчеству В. Белова: Ларисы Соколовой (Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века– СПб., 2005) и Арсамака Мартазанова (Идеология и художественный мир "деревенской прозы": В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев- Санкт-Петербург, 2007) и др.

Неоднозначную реакцию вызвали работы К. Партэ (Русская деревенская проза: светлое прошлое. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004), Д. Быкова (Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Советская литература: краткий курс. М., 2013), А. Разувалова (Писатели- «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015).

К сожалению, полноценной монографии, за исключением книги Ю. Селезнева, до сих пор нет. Появившиеся в 2006 и 2007 годах биографические издания Владимира Корюкаева «Самородок из Тимонихи», Анатолия Грешневикова «Хранитель русского лада» и Михаила Сурова «Василий Белов» откровенно слабые и относятся к так называемому «самодеятельному литературоведению», они мало что могут дать исследователю.

К счастью, Беловские чтения в Вологде стали всероссийскими, вышли сборники статей не только местных, но и российских и зарубежных авторов, накапливается источниковедческий и литературоведческий материал, и есть надежда, что исследование творчества, достойное великого писателя, появится в ближайшие годы.

3.2. Николай Рубцов и Василий Белов: творческие взаимосвязи

Творчество Н. Рубцова 1960-х годов ближе всего к прозе В. Белова. И дело не только в том, что оба художника жили в это время рядом, часто встречались и дружили. И не в том, конечно, что программное стихотворение Рубцова "Тихая моя родина", посвященное Василию Белову, возникло не без влияния его прозы: "Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной!" (Рассказ "На родине"). Типологическое сходство - в общем для обоих художников "чувстве земли". Потому так поражает общность символов в их произведениях (дорога, хлеб и т. д.). Так, беловский Иван Африканович говорил: "Ежели и верно пойдешь, - все равно тебе без хлеба не выбраться" ("Привычное дело"). Тут же на память приходят рубцовские строки: "Хлеб, родимый, сам себя несет..." Любимое присловье Ивана Африкановича: "Дело привычное!" Слова Рубцова: "Ну что ж? Моя грустная лира, Я тоже простой человек..." - из того же ряда.

Общим для Н. Рубцова и В. Белова стало и обращение к разговорной речи крестьянства, к фольклору. Поразительно, что объектами их внимания становятся зачастую одни и те же "действующие лица". В стихотворении "Воробей" Н. Рубцов переживает горе воробья как свое собственное, и в его словах слышится неподдельное удивление и восхищение природной гармонией, в которой нет зла в человеческом его понимании:

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
оттого, что так трудно ему...

Вот и Иван Африканович, словно подобрав рубцовского воробья, говорит ему: "Жив ли ты, парень?.. Жив, прохиндей... Сиди, енвалид. Отогревайся в даровом тепле... Тоже жить-то охота, никуда не деваешься. Дело привычное. Жись. Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись..." ("Привычное дело").

У Н. Рубцова и В. Белова - единое мировосприятие, одинаковое отношение к природе и человеку, они проповедовали одни и те же национальные идеалы добра и

красоты. И беспокоила их одна и та же проблема: противоречие между цивилизацией и культурой.

Думается, что, отталкиваясь от данных фактов, необходимо посмотреть на проблему шире.

Н. Рубцов и В. Белов как ведущие авторы традиционного («почвенного») направления в русской литературе, представленного «тихой» лирикой и «деревенской» прозой, сумели передать в своих произведениях мироощущение той части народа (бывших крестьян, рабочих, интеллигентов первого, второго поколений), которая "оторвалась от деревни, но не пришла к городу". Они увидели здесь не просто издержки урбанизации, но продолжение трагического процесса "раскрестьянивания", теперь уже на новом его этапе.

Сквозные темы у Н. Рубцова и В. Белова - темы земли и России. Общий мотив "умирания" деревни, периодическое "возвращение" в нее, чувство вины перед покинутой "родной стороной" (здесь - корни противоречивости и даже раздвоенности характера героя), единое "чувство земли", кровная, "смертная" связь с ней - соединяются с мотивами опустошенного дома и храма как символов разрушенной России.

Стремление “соединиться с народной почвой” (Ф Достоевский) проявило себя в виде протеста против отчуждения - как реакция на маргинализацию крестьянства (более того - большинства народа) в России. Все это явилось следствием общемирового процесса развития цивилизации. “Почвенники”, в том числе Н. Рубцов и В. Белов, стремились сохранить особый тип мышления и культуры со своей системой ценностей

Это, во-первых, отношение к любви, к семье как к тайне и как к таинству. Может быть, здесь наблюдаются отголоски православной традиции, в которой наиважнейшей ценностью в земной жизни является семья. Исключительная фигура в этом ряду - мать. Образ матери - один из центральных и эмоционально напряженных во всей "тихой» лирике и «деревенской» прозе, напрямую связанный с мотивом сиротства.

Во-вторых, пейзажи у "почвенников" – это единство образов русской природы, деревни и внутреннего состояния души.

В-третьих, использование "эзопова" языка, в частности, богатых в этом отношении иносказательных возможностей образной символики.

В-четвертых, «почвенники» одними из первых обратились к православным ценностям. Пытаясь воспроизвести народное мировосприятие, они, естественно, включали в него и фрагменты христианского мировидения.

Отдельно надо сказать о «вологодской школе» в русской литературе, гордостью которой стали Н. Рубцов и В. Белов. Вологодская школа была и остается генетически связанной с «деревенской» прозой и «тихой» лирикой, причем она внесла чуть ли не самый значительный вклад в эти направления русской литературы. Известно, что не все писатели принимают данные термины. Против понятия «деревенская» лирика выступал Николай Рубцов; Василий Белов не приемлет термины «деревенская проза» и «вологодская литературная школа». Но, независимо от наших желаний и предпочтений, эти определения «устоялись» и в критике и в литературоведении.

3.3. *ЛАД И РАЗЛАД Книга Василия Белова «Лад» и современность*

"Лад" представляет собой серию очерков о народной эстетике. Но эстетики без этики не бывает. Национальные этико-эстетические ценности опосредованно связаны с крестьянским мировоззрением и творчеством, сформировавшим облик народа, его язык, характер, который, несмотря на все потрясения, в своей основе остался неизменным. Вот как об этом пишет Василий Белов:

«Культура и народный быт также обладают глубокой преемственностью. Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно. Именно поэтому так велик интерес у нашей молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов.

Так же точь-в-точь и будущие поколения не смогут обойтись без ныне живущих, то есть без нас с вами. Им так же будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас.

Книга не случайно называется «Лад» и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни» (1 , С. 7).

В основе лада лежала система православных по своему происхождению ценностей, укорененных в русском крестьянстве. В древности слово "крестьянин" буквально означало: "крещеный человек", "христианин" и только потом - земледелец. Поэтому сельчане в советское время были не крестьянами, а колхозниками. Религиозный смысл названия был утерян почти полностью, хотя и в психологии, и в мировоззрении сельских жителей (как и во всем русском народе) в частичном, искаженном виде христианские ценности сохранялись. Они и определяли уклад жизни, который измерялся часами, днями и природными циклами. Бог, природа, Родина, род, семья, дом – все существовало в гармонии. Можно было сфальшивить человеку, но эта фальшь тонула в общем музыкальном строе общежительного лада. Во время насильственной коллективизации лад был сломан вместе с крестьянством («Год великого перелома»), колхозный строй ценой огромных лишений и жертв (паспорта, например, не выдавали крестьянам до 1974 года!) был приближен к общинным традициям, но в 90-х были уничтожены и колхозы. Василий Белов в 2002 году сетовал:

«Деревни сегодня нет совсем. Она погибла. Сначала под ударами сталинской коллективизации, потом под ударами войны, далее последовали хрущевские удары, ликвидация малых деревень и тому подобное. И все это на моей памяти. Весь двадцатый век непрерывные удары по русской деревне и русскому крестьянству. Перестройка добила окончательно. Советская власть – была нормальная власть, даже сталинская власть, и народ к ней приспособился. А потом началась ненормальная власть, которой народ просто не нужен» (3).

И сейчас деревню продолжают добивать, считают «неперспективной», закрывают школы, больницы, да что там – целые районы! Нет денег? - На олимпиаду и мировой футбольный чемпионат деньги почему-то нашлись. Протоиерей Евгений Соколов с возмущением пишет: «Вот наш премьер разразился гневной тирадой по поводу хамства в обществе. Возможно, он забыл (а может, совсем не знает), что грех древнего Хама состоит в насмешке над своим отцом. Хамов грех - это презрение к истории (похоже, премьер не читал наши современные, школьные учебники по этому предмету), к традиции, к вере своих предков. Это откровенное глумление над умирающей русской деревней и, одновременно, проведение бесчисленных мировых шоу за государственный счет, когда народные деньги сотнями миллиардов выбрасываются на ЗРЕЛИЩА. Можно ли придумать большее хамство? А сколько написано на эту тему статей и хоть малейшая реакция на них была у наших правителей всех уровней?» (7). Власть даже не скрывает, что сознательно уничтожает деревню, образование, медицину, только слово применяет другое: «оптимизация».

Сейчас в критике стала довольно распространенной точка зрения о том, что современная деревня перестает быть основой преемственности, формирования национального характера, хранительницей народных традиций. Но, во-первых, национальный характер и народные традиции – слишком устойчивые во времени явления, которые сохраняются, пусть в видоизмененных формах, на столетия. Непопулярный ныне В. Ленин сказал об этом так: «Сила привычки – страшная сила». Повальная эпидемия «дачного» и «загородно-деревенского» ведения хозяйства – следствие не только бедности, но еще и неосознанного судорожного стремления

сохранить привычный уклад хотя бы в миниатюре. Во-вторых, львиная доля этнографических признаков деревни и основа так называемого «менталитета» переместились сегодня в провинциальную Россию в целом. С одной стороны – Москва, с другой – бескрайняя Россия, по сути, большая деревня.

Что же мы имеем сейчас? Какие ценности мы сумели сохранить, а какие – нет, что вернулось из небытия, а что было утеряно навсегда или на время?..

Прежде всего, надо сказать об отношении к труду.

«Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны. Тяжесть труда непреодолима для бездарного труженика, она легко порождает отвращение к труду.

Вот почему неторопливость, похожая с виду на обычную лень, и удачи талантливого человека вызывают иной раз зависть и непонимание людей посредственных, не жалеющих в труде ни сил, ни времени.

Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собой накосит больше. Так же как и тот, кто умеет красиво плотничать, построит больше и лучше, причем вовсе не в погоне за длинным рублем ...» (1,С. 31).

Творческий крестьянский (и любой иной) честный труд всегда был в почете. Даже торговля.

«*Крестьянин и городской простолюдин уважали честного торговца, с почтением относились к торговому делу. Потому и попадались частенько на уду к обманщику и выжиге. Пользуясь народной доверчивостью, торговые плуты сбывали неходовой или залежалый товар, да еще и подсмеивались. Такие купцы относились к честным торговцам с презрением, переходящим в ненависть. Как, мол, это можно торговать без обмана? С другой стороны, торговец, торгующий без обмана, быстро приобретал известность в народе и оттого богател быстрее.*

Многие после этого увеличивали оборот, расширялись. Другие же искусственно тормозили дело, считая грехом увеличение торговли. Последние пользовались у народа особым почтением» (1, С. 54).

Да, честная торговля пользовалась уважением. Но не торгашество! А.И. Солженицын отметил в своей статье о писателе эту мысль В. И. Белова: «Сами торговцы считали увеличение своей торговли – грехом» (8, С. 155).

Частная собственность священна и неприкосновенна – это закон. Но священна она именно потому, что человеку не принадлежит, а является Даром Божьим. И горе тому человеку, который «не в Бога богатеет», умножая капитал нечестным «трудом» или используя его в неправедных целях, для наживы и разврата. Частная собственность, которая украдена, присвоена обманом, «прихватизирована» – не собственность, а воровская добыча. И за нарушение заповеди: «Не укради» положена кара обыденно-знаменитая: «Вор должен сидеть в тюрьме!»

В народе ценился особо любой талант: плотника, доярки, мастерового, летчика, писателя, печника.

«*Дом (или хоромы) давал кров и уют не только людям, но и коровам, и лошадям, и всякой прочей живности. И если в духовном смысле главным местом в хоромах был красный угол главной избы, то средоточием, материально-нравственным центром, разумеется, была русская печь, никогда не остывающий семейный очаг.*

Печь кормила, поила, лечила и утешала. На ней подчас рожали младенцев, она же, когда человек дряхлел, помогала достойно выдержать краткую смертную муку и навек успокоиться.

Печь нужна была в любом возрасте, в любом состоянии и положении. Она остывала только вместе с гибелью всей семьи или дома.

Удивительно ли, что печника чтили в народе не меньше, чем священника или учительницу?» (1, С. 49).

Мы боимся признаться открыто в том что, отказавшись от идеи справедливости, совершили ошибку, точнее, национальное предательство. В народе об этом говорят уже лет двадцать, интеллигенция же никак не может разглядеть очевидное: капитализм так же, как и 100 лет назад, практически во всех сферах, за исключением торговли, показал свою неэффективность и неспособность к творчеству. В соревновании с советским прошлым он безнадежно и окончательно проиграл.

Говорит иерей Александр Шумский: «Капитализм в России смотрится как на корове седло. На корове под седлом далеко не ускакать, да и молока с нее не получишь, потому что корова под седлом вряд ли будет стремиться к повышению надоя. Нельзя не прийти к выводу, глядя на нашу современную Россию, что не предназначена русская земля для капитализма. Перегородочная Европа предназначена, а степная Россия нет. Степная кобылица никогда не станет свиньей, ничего с этим не поделаешь. Поэтому, как ни крути, социализм является органичной формой русской жизни. Разумеется, я имею в виду социализм без коммунистической идеологии. А вот еще одно соображение в этой связи. Монархию в России свергла буржуазная революция, и за это русская буржуазия получила возмездие в ходе социалистической революции. Так что винить в русской смуте начала XX века следует, прежде всего, недоразвитый русский капитализм. И сегодня он такой же недоразвитый. И развитым никогда не станет, прежде всего, по моральным причинам» (10).

Важнейшей ценностью в укладе крестьянской жизни была семья.

«Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка» (1, С. 108).

Столетиями вырабатывалось общественное отношение не только к бытовой, но и интимной ее составляющей. Честь, совесть, стыд, целомудрие… Это были не просто громкие слова, от этих ценностей зависело нравственное и физическое здоровье народа.

«*Ошибочно мнение, что необходимость целомудрия распространялась лишь на женскую половину. Парень, до свадьбы имевший физическую близость с женщиной, тоже считался испорченным, ему вредила подмоченная репутация, и его называли уже не парнем, а мужиком» (1, С. 125 - 126).*

Красота отношений между молодыми людьми питалась иной раз, казалось бы, такими взаимно исключающимися свойствами, уживающимися в одном человеке, как бойкость и целомудрие, озорство и стыдливость. Любить означало то же самое, что жалеть, любовь бывала «горячая» и «холодная» (1, С. 126).

Обратные современные примеры приводить не хочется. Иногда кажется, что наше центральное телевидение возродило печально известное в 20-х годах общество «Долой стыд!» Русские учителя еще в 1994 году констатировали: «Массовые издания, СМИ и т.д., оказывают зачастую разлагающее влияние на сознание (и подсознание) молодёжи, разными способами стимулируя животные инстинкты, апологию насилия, психологию потребительства, разрушение человеческой иерархии ценностей, воспитывают цинизм, равнодушие, бессовестность, подрывают и уничтожают в сознании молодёжи основополагающие социально-необходимые качества: чувство долга, понятие о святыне, рефлекс идеала, отношение к труду как к нравственной обязанности, т.е. всё то, без чего не может существовать ни общество, ни армия, ни государство, ни нация» (5, С.337).

От семейно-бытового уклада - прямой путь к святым для нас понятиям: Родина, Вера, Народ.

На ***родине*** все было родным, принадлежало к роду. «Ты какого роду-племени?» - вопрошали герои русских сказок.

«*Родная деревня была родной безо всяких преувеличений. Даже самый злобный отступник или забулдыжник, волей судьбы угодивший куда-нибудь за тридевять земель, стремился домой. Он знал, что в своей деревне найдет и сочувствие, и понимание, и прощение, ежели нагрешил ... А что может быть благодатнее для проснувшейся*

совести? Оторвать человека от родины означало разрушить не только экономическую, но и нравственную основу его жизни» (1, С. 108).

По народным представлениям, у каждого человека три матери: родная, крестная и Мать-Сыра-земля (Россия). «Земля - лоно предков, последний приют всех живущих на ней людей... Тяжким грехом считалась “матерная” брань, т.к. ругающийся “матерными” словами бранит свою собственную мать, общую для всех Мать Пресвятую Богородицу и, наконец, Мать-Сыру-Землю» (9).

Почитание земли в русской культуре давным-давно христианизировано. Так, Соня Мармеладова умоляла Раскольникова поцеловать землю и просить прощения у матери-земли (смесь языческих и христианских представлений). Великий грех - сквернословить, плевать на землю, а покидать Россию - все равно, что бросать свою мать. Наша Родина-мать сегодня больна. Грешно оставлять в беде больную мать.

Вера всегда жила в нашем народе. В советское время нельзя было говорить: «православие», - не беда, этому слову нашли замену: «духовность». Василий Белов с благоговением пишет в книге о церковных праздниках, обрядах, иконах.

«Что же объединяет все школы и стили русского иконописного искусства, что делает его цельным, определенным? Отвечать на этот вопрос, вернее, ставить его, опять же как-то не очень уместно... Любой разговор о великих явлениях творчества и художества все равно будет ограниченным по сравнению с этими явлениями, все равно никогда не исчерпает всей их сути.

Иначе великое явление не было бы великим.

Тайна художественного творчества останется тайной, сколько бы мы ни раскрывали ее. Раскрытая же, разгаданная тайна будет принадлежать науке, а не художественному творчеству» (1, С. 277).

Василий Белов говорил в книге о крестинах как об утерянном обряде: «*В настоящее время описываемый обряд почти повсеместно исчез…*» К счастью, это таинство вернулось в нашу жизнь.

«*Церковный обряд крещения был обязательным в жизни русского крестьянина. По народным поверьям, душами некрещеных детей распоряжается дьявол. Нередко по смерти ребенка мать горевала не оттого, что его не стало, а оттого, что дитя умерло некрещеным.*

Восприемники, то есть крестный отец и крестная мать (кум и кума по отношению друг к другу), были обязательны при крестинах. Крестники, как правило, очень любили и чтили их» (1 ,С. 202).

Русский ***народ*** – великий философ и поэт, созидатель нашей истории, и оценивать его надо по вершинам, а не по худшим его представителям, как это делает наша центральная пресса, состоящая почти сплошь из людей так называемой «либеральной национальности». Изменился к худшему не русский народ, а те, кто корежит его экономическую и культурную основу. Об экономике говорить не будем, у нас и в культуре есть свои чубайсы: Фурсенко, Ливанов и им подобные. Раскол между народом и властью – катастрофический! Трагический раскол существует и в самом народе:

«Наша демократическая так называемая революция разделила русский народ. И старается делить его, дробить на все более мелкие составляющие. Нас лишают нашей национальной и духовной цельности. А когда душа начинает дробиться, невозможно никакое созидание» (3).

Народ никому не нужен, власть и бизнес живет «по понятиям», у населения за все эти окаянные годы ни разу не удосужились спросить, чего же он хочет (не провели ни одного референдума!), небезосновательно полагая, каков будет ответ…

Наука презираема, ее тонкий верхний слой съеживается, как шагреневая кожа, уступая место примитивизму и халтуре – вплоть до потери квалификации. Омар Хайям писал еще в 11 веке:

В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Нет научного плана развития страны (на самом деле он есть и давно пылится в академии наук, но властям не до него), а самое главное – нет хозяина, нет воли.

Да что там академия – к Православной церкви не прислушиваются наши богобоязненные «верхи»! Где реакция на ее заявления о необходимости нравственного контроля над СМИ? Где хотя бы шевеление по поводу рекомендации ввести прогрессивный налог на богатых, как в той же Швеции или Норвегии? Где, наконец, ответ на недавний документ о православном понимании прав и обязанностей человека в современном мире?.. - Вездесущее молчание, либо крайне безграмотные, нелепые комментарии.

Не только равнодушие, но и высокомерие по отношению к провинциальной России, игнорирование ее интересов - главная причина неудач всех реформ в России, начинаемых "сверху". Единственный путь для нас – действовать самим, возрождать народное самоуправление.

«Новгородское и Псковское вече, как будто бы известное каждому школьнику, на самом деле мало изучено. Оно малопонятно современному человеку. Что это такое? Демократическое собрание? Парламент? Исполнительный и законодательный орган феодальной республики? Ни то и ни другое. Вече можно понять, лишь уяснив смысл русского общинного самоуправления. Мирские сходы - практическое выражение самоуправления. Заметим: самоуправления, а не самоуправства. В первом случае речь идет об общих интересах, во втором - о корыстных и личных ...

Ясно, что такое явление русского быта, как сход, несший на своих плечах главные общественные, военные, политические и хозяйственные обязанности, имело и собственную эстетику, согласную с общим укладом, с общим понятием русского человека о стройности и красоте» (1, С. 208 – 209).

Василия Белова при жизни и после смерти снисходительно, а то и презрительно называли и называют «деревенщиком»: «*Ату его! – кричат идеологические и технические прогрессисты. – Он же идеализирует прошлое!*» (2, С. 45). На самом деле Белов в «Ладе» разглядел в крестьянстве (и не только в крестьянстве!) носителя православного сознания, смертельно опасного для либералов.

Ненавидящий Белова вражеский стан уже в те годы «*почти открыто противостоял его родине – России*» (2, С. 347). В выборе средств он не стеснялся: «*Нам усиленно прививали всевозможные комплексы,* – пишет классик. - *Враги ненавидели нашу волю к борьбе. Тот, кто стремился отстоять свои кровные права, кто стремился к цели, кто понимал свое положение и осознал важность своей работы, кто защищал собственное достоинство, был для этих «культурников» самым опасным. Таких им надо было давить или дурить, внушая комплекс неполноценности*» (2, С. 312).

И все-таки основу народной жизни сломать невозможно. Никому еще не удалось и не удастся. Лад может исчезнуть только вместе с народом.

«Даже три века господства кочевников не научили его, к примеру, есть конину или умыкать чужих жен» (1, С. 106).

Так что же такое – беловский «Лад» в современности и вечности?..

Критик Юрий Селезнев: «Это чрезвычайно емкое русское слово действительно являет собой единство многообразия: это и вселенский лад — целый мир, гармония миропорядка; это и лад определенного уклада общественной жизни — жизни в любви, дружбе, братстве, добрососедстве, взаимопонимании; и жизни семейной: лад — это супружество, лада — любимый, милый, желанный человек; и трудовой — ладить — делать хорошо, с умением, вкусом; лад — это и определенный тип сознания, мирочувствования: лад — это согласие, гармония...» (6).

Нобелевский лауреат Александр Солженицын: «Книга «Лад» – драгоценность в русской печатности» (8, С. 155).

Критик Юрий Павлов: «Деревенская проза» есть бытийная, историко-философская проза, она – самое значительное явление в русской литературе второй половины XX века. И это та объективная реальность, с которой, подчеркну, никогда не согласятся современные авторы учебников, либеральные критики, журналисты, преподаватели: липовецкие, быковы, ерофеевы, ивановы, жаровы...» (4).

Василий Белов учит нас не падать духом: «*Народная жизнь обладает, по-видимому, и свойством регенерации, свойством восполнения, как восполняются или даже возрождаются почти что из ничего некоторые растения и организмы…*» (2, С. 65).

«Пора, наконец, вернуться к традиционной русской государственности, к традиционным национальным ценностям, – пишет Юрий Павлов. - И творчество Василия Белова – один из краеугольных камней в фундаменте будущего Русского Дома. Необходимо только прочитать и объективно оценить разножанровое наследие великого писателя… …Тем, кто болеет за судьбу России, следует помнить следующие слова Белова: «*Пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад*» («Наш современник». – 2002. – №10)». (4).

В последнее время власть в нашей стране все чаще стала прибегать к патриотической риторике. Но это дымовая завеса, «операция прикрытия», как говорят чекисты. Надежда на «перерождение» власти — иллюзия. Надо помнить слова Василия Ивановича Белова: «*Я всей кожей чувствую, что с антинародной властью Россия не примирится ни сегодня, ни завтра*» (2, С. 237).

Нас ждут грозные испытания: будущие годы пройдут под знаком национально-освободительной борьбы по возвращению народу власти, собственности и исторической преемственности. Силы для этой борьбы накапливаются именно сейчас. Каким образом содействовать этому — каждый решает сам. Будут еще поражения, и немалые. Но победа обязательно придет!

3.4. Рубежная проза Василия Белова

В прозе В.И. Белова на рубеже веков происходили процессы, характерные для всей русской литературы. Публицистическое осмысление действительности с трудом уступало дорогу эстетическому ее воплощению. Так, книга Василия Белова «Внемли себе. Записки смутного времени» (1993) вполне вписывалась в целый ряд публицистических изданий А. Солженицына, В. Распутина и других. Главная мысль ее — сбережение народа. О современности, только языком сатиры, рассказал В. Белов и в «перестроечных» вологодских бухтинах. Впрочем, сама действительность так и просилась в подобный текст в силу своей, увы, универсальной трагикомичности... В книге «Пропавшие без вести» (1997) В. Белов признавался: «Мне стыдно что-либо сочинять, когда осуществляется предсказанная на острове Патмос земная трагедия...»; «...Я утверждаю, что нынешние гримасы ее [действительности.— В. Б.] страшней самых изощренных построений Кафки и Амадея Гофмана». Центральным в этой книге является, пожалуй, рассказ «Душа бессмертна», состоящий целиком из монологического повествования. Эта форма преобладала и у Распутина, Астафьева, Солженицына... Вероятно, им хотелось высказаться, исповедаться, рассказать о самом главном.

Есть в этом издании В. Белова и повесть в рассказах «Медовый месяц», «скрепленная» «сквозным» героем, живущим в деревне (Коч). В ней Белов возвратился к теме Великой Отечественной войны.

Рубеж веков отмечен расцветом мемуаристики. Воспоминания В. Белова о Шукшине («Тяжесть креста», ж-л «Наш современник», № 10 за 2000 год) выделяются особой проникновенностью, ведь Белов пишет о своем друге... Однако не в одной только фактической достоверности заключается ценность этих мемуаров, а в совершенно новом взгляде на все творчество В. Шукшина. В. Белов открывает завесу над реальным содержанием шукшинской прозы, и этот невиданный доселе ракурс неузнаваемо меняет окаменевший во времени облик русского писателя... Василий Макарович все знал и понимал, он был далеко не рядовым в духовной брани, не прекращающейся и сейчас. От него до сих пор исходит живая и могучая сила интеллектуального напряжения, и та боль, которую оставил как завещание русской прозе максималист Шукшин. Смерть его загадочна, но до поры до времени. «Зная обстоятельства,— пишет В. Белов,— кои окружали моего друга в последние годы жизни, я склонен думать, что дыма без огня не бывает, что рано или поздно люди узнают истинную причину шукшинской кончины...»

Тяжелый крест дан нашему человеку пожизненно, но не всем уготовано познать спасительную силу Распятия. Показательной в этом отношении является мысль из рассказа Василия Белова «Филиппок» (из автобиографической рукописи)» (сб. «Светлые души». – Вологда, 2006), относящаяся не только к крестьянину, а вообще к любому русскому человеку, живущему не по «законам рынка», а по совести: «Мужик не любил, когда его жалеют. Русский крестьянин с древних пор был достаточно горд, спокоен и снисходителен к барину, уряднику и даже к царю. Напрасно господа «демократы» называют крестьянина рабом…»

Давно всем известны типичные свойства русского характера: доверчивость, скромность, доходящая до самоуничижения, совестливость, милосердие. На Западе (да порой и у нас) их принято считать слабостью, забитостью, корни которой идут от татаро-монгольского ига, крепостного права и тоталитаризма. Но это не слабость и тем более не трусость. Просто в нашей традиции есть опора на высший смысл смирения. В храмах всей России из года в год, из месяца в месяц торжественно и ясно звучат голоса священников, цитирующих Евангелие: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Где теперь сокурсники Василия Белова по Литинституту, молдокматовы и давидьянцы, представители «золотой (вернее, золотушной) цэдээловской молодежи», обзывавшие будущего классика Филиппком, колхозником и плебеем? – «На десятилетия застряли в биллиардной»…

Этот закон един для всех. Можно назвать кучу библиотек, премий и фондов именами Ельцина или Горбачева - в народном сознании все будет по-иному.

Главным произведением беловской прозы первого десятилетия XX1 века стала, бесспорно, трилогия «Час шестый» (2002), за которую писатель получил Государственную премию России. Впервые книга вышла полностью, без купюр, и только теперь можно сказать, какое место занимает она в русской литературе XX века.

«Час шестый» — это эпопея. У нас в прошлом веке создано не так много романов-эпопей, их и не может быть много. «Жизнь Клима Самгина» М.Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Красное колесо» А. Солженицына; в этот список можно включить и монументальное произведение В. Белова.

Но только два автора из звездного ряда смогли сложить подлинный эпос, главным героем которого стал русский народ, и говорит сам народ, — это Шолохов и Белов. Не случайно, что по языку (а язык — главное в искусстве слова) эти эпические картины затмевают всех в важнейшей литературной галерее.

Если М. Шолохов, как и положено эпическому художнику, предметом изображения сделал переломный момент отечественной истории — от Первой мировой до Гражданской войны, то В. Белов по-настоящему правдиво рассказал о пике нашей национальной трагедии, о коллективизации. И название всей трилогии дал особое — «Час шестый». В этот самый час был распят Иисус Христос...

Коллективизация — самое жестокое, чудовищное потрясение в нашей истории, потрясение, от которого мы до сих пор не смогли оправиться и которое волна за волной набегает на русскую землю. Не революция, не война переворачивают жизнь нации, а смена уклада. До 1917 года, да и в 20-х годах, 80% населения России составляло крестьянство, а 20% жили в городах. После коллективизации и последовавшей за ней индустриализации (с учетом миллионов погибших) все изменилось с точностью до наоборот — уже к 60–70-м годам 80% народа оказались горожанами, а 20% остались в деревне. Ничего страшного в этом не было бы, если бы процесс шел постепенно, но резкая, насильственная смена уклада сказалась даже на национальном характере. Россия вновь была поднята на дыбы.

В. Белов написал не просто эпос, он вывел в нем художественные типы — а это высший пилотаж в прозе.

И наконец, он разглядел религиозный, мистический смысл происшедшего, познал и раскрыл нам глаза на «тайну беззакония», которая, как известно, и сейчас в действии (эта тема раскрывается и в других произведениях Белова, например, в романе «Все впереди»).

Русский писатель оправдал надежды, возлагавшиеся на него Александром Яшиным. Незадолго до смерти Яшин предсказал, что Василию Белову суждено совершить творческий подвиг в русской литературе. Это предсказание, к счастью, сбылось.

Сейчас в критике стала довольно распространенной точка зрения о том, что современная деревня перестает быть основой преемственности, формирования национального характера, хранительницей народных традиций. Но, во-первых, национальный характер и народные традиции – слишком устойчивые во времени явления, которые сохраняются, пусть в видоизмененных формах, на столетия. Непопулярный ныне В. Ленин сказал об этом так: «Сила привычки – страшная сила». Повальная эпидемия «дачного» и «загородно-деревенского» ведения хозяйства – следствие не только бедности, но еще и неосознанного судорожного стремления сохранить привычный уклад хотя бы в миниатюре.

Во-вторых, львиная доля этнографических признаков деревни и основа так называемого «менталитета» переместились сегодня в провинциальную Россию в целом. С одной стороны – враждебный мегаполис Москва, с другой – бескрайняя Россия, по сути, большая деревня.

И в-третьих, самое важное: своей «гибелью» старая деревня способствовала не только подъему «деревенской» прозы, «тихой» лирики и «вологодской литературной школы», главными читателями которой были и остаются горожане. Она помогла возрождению православного миропонимания, духовной опоры нынешнего национального бытия, и, соответственно, воссозданию этической основы русской литературы, которая в лучшей своей части вернулась к классическим традициям.

Зерно, брошенное в землю, умерло, но принесло много плода…

3.5. ФИКТИВНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ (Анна Разувалова о «деревенской прозе» и Василии Белове)

В научных работах последних 15 лет творчество В.И. Белова исследуется достаточно активно (1). Особое место уделяется изучению категории соборности в его прозе (2), художественному постижению истории (3), в том числе в контексте русской литературы (4), художественной картины мира в его произведениях (5) и т.д.

Значительный интерес представляют работы, посвященные «деревенской прозе» в целом (6). Так, Лариса Соколова в своей докторской диссертации отмечает, что «сама необходимость поисков путей к духовному преображению во время тягчайшего

духовного кризиса утверждается в этих произведениях и несет в себе сугубо позитивный смысл. Трагически ощущая духовный распад русской жизни, писатели напряженно ищут различные пути восстановления исторической цепи и видят их, прежде всего, в духовно-нравственном возрождении личности» (7).

Но не эти достойные научные исследования находятся в центре полемики. К сожалению, работы скандальные, провокационные (8) вызывают и соответствующие отклики. Например, печально известный «графоман всея Руси» Дмитрий Быков в своей книге 2013 года «Советская литература. Краткий курс» (9) «оценивает» деревенскую прозу откровенно по-хамски: «В русской литературе 70-х годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале «Наш современник»… получило название «деревенщики»… (9, с. 393).

На этом фоне выделяется вышедшая в 2015 году работа Анны Разуваловой «Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов» (10), претендующая на научную объективность.

Книга А. Разуваловой вышла в издательстве «Новое литературное обозрение», что само по себе говорит о многом, да и обложка издания наводит на печальные мысли – на ней изображены крестьяне дегенеративного типа.

Но не в обложке дело, может быть, сама работа, действительно, отличается научной корректностью и заявленной автором объективностью?

На первый взгляд, так оно и есть: книга А. Разуваловой производит впечатление, - она основательная, логически и композиционно выверенная, автор переработал огромный пласт научной и художественной литературы, демонстрирует прекрасное знание прозаических и публицистических текстов, великолепную научную эрудицию. Многочисленные примечания настолько хороши, что составляют самостоятельную часть исследования.

Постоянные отсылки к зарубежным авторам, и не только филологам, но и социологам, философам и т.п. вызывают уважение, но мало что дают существенного с литературоведческой точки зрения.

Несмотря на заявления о «провинциализме» и «ничтожности» «деревенской прозы», само обращение к этой теме, да еще в «рупоре» либеральной филологии (НЛО), говорит о том, что на самом деле она таковой не является, и приходится, сжав зубы, заниматься исследованиями прозы «деревенщиков».

Правда, от постмодернистских привычек отказаться исследовательнице сложно, - она постоянно сбивается на так называемый «птичий язык»: «И все же упомянуть об "эмоциональных сообществах" необходимо, поскольку, во-первых, этот термин отчасти совпадает с бурдьенианским представлением о "габитусе", во-вторых, рассмотрение специфики самоинтерпретации и самопрезентации "деревенщиков" не позволяет проигнорировать вопрос о роли "эмоционального фактора" в процессах возникновения группы, и тут размышления Розенвейн о способности эмоций трансформировать габитус и обеспечивать переход субъекта из группы в группу могут многое объяснить» (10, здесь и далее цитируется этот источник. – В.Б.). Термины, разбросанные по всему тексту: «дискурс», «габитус», «утопический нарратив», «антимодернизационный пафос» и т.п. прекрасно известны профессиональным филологам и ничего особенного не представляют, но несведущему читателю приходится делать «перевод». В качестве примера можно привести отрывок из книги: «Необходимая для поддержания статус-кво советской системы консервативность предполагала расширение "площади опоры", что выразилось в использовании более разнообразного набора символических ресурсов и культурных языков, к которым власть обращалась в целях самолегитимации, даже если эти языки и ресурсы ранее были табуированы или существовали на культурной периферии». Ту же мысль уже на русском языке высказывает Владимир Максимов: «…у этого явления был

целый ряд других причин. Деревенская литература сумела заявить о себе благодаря еще и тому, что сейчас правящий класс в нашей стране примерно на девяносто процентов – это выходцы из крестьянства. И у них есть подсознательная ностальгия по прошлому – прошли там и голод, и коллективизацию. И они решают, что допускать, что нет» (цит. по книге А. Разуваловой. – В.Б.).

Для автора работы наша национальная классика – миф: «Утверждение некоторых "деревенщиков" в роли современных классиков и параллельное оформление соответствующих мифов простимулировало ряд "монографических" проектов, реализуемых по преимуществу филологами региональных научных школ». «Лад», например, она обвиняет в мифологизации, не имея представления о крестьянской жизни: «Мифологизацией изображаемого (в данном случае неважно, идет ли речь о введении готовых мифологических форм в повествование, как в "Комиссии" С. Залыгина, о сюжетостроении, ориентированном на модель "утраченного рая", как в первой редакции "Последнего поклона" В. Астафьева, или об упорядочивании исторической реальности в соответствии с мифомоделью космоса, как в "Ладе" В. Белова)». Размышления о «мысли семейной» в целомудренных очерках В. Белова о народной эстетике («Лад») она подкрепляет собственным рассуждением об адюльтере как о «праве женщины на романтическое чувство, самостоятельный выбор его объекта».

Либерально-филологическая терминология иногда требует комментирования, настолько она необычна для русского уха: патриотизм автор работы называет национализмом (приписывая ему значения шовинизма), сохранение духовности – антимодернизмом (к чему привела страну их «модернизация», мы сейчас ощущаем в полной мере); православие считает «мифом», «утопией» (это в лучшем случае), в худшем – «религиозным антисемитизмом». В разделе, посвященном трилогии В. Белова «Час шестый», говорится: «Евреи – в духе религиозного антисемитизма – ассоциируются автором и некоторыми героями романа с "силами зла"…».

Значительная часть книги посвящена еврейскому вопросу, что вполне предсказуемо. Тут выходят наружу и старые троцкистские обиды на Иосифа Виссарионовича: «"Неопочвенническая" фронда была порождена логикой развития сталинского ревизионизма»; и плохо скрываемая любовь к «скромному обаянию буржуазии»: «Реинтерпретированная национал-консерваторами русская классика, в которой всячески акцентировалась "антибуржуазная" (читай – антимодернистская) доминанта».

Иногда А. Разувалова проговаривается, незаметно для себя, в «противоположном направлении»: «Необходимость прилагать недюжинные усилия, чтобы утвердиться в сферах, которые они сами же считали малодоступными для людей своей среды, стимулировала у "деревенщиков" повышенный интерес к фигуре символического противника – горожанина, еврея, обладающего правом доступа к культурным благам и заграждающего "простонародью" путь к ним».

Однажды она, сама того не ведая, даже делает замечательный комплимент известному русскому литературоведу и критику Ю. Павлову, называя его «продолжателем дела Ю. Селезнева».

«Антисемитизму» В. Белова в книге посвящена целая глава: "…Могучая, целеустремленная, злая и тайная сила": Еврей в романах Василия Белова».

Правда, и тут автор не сумела удержаться от штампованных обвинений классика в пресловутом «противопоставлении города деревне»: «Если в "Ладе" Белов обосновывал спасительную для современного человека силу крестьянской традиции, очищал ее от привносимых историко-социальной практикой "шероховатостей", то во "Все впереди" он переносит действие в "неуправляемые городские пространства"… Все зло порочной цивилизации, по Белову, концентрируется в городе – ее главном порождении».

А вот и верная мысль: «Особенностью антимодернизма Белова является то, что он замешан не только на "борьбе за природу" или неприятии технических и культурных новаций... У автора "Все впереди", в отличие от Ф. Абрамова и В. Шукшина, он имеет

религиозно-метафизическую природу». Впрочем, дальше констатации этого факта исследовательница не идет, повторяя на разные лады суждения о «русско-еврейском противостоянии».

Вызывает удивление обращение А. Разуваловой к «экологической» тематике, не являющейся у «деревенщиков» главной, пространные размышления о роли костюма (применительно к В. Шукшину) и личностный интерес автора к областничеству, также находящийся на периферии «деревенской прозы».

А вот заключение книги оказалось провальным. Вместо ожидаемых обобщений А. Разувалова рассуждает о творчестве… А. Проханова, З. Прилепина (?) и о «случае» Михаила Тарковского.

Но это еще можно как-то объяснить идеологическими (автор работы достаточно часто применяет вульгарный социологизм как метод исследования) и ассоциативными схождениями, но главный изъян связан с «объективностью», которая с самого начала работы оказывается фиктивной, кажущейся.

«Деревенскую прозу» А. Разувалова «препарирует» как в морге, вроде бы отстраненно, «объективно», но не может скрыть своего отвращения к ней. То, что мы считаем родным и святым, для нее не свято, более того, оно *чужое* (противопоставление «свой – чужой» - одно из наиболее повторяемых в книге). Для работ (и авторов) подобного типа все русское – чужое, и относятся они к нему с плохо скрываемыми брезгливостью и ненавистью.

Но на ненависти построить что-либо доброе невозможно, можно только разрушить, что мы и наблюдаем в современной действительности.

Доброе дело основано на любви. И это будущее принадлежит нам.

3.6. ОТ "ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ" - К ПРОЗЕ О ДЕРЕВНЕ (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров)

В последние годы в литературоведении все чаще говорят о "конце" "деревенской" прозы, об исчерпанности ее художественных идей, о консервативности и даже "реакционности" некоторых ее представителей (Славникова О. Деревенская проза ледникового периода // Новый мир, 1999, №2; Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004; Быков Д. Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Советская литература: краткий курс. М., 2013 и др.). Никто не спорит, кстати, о том, что эта выдающаяся литература стала фактом истории, классикой; но известная наша страсть все обобщать и преувеличивать привела критиков к совсем уж пессимистичным выводам. Так, Н. Ковтун в книге «Деревенская проза» в зеркале утопий» (Новосибирск, 2009) переходит к прямым оскорблениям, называя эту прозу «бессознательно-утопическими текстами».

Иные критики горюют уже и об упадке всей русской литературы, за исключением публицистики, скорбят о гибели духовности в русском народе и о полном его вырождении... Надо заметить, что наши национальные писатели давали повод к подобным умозаключениям. Слишком долго находились они в замешательстве. Даже те, кто полемизируют с "деревенщиками", уже понимают, что дело тут не в деревне, вернее, не столько в деревне, сколько в русской идее. Русская же идея (и это доказано нашими крупнейшими философами Х1Х - ХХ веков) в основе своей - идея религиозная. В основе "почвенной" идеологии и культуры лежали социальные причины: противоречивая действительность, в которой было и духовное подвижничество, и процесс не только физического разрушения российской деревни, но и нравственного опустошения народа; процесс, ставший следствием трагических событий нашего времени, падающего в страшную бездну между цивилизацией и культурой, между природой и цивилизацией.

«Деревенской прозе» посвящены многочисленные работы: книги и статьи В. Кожинова, Ю. Селезнёва, В. Акаткина, В. Бондаренко, Г. Белой, А. Большаковой, В. Недзвецкого, В.

Филиппова, Л. Вильчек, К. Гордович, И. Дедкова, В. Курбатова, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Т. Никоновой, В. Оботурова, Т. Вахитовой, В. Емельянова, Ф. Кузнецова, Е. Старикова, Г. Цветова, И. Золотусского, В. Камянова, Т.Андреевой, В. Гусева, А. Герасименко, В.Воропаева, М.Дунаева, И. Есаулова, А. Любомудрова, В. Непомнящего, Н. Скатова, Н. Крижановского, Ю. Павлова и др. Наиболее основательным исследованием является докторская диссертация Аллы Большаковой (Феномен деревенской прозы, вторая половина XX в. : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01.- Москва, 2002.- 403 с.). В ней отмечается, что «русская деревенская проза представляет собой уникальное явление, во многом определившее пути развития русской литературы во второй половине XX века. По своей раскрывшейся за полвека сути, это - многосторонний и одновременно единый, целостный литературный феномен, необходимо включающий в себя философский, социально-исторический, психологический, этический и эстетический аспекты: не исключающие, но обогащающие его собственно литературную природу».

Из последних на сегодняшний день работ можно выделить следующие: Кожевникова С.В. Творчество Б. Екимова: динамика "деревенской" прозы последней трети XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01.- Магнитогорск, 2002.- 209 с.; Мартазанов А.М. Идеология и художественный мир "деревенской прозы": В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 .- Санкт-Петербург, 2007.- 276 с.; Перепелицына Ю.Р. Художественная репрезентация национального характера в прозе А. Яшина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. - Ставрополь, 2009.- 230 с.

В статье И. Ивановой «Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка?» (Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов). 2013. № 6(24). Часть 1. С. 88–94) говорится: «*А вот с тем, что «деревенской прозы в России сегодня практически нет», согласиться трудно. Это справедливо, только если считать таковой лишь ту самую прозу Шукшина, Распутина или Белова, о которой шла речь выше. Но если правомерно распространение этого понятия на любое «адекватное произведение на сельскую тему» (а Быков относит к ним лишь «Новых Робинзонов» Петрушевской и «Четыре» Сорокина), то можно назвать целый ряд произведений последних пяти лет, которые, несомненно, связаны, пусть даже полемически, с традицией деревенской прозы. Традиция эта, отнюдь не являющаяся изобретением «деревенщиков» и восходящая к традиционному сентименталистскому конфликту, обогащенному историческим опытом России XX века, отчетливо опознается сейчас в творчестве очень разных, не объединяемых никаким «направлением» писателей: «Лада, или Радость» Т. Кибирова, «Позор и чистота» Т. Москвиной, «Крестьянин и тинейджер» А. Дмитриева, «Елтышевы» Р. Сенчина, «Псоглавцы» А. Иванова. Причем первые трое – с «деревенщиками» явно солидарны, последние – скорее наоборот».*

Думается, что за исключением Р. Сенчина, все остальные авторы, представленные в этом списке, довольно сомнительны. У Павла Басинского подобный ряд более реалистичен - он видит следы деревенской прозы в произведениях Захара Прилепина, Романа Сенчина, Михаила Тарковского и Алексея Варламова. С нашей точки зрения, более пристального внимания заслуживают три писателя, продолжающие традиции «деревенской прозы» на новом этапе: Борис Екимов, Станислав Мишнев и Александр Киров.

Борис Екимов, современный волгоградский прозаик, лауреат Государственной премии Российской Федерации (1998 г.), пишет о судьбе деревни и человека-труженика, попавшего в нелёгкие условия перелома эпох. Наибольшую известность ему принесла повесть «Пиночет» (1999), в которой автор одним из первых поставил вопрос о необходимости не просто «выживания» в нынешних условиях, а о кардинальной смене идеологии жизни.

Местом его рождения является город Игарка Красноярского края, но «малой родиной» писателя стал Калач-на-Дону, в жизни которого отражаются все беды и горечи русской деревни. Увлечение писателя прозой В. Астафьева, В. Белова, В. Шукшина не прошло бесследно – Екимов старается следовать художественным принципам, сформированным «деревенской» прозой.

Творчество Б. Екимова опирается на «вечные» темы: детская тема (рассказы «Фетисыч», «Проснётся день), религиозная (рассказ «Возвращение»), тема «малой родины» (повести «Высшая мера», «Наш старый дом»).

В книгах вологодского писателя Станислава Мишнева (Пятая липа: Рассказы. – СПб., 2005; Ангелы всегда босые. - Вологда, 2012) окончательно свершился переход от изображения автором социального времени крестьянства к переосмыслению его же, но с метафизических позиций.

Рассказы и повести Станислава Мишнева посвящены русской деревне, вот уже второй десяток лет стоящей на перепутье.

«Если бы остановить то время…», «Прошла жизнь…», «Ушло то время, его время…», - сетуют герои рассказов, понимая, что сделать уже ничего нельзя, как «…нельзя уничтожить время, / Обломав часовые стрелки» (А. Шадринов). Все мы, так или иначе, «не вписались» в новую жизнь, и не потому, что лентяи или маргиналы, а просто потому, что – не нужны! Мало того, что миллионы работающих и подрабатывающих без продыху – бедные люди, «солдаты нищеты» (рассказ «Саня»); горе их еще и в том, что вырваться из этой нищеты человеку без обмана – никак невозможно!

Да, чем дальше от нас уходит советская эпоха, тем милее все лучшее, что было в ней. Но мы должны понять, наконец: тогдашнее благополучное земное устройство (не чета нынешнему!) не сулило благоденствия за смертным пределом. В исключительных случаях советский человек мог проникнуть в мистическую сферу православия, но подлинное покаяние и духовная дисциплина были уделом избранных. Говорят, что «бабушки в платочках» уже тогда отмолили наши нераскаянные грехи… Видимо, нет, потому как только в последние десятилетия из нас стала выходить на свет Божий вся та мерзость – и личная и общая, – о которой мы в «застойно-благословенные» годы и не подозревали…

В произведениях Станислава Мишнева звучат голоса глубинной России, живущей собственным, воистину драгоценным, хотя и не востребованным умом.

В рассказе «Кровь у всех красная» отличник Сашка Загоскин, которого в школе зовут Сократом, напишет в своем дневнике: «Где Энгельгардты, где настоящие землепользователи? Виноватых пруд пруди, особенно в деревне. Чувствуется, что зреет нарыв, он будет зреть очень болезненно и долго, таков расклад нашей действительности. Стареют липы у нашего дома, тощает деревня народом, но самое страшное – живые живых готовы перехоронить раньше срока. Забывается родство, а праздники уже забылись, мы, соседи, тяготимся соседством. Наблюдал, как отец ходит за водой к колонке. Ступит с крыльца – вроде на деревне чисто, не надо ни с кем здороваться, - вроде как долги отдавать, и пошел. Так же и Борис ходит. Какой-то закон джунглей – у каждого своя тропа. В каждом человеке сидит маленький дьявол, и чем ниже мы падаем, тем он крепнет, становится заносчивее, глубже запускает корни в наши души. Все, имеющее силу распорядится, распоряжается не в лучшую сторону, что-то прощальное, горчащее от этого духовного перераспределения. Вера, как сказал апостол, есть уверенность в дела невидимые. Наш народ попал в какой-то унизительный вакуум, мне кажется, мы не верим ни нашим правителям, ни в Русь, мы возвращаемся в чащу, в разноголосое чтение…»

И вот этого самого Сашку, гордость и надежду односельчан, пьяные милиционеры губят просто так, от злобы своей неизбывной: «..они схватили Сашку за ноги, раскачали и кинули, должно быть метя перекинуть через изгородь, но Сашка не перелетел изгородь, он животом плюхнулся на два острых кола, и дикий вопль прорезал деревню…»

Крестьянство, выкошенное во время коллективизации, надорвавшееся в военные и послевоенные годы, успевшее спокойно пожить только при Брежневе, в новом лихолетье так и не нашло себя. Колхозы разрушены, фермерство оказалось мертворожденным, везде воцарилось мелкое торгашество. Доживают свой век пенсионеры, сельская интеллигенция, а крестьянин продолжает трудиться в какой-то полуфантастической действительности, где с одной стороны – властные фантазии высокого, чуть ли не марсианского полета, а с другой – «тайная азбука обнищания». «…На тропу войны выходит репрессия, с великим надломом душ нас впрягают в разбитую повозку, и мы тащим, тащим страну из хляби, и хвалим ездоков. А нас пичкают, дурят, кормят какими-то реформами, непонятными размывчатыми вертикалями и горизонталями, аж пуп трещит у оракулов – через пятьдесят лет заживем лучше португальцев… Царь России нужен, башковитый царь, да крепкая исполнительная власть. И без волокиты лихоимцев сечь кнутами при всем народе, ноздри рвать ворью. Без узды Россию не удержат… Понесется она в разные стороны, большинство – уйдет на небо, редкие пассионарии ринутся кто куда – в Сербию, Афганистан, Австралию… Почему в Австралию? Потому, что Австралия – сестра России, там папуасов за людей не считают, как в России – русских». На самом деле русский крест известен: «Они живут только сегодняшним днем, как будто завтра умрут скопом. Мне кажется, русские – это снаряд с подмоченным порохом. Чуть-чуть снаряд подсушить, и он взорвется…»

Станислав Мишнев видит русского человека насквозь, со всеми его пороками и достоинствами; не идеализирует, не заблуждается на его счет, но твердо знает: Россия всегда стояла, и будет стоять за справедливость. Если надо – умрет, но за либеральную чечевичную похлебку первородство свое не отдаст.

Борис Екимов пишет вроде бы о том же убитом горем селе, но его рассказы больше походят на физиологические очерки («Мишка», «На хуторе», «Тюрин»). У Станислава Мишнева, кроме повседневной жизни, есть философский подтекст, есть нечто более существенное и до конца не разгаданное – все то, что зовется поэзией.

Станислав Мишнев способен угадать типичное как в судьбе отдельного человека, так и в жизни нации; обыденное, мирское под его пером совершенно преображается.

«В уходящем дне, - признается писатель, - всегда есть что-то печальное, влекущее и чарующее, незаконченное, незавершенное, иконописное. Стою на росстани на краю поля – дорога на две руки… За спиной моя бедная, разоренная деревня… …мои глаза становятся острыми и, словно впиваясь то в мелькнувший вдалеке свет, то в пролетающего жука, силятся на всю оставшуюся жизнь запомнить все, взять с собой все. Я жадный – все!.. В обмен на будущее – непознанное и светлое, забрать омытое слезами отжившее, лукавое и проклятое настоящее. В эту минуту душа переполнена особым чувством, нотой искреннего удовлетворения, любви к своей униженной России, и название этому – Вечность».

Еще одно отличие прозы Ст. Мишнева – живой язык, сквозь который нам, отвыкшим от подлинной русской речи, порой приходиться продираться. Путеводителем по страницам книг Ст. Мишнева может стать его словарь «Тарногский говор» (Вологда, 2013), вобравший в себя бесценное множество «слов и выражений, употребляемых (уже забываемых или крайне редко используемых) в разговорной речи жителей Тарногского района Вологодской области». Значимость этого словаря будет со временем только расти.

В прозе молодого архангельского писателя Александра Кирова (Митина ноша. – Архангельск, 2009; Последний из миннезингеров. – М., 2011), в его лучших рассказах и повестях: «Багратион», «Лобная психика», «Смерть Милы Йовович», «Дуэль», «Троица», «Седьмая тема», «Троянос Деллас», «Жил да был на свете генерал, ординарец подле генерала», «Сберегла» используется преимущественно сказовый стиль, лирико-иронические отступления, есть в них и настоящий русский юмор, заставляющий смеяться до слез и сквозь слезы. Автор может воссоздать любую интонацию подлинной народной

речи, которую придумать нельзя, можно только услышать и приблизительно воспроизвести. Способен он и фантазировать, используя юмористические и трагикомические парадоксы сегодняшней жизни.

Сюжеты рассказов «Первая любовь» и «Дуэль» заставляют читателя гадать: что это – абсурд? Жестокий реализм? Пир во время чумы? Карнавал страстей?.. Эти определения, даже собранные вместе, не в состоянии передать кошмар непутевой нашей жизни, который принято называть обыденностью. Ирреальность происходящего сейчас – норма, но автор не дает читателю забыть, что действие происходит все-таки в литературном пространстве: «…Оказывается, что вся эта пьеса была прелюдией к одной маленькой прелюбопытной истории, которая на самом деле не имела ни начала, ни конца, существовала вечно и вряд ли когда имела место быть» («Троица»).

Пьянство – не единственная наша беда, мы были бы счастливы, если б только пьянство терзало нас… У нас болезнь другая, куда более тяжкая. Впору думать: есть еще шанс на спасение, или мы все же неизлечимо больны? Хворь эта душевная и духовная сразу. Много лет мы наблюдаем медленный, но верный путь от сумасшествия к самоубийству. Уже ясно, чем все это закончится – полным провалом, а потом нас ждет окончательный выбор. В качестве комментария к этим словам можно привести писательские размышления в рассказе «Последний из миннезингеров»:

«Вот. Собрался о народе писать, а понесло не в ту степь. Или в ту? Народ – не то, что он есть, а та идея, которую он несет. Идея эта воплощается в управителях государством нашим. И можно сколько угодно говорить о нравственности родителей, но если у их ребенка врожденный сифилис – это говорит само за себя.

Говорить о том, что правители эти народ не любят – опять неправильно. Это сам себя народ не любит. Сам себя народ изживает. Если хотите, декадентства в простом современном мужике (любом!) больше, чем в Мережковском и Гиппиус вместе взятых и помноженных на брюсовских гуннов. И это «возвращение к древнему, вечному, никогда не умиравшему… Каждый спит и видит, как героически сражается за правое дело. А проснувшись, создает для этого поступка все большую и большую мотивацию».

Книги Александра Кирова настолько необычны и полнокровны в своей словесной силе, что заставляют задуматься о вечных вопросах народного бытия, вроде бы напрочь забытых в новейшем времени.

Что такое русский характер сегодня? – Литературный фантом? Мираж? А может, мифологический ископаемый символ? Жив ли вообще русский человек как народная личность, или он изжил себя, выдохся, исчез в бестолковом, но жестоком и гибельном потоке дикого российского капитализма?..

На эти вопросы и пытается ответить молодой писатель из древнего северного города Каргополя; литератор, живущий в провинции, но совершенно свободный от малейшего подозрения в грехе провинциализма.

Дело в том, что повести и рассказы А. Кирова и по языку, и по манере изложения, и в самом дыхании прозы родственны классическим ее страницам, в которых присутствует высокий дух познания и преображения русского человека независимо от места его бытования.

Герои его прозы радуются как дети, а потом предаются черной меланхолии, любят до гроба (в прямом смысле), женятся, разводятся, сходятся и расстаются случайно, как издавна было заведено; интуитивно чувствуют зыбкость жизни и всегда готовы к худшему.

«В детстве он боялся, что у него умрет мама. А еще – что умрет он сам. Когда стал подростком, боялся, что умрет отец. В тревожном юношестве боялся, что ему изменит любимая девушка. Когда стал зрелым мужчиной, боялся, что от него уйдет жена, а еще – что он потеряет работу и останется в нищете. В пожилом возрасте он испугался старости. К старости он ужаснулся одиночеству и снова, как в детстве, начал боятся смерти».

Может быть, от этого страха - и развлечения у нашего народа своеобразные и неповторимые (каждый развлекается по-своему).

Иногда на русского человека нападает странное и немыслимое одиночество, если не знать нашей истории.

« - Да, это одиночество, которое не тяготит. В нем нет эгоизма радости, которую мы испытали бы от встречи с ним. Сиюминутной радости перед бесконечной тоской общего страдания. Радости отца, встретившего сына, которого не видел десять лет, перед пылающей топкой крематория».

До поры, до времени таятся под спудом недюжинные народные силы и способности, но и сегодня они могут найти себе применение – в решительный и смертный час.

«Димка Лебедь умер как герой. Он вытолкнул из-под колес автобуса своего ребенка и был убит страшным ударом железного механизма прямо в грудную клетку».

Как бы то ни было, в русской действительности есть все; она *живая*, в ней кипят такие страсти-мордасти, что становится не по себе. Вот, например, этапы прямо-таки шекспировской трагедии: смерть первой жены, гибель второй семьи и, наконец, третий и последний шаг к пропасти…

«Любовь – это смерть. Понимаете? А смерть – это не старуха с косой, а деваха с косой, которая является раз в пять лет, тебя… очаровывает, душу из тебя выматывает, а потом умирает. А ты живи один и подыхай заживо! Не стал в этот раз ждать, когда сам растаю, а она меня и шмякнет. Лучше уж, думаю, я её... Выпил для храбрости… Да соседи чего-то уже учуяли, видать…
Но это вы уже знаете, гражданин следователь».

И еще раз про любовь…

«*Витька, здравствуй!*
Ты чего такой хмурый прошел? Муж обронил, что ты со своей поругался? Плюнь. Пройдет. Так ли еще у нас бывает. Просто помни, что я люблю тебя и буду любить вечно».

Ну конечно, вечно! По-иному на Руси, замешанной на неистребимом подростковом максимализме, и не бывает. Только «вечная» эта любовь заканчивается чаще всего так:

«В семье деревянных дел мастеров грянул тяжелый скандал: Витаха застрелился. В семье Сашки не прижилась простая хорошая женщина: не уберег. В семье бывает всякое: такова жизнь…»

Отношение к смерти у героев книги такое же, она – явление обыденное, само собой разумеющееся.

«Первым ушел Шабола. Повесился после непрекращающегося запоя. Почти одновременно с ним и так же покинул землю Вадик. И в том же году убили Мустафу. Последним умер Бес. Сердце разорвалось – то ли от врожденной болезни, то ли от приобретенного опыта жизни».

Страх смерти, конечно, есть в душе у каждого, но отношение к *концу* - совсем иное, семейное какое-то, домашнее, даже равнодушное:

« - Да ты не расстраивайся, бабушка, я и тебя закопаю в лучшем виде, - добродушно бурчит Гена, по-своему поняв Аннушкину ворчливость, плавно перешедшую в задумчивость».

Что удивляет порой – так это несвойственное нам циничное отношение к смерти:

« – Ты циник, – бросил я как-то в сердцах при встрече с ним.
Он пожал плечами.
– А у нас не циники помирают быстро. Почитай, на том свете работаем».

Как тут не опереться на народную мудрость, - то ли пророческую в своем прозрении, то ли проповедническую – для слабых, то ли исповедническую – для всех:

«Не горюй, Сашка, - напоследок сказала она слабеющим голосом. – Человек-от родится на свет хорошим. Да-а… Потомока делается плохим… И движется в сторону лучшего до самой смерти».

В старших учителях у Кирова – Шукшин с неизменными и вечными чудиками; Чехов с его лаконичностью, недосказанность и нелюбовью к авторским комментариям; Платонов со своей метафизической невозмутимостью и народной задумчивостью.

Киров усвоил не только шукшинскую манеру «брать быка за рога» - начинать рассказ сразу, без экспозиции, - но и шукшинское парадоксальное словесное рисование – даже в названиях: «Любовь, смерть и пара бордовых шерстяных носков». Ничего не напоминает? – Как же: «Космос, нервная система и шмат сала». Рассказ «Ласточка» имеет прямую связь с сюжетом новеллы Шукшина «Беспалый». Ну и, конечно же, восхищает замечательная речь, в основе которой – народный сказ.

Повесть «Троянос Деллас» заставляет вспомнить фантасмагорическую «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина и безысходные, ирреальные, сиротские повести и рассказы Платонова, особенно «Чевенгур».

«Троянос Деллас» – не антиутопия. Ее главы выглядят жуткими и фантастическими, но реальность страшнее. Оказывается, от демократии до анархии – один шаг, а от анархии до бандитской Кущевки – и того меньше. Если бы это был сон!..

«Среди бела дня у пилорамы остановилась иномарка, из которой вылез Мирза и с ним крупные парни. Рабочих выстроили в шеренгу. Мирза громко назвал четыре фамилии. Мужики дружно сделали шаг вперёд. Мирза спросил у водителя, сколько человек влезет в машину, услышав ответ, ткнул пальцем во второго и четвёртого. «Джип» уехал, и вместе с ним уехала память о двух сгинувших людях. Жена одного из них ходила в город, пыталась что-то там узнать, а когда вернулась, увидела пепелище вместо своего дома. Поплакала и пошла… К Мирзе. Устраиваться на пилораму. Это была первая там женщина-работница».

Такую демократию хотели построить Гайдар с Чубайсом? – Именно такую, больше похожую на СС…

Все заканчивается предсказуемо, история ходит по кругу:

«Так умер Вольфрам фон Эшенбах, последний из миннезингеров. А сразу после него пришли мейстерзингеры, жирные, продажные, тщеславные, льстивые и тупые. И быстро нашли себя в новом времени…»

В общем, вся эта пьеса «была прелюдией к одной маленькой прелюбопытной истории, которая на самом деле не имела ни начала, ни конца, существовала вечно и вряд ли когда-нибудь имела место быть». Как говорят в таких случаях: « - Дяденька, мы же не виноватые. Нас по-старому недовоспитали, а по-новому недоучили…»

Проза Кирова – «как крик из сердца. Из сокровенной глубины, не повзрослевшей и не огрубевшей, не заплывшей жиром, не покрывшейся копотью или просто грязью мужской души». Его повести и новеллы заставляют смеяться, грустить и радоваться одновременно. Добродушный и несчастный наш народ - неведомая величина для многих, но не для Александра Кирова.

- Так кто же виноват во всей этой великой беде? – спросите вы. Хотите узнать ответ на извечный русский вопрос? – Пожалуйста:

«Погоди, бабушка! – прервал очередной анекдот мой посерьезневший сосед, извлекая из кармана рабочей куртки рублей десять мелочью. – На, возьми. Берешь такие? Смотри, не потеряй. А то я подберу.

– Дай Бог добра-здоровья, – поклонилась ему старушка.

– И дай Бог, чтобы те, из-за кого мы дошли до такой жизни, сдохли. Я всегда свечку ставлю за их гибель, пидарасов».

Трагический раскол (с одной стороны - основная масса народа, живущего в провинции, с другой - централизованная власть) продолжается и сейчас. Авторы современной прозы о деревне увидели здесь не просто издержки урбанизации, но продолжение трагического процесса "раскрестьянивания", теперь уже на новом его этапе. И усиление публицистичности, характерное для всей нашей прозы и всей литературы, в их творчестве имеет конкретное исходное начало. Равнодушие горожанина к деревенскому жителю,

столичного жителя к "провинциалу" - эти внешние приметы чудовищного разрыва между деревней и городом, превращения русской провинции в безысходное, горькое захолустье, не могли не отпечататься и на литературной жизни. Не только равнодушие, но и высокомерие по отношению к провинциальной России, игнорирование ее интересов - главная причина неудач всех реформ в России, начинаемых "сверху". Но проблема не ограничивается "маргинальной" оппозицией: "город - деревня". Наиболее талантливые авторы новой прозы о деревне не стремятся противопоставить город и село, их поиски устремлены не в прошлое или будущее, а к современности и к вечности, так как именно вечные, духовные начала определили (и определяют до сих пор) историческую судьбу народа: "Здесь русский дух в веках произошел. И ничего на ней не происходит" (Н. Рубцов). Их историзм особый - он выражен в понимании хода истории как единого в своей вечности бытия. Новая проза о деревне свидетельствует о драматическом возвращении к классическим традициям, о поиске духовной основы. Современную прозу о деревне можно с полным основанием характеризовать как литературу национального самосознания.

3.7. На стороне народной правды

Всероссийский конкурс имени Василия Ивановича Белова, классика русской литературы, стал известным в России и за её пределами. Так, в 2015 году были рассмотрены более 400 работ 345 участников из 50 субъектов Российской Федерации, а также зарубежных стран – Белоруссии, Украины, Эстонии, Канады. Первое место решено было не присуждать. Вторые премии получили Виталий Лозович, Воркута (повесть «В городе метёт пурга»); Станислав Мишнев, Вологодская область (цикл рассказов «Письмо другу»), третьи премии: Иван Чуркин, Нижегородская обл. (рассказы «На Сатисе-речке»), Геннадий Рудягин, Московская область - Украина (рассказы «Россыпь»); Алексей Ивакин, Кировская обл. (рассказы «С лица воду не...»). Были рекомендованы к включению в сборник лучших работ участников конкурса и другие авторы: Александр Миронов, г. Санкт-Петербург, Анатолий,Байбородин, Иркутская обл., Евгений Шишкин, г. Москва, Наталья Мелехина, Вологодская обл., Елена Родченкова, Санкт-Петербург.

Сухие цифры отчета необходимы, но за ними не разглядеть ни многомесячной работы членов комиссии с бумажной горой рукописей, ни дыхания прозы, ностальгической, грустной, тревожной и даже кричащей, ни состояния читающей души,- то радостно взволнованной от встречи с художественным словом, то печальной…

Повесть Виталия Лозовича «В городе метет пурга» вызывает светлые чувства. Автору удалось пленить нас «непостижимой красотой общения», очаровать молодостью и чистотой героев, музыкальностью стиля и внутреннего ритма, - словом, всем тем, что называется гармонией формы и содержания. Истории первой любви почти всегда заканчиваются расставанием, но только внешним, - сердца не ведают разлук…

Проза Лозовича кинематографична, зрима и пластична, но за рамки заданной темы выйти не способна – в этом ее и слабость, и сила.

От рассказов давно работающего в отечественной прозе Станислава Мишнева вспыхивают иные эмоции: горестные, протестные, болевые. Очередная крестьянская катастрофа (на фоне пикирующей экономики и ограбленной культуры), вызванная, как повелось издавна, косолапым вмешательством властей, не ведающих, что такое труд земледельца, передана художником во всей ее несуразности и драматичности. Но Мишнев идет дальше – он видит мистический ее подтекст: «Мир не собака, сойдёт с ума – на цепь не посадишь. - Мысли у Алексея Николаевича сегодня ясные. – Не дал мне Бог таланту, а кабы дал, нарисовал бы я адскую мельницу, жернова, плотину, и бежит вместо воды в

реке кровь людская, и стоит сверху дьявол в своём мерзком дьявольском камзоле и потешается, довольный…»

Рассказчику и его персонажам - веришь и сочувствуешь, следишь и идешь за его мыслью, к сожалению, теряющейся иногда в многословии.

К циклу рассказов Алексея Ивакина можно поначалу отнестись скептически: что нового может сказать о войне автор, не видевший ее наяву? Но его сюжеты неожиданно захватывают, заставляют влиться в их напряженное течение. Военные и послевоенные нечеловеческие обстоятельства (единственную оставшуюся в деревне избу пускают на бревна для срочно возводимого саперами моста, командир отправляет сына на верную смерть) потрясают и ошеломляют. Россия как будто осуждена на испытания и страдания во имя какой-то великой цели!.. Поражает, с каким удивительным спокойствием идут на немыслимые жертвы наши люди. Что ж, как говаривал беловский Иван Африканович, «дело привычное». Один из рассказов Ивакина называется «Обычное дело»…

Досадно только, что речь некоторых его героев не выверена, не продумана, не прочувствована. Режут слух многочисленные псевдорусские «понимаш», «быват», «откудова», «чо» и т.д., словно не в Кировской области северной речи живет автор, а на среднерусской равнине. Очень средней…

О тяжелом послевоенном времени повествует и Александр Миронов. Рассказ о судьбе предателя («Твист») запоминается, это настоящая удача, а вот его «Зов тальянки» оказывается еще одной искусственной вариацией на тему «Русского характера» Алексея Толстого.

Раны минувшей войны болят до сих пор и у героев Евгения Шишкина («Кавалер», «Лапти»), его проза отличается изяществом рисунка, но в целостную картину пока не складывается.

Что-то подобное видится и в рассказе Анатолия Байбородина («Золотых огней гидростанции…»), - красиво, звонко, но и только…

Поэтичны, но несколько слащавы новеллы Ивана Чуркина (цикл «На Сатисе-речке»). Народную мудрость («Это, сынок, жизнь нашу лихие люди в реке утопили») своими размышлениями или наблюдениями прозаик не подкрепляет.

Удивительно хороши миниатюры Геннадия Рудягина, - за исключением случаев, когда миниатюрность идет во вред сюжетности. Россыпь его коротких рассказов-акварелей предъявляет нам галерею чудаков, а на самом деле правдоискателей. Герой этих новелл – маленький человек, мечтающий о большом счастье. Только любовь делает малых великими, а обыденная их жизнь наполнена страданиями. Поневоле восклицаешь: почему такому красивому, доброму и любящему народу так тяжело живется?!

С известным утверждением: «Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает» согласиться нельзя категорически! Здесь грубо нарушена логика. При Александре Третьем, при Брежневе мы, значит, были одним народом, а при Ельцине – другим? И наше ли это правительство, если оно ни разу за двадцать лет не удосужилось спросить у народа, чего он хочет – капитализма или социализма? – не провело ни одного референдума?! Знают, наверное, чуждые нам начальники, что споткнутся о русскую наблюдательность: «С чужого еще никто в богатыри не выходил». (Рассказ И. Чуркина «Грех»).

Елена Родченкова рисует нам душераздирающую картину несправедливости (рассказ «Дом дуры»): «Когда наступила зима, снег завалил бесплатный Инкин магазин, а после того, как она позвонила Президенту России на горячую линию, и вовсе закончилась ее дармовая добыча.

Позвонила зимой. Была почти трезвая, не злая, не голодная, просто сбил ее с толку сияющий на экране телевизора номер телефона. Может, проверить хотела, обманывают или нет, с этим номером-то, может, надежда какая появилась… Сама не знает, как так получилось. Правды захотела.

Позвонила и сходу спросила: «Скажите мне, пожалуйста, как нам выжить? Старшего сына прислали из Чечни в гробу. Голова была положена отдельно, отрезанная, а тело чужое. Не его тело. А его, наверное, послали другой матери. Что? Да, я открыла запаянный гроб. Открыла… Что вы говорите? Неважно, как его зовут. Его нет. Остался младший. Батька их спился. Муж мой. Похоронила. Колхоз распустили, деревня вся вымерла, работы нет. У нас здесь зима, дорога нечищеная, живут пять семей, одни старики. Школу в соседней деревне закрыли. В лесу волки. Вожу ребенка в город с ружьем. Мальчик у меня, Витя. Ружье нелегальное, отцовское. Можете, конечно, изъять. Работы нет. Никакой. Только домашняя: печки, вода, дрова. Скажите, как нам выжить? Ну как? Что? Да, сама я иногда пью. Злоупотребляю алкогольными напитками… Но ведь и таким надо выживать как-то, всем надо жить!»

На том конце с ней говорили вежливо и тепло, потому она рассказала не только о своей жизни, но и о работе районной администрации за последние лет десять.

Всю следующую неделю по утрам, просыпаясь, Инка ощущала какой-то холодный и неудобный мрак в желудке, так бывало после длительного запоя или перед посещением участкового».

О финале рассказа говорить не будем – читатель сам все узнает.

Во всех произведениях, опубликованных в этом сборнике, звучит голос народный, поет его душа, но она же все время грустит, сторонится огромного, злого, темного, скрытого за железным занавесом:

Рухнул занавес. И что же?
И решили господа:
Пропадать ему негоже.
Эй, подать его сюда!

Протащили по болотам -
Тяжеленный, паразит...
Между властью и народом
Он теперь у нас висит.
(Н. Зиновьев)

Русская литература всегда стояла, и будет стоять на стороне народной правды.

Жаль, но среди представленных в 2015 году на конкурс рукописей не нашлось той единственной, которая устроила бы всех, как это было в предыдущие годы с прозой Владимира Личутина, Станислава Куняева, Виктора Лихоносова… Нет в рассказах и повестях сверхзадачи, нет подлинного размаха, рывка в запредельное, всегда отличавшего художественную литературу от беллетристики.

Жаль еще, что так мало среди нас молодых литераторов, способных на дерзость и порыв, - в числе соискателей премий их почти не было!

Что ж, у них, как и у всех нас, всё впереди.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

4.1. *Вологодские писатели о русском языке*

Василий Иванович Белов в статье «Спасем язык – спасем и Россию» писал: «Говорить об исключении иностранщины из нашей лексики вполне правомерно. И нечего этого

бояться. Надо безжалостно исключать «чужесловы» из нашей речи. Безжалостно выбрасывать. А нам прививают намеренно эту лексику. Уничтожение русского языка идет одновременно с уничтожением русского народа» (1).

Стараются и усердствуют в черном деле истребления русского языка наши вечно самодовольные и одновременно безграмотные «средства массовой дезинформации» и чинуши из всеми презираемого министерства образования.

О глашатаях и проводниках так называемой «глобализации» говорить не хочется – они сами говорливы без меры и без совести. А вот о деятелях «просвещения», оглупляющих народ, надо сказать особо.

Заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, профессор Всеволод Троицкий раскрывает «секрет Полишинеля»: «Из прежних программ средней школы по русскому языку на определённом этапе, как известно, **были выброшены** разделы (вдумайтесь: каково!)**:** «**Б**огатство, красота, выразительность русского языка», «**Р**оль церковнославянского языка в развитии русского языка», «**О**днокоренные слова», «**Э**тимологические словари русского языка», «**О**сновные толковые словари русского языка», «**П**ринципы русской орфографии», «**О**рфографические словари» и проч... **Русскую литературу** в школе «сократили», и по содержанию и по количеству учебных часов, под стать программам школы колониальной страны, **сократили так**, **чтобы народ** (в массе) **не владел** свободно русским литературным языком, как это по преимуществу было в лучшие для школы годы XX века**»** (2).

Увеличили часы на… физкультуру, а еще добавили… второй обязательный иностранный язык!..

В какой стране мы живем?.. В России? Или теперь Трамп – наш президент?

Мы давно и безвылазно барахтаемся в болоте чужестранной лексики**.** Роберт Балакшин сокрушается: «Вместо слова «наблюдать» говорят «мониторить». Даже появилось уродливое словосочетание «служба мониторинга». Дистрибьютор – посредник. И короче и красивей, но привыкли, да и модно, все так говорят. Дайвинг – ныряние. Саммит – встреча. Дилер – посредник, перекупщик. Кастинг – отбор. Фанат – болельщик. Ментальность – сущность. Тренд – основные направления в моде, культуре, искусстве.

Доходит до смешного… На экране телевизора появился важный чин, и на вопрос корреспондента ответил: «Царскосельский лицей - это наш бренд» (3).

Сергей Созин пишет: Я такой же, как все... Терпеливый... Но... до поры - до времени...

«Отличился» «рупор» Департамента культуры «cultinfo.ru» («Культура в Вологодской области»). Цитирую дословно: «Городской градозащитный квест, посвященный истории Вологды во время Великой Отечественной войны, пройдет 22 июня 2014 года».

Посмотрите на афиши с программой фестиваля«VOICES»: названия с английского даже не переводят… Цитирую выступление Владимира Путина на совместном заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству: «*Надо избегать излишней латинизации. Когда, например, мы в регионы едем - сразу виден уровень чиновника. Если все в латинских вывесках... Мы в какой стране живем-то?...»*

Мэрия Череповца, к очередному Дню города, выпустила праздничный буклет «ЧЕРЕПОВЕЦ горячее сердце русского севера» (орфографию, синтаксис и морфологию названия оставляю на совести редактора и корректора)… Заголовок вступительной статьи: «Основным драйвером развития современного общества является человек». Ну, как перл?! И этот «драйвер» буквально преследует читателя буклета. Хочу вас спросить, как драйвер драйверов: «Не надоело вам издеваться над родным языком?!...» (4).

"НЕ НАДО ПАНИКИ — ЯЗЫК САМ ОЧИСТИТСЯ ОТ ПЕНЫ!" — на весь мир вопит профессор-филолог, - возмущался Василий Белов. - Не верьте доктору филологии!» (5).

И правда, многие до сих пор считают, что язык «сам себя спасет». Другие исследователи, наоборот, уверены, что «русское словообразование стало невозможным и прекратилось. Способность усваивать иноязычные слова, нарастающим мутным потоком вливаемые в русский язык, урезана и продолжает сокращаться» (6).

Думается, язык наш – как море, он очищает себя только до определенного предела, до точки засорения, после которой помочь ему сможет только весь народ.

Ю. Максин подтверждает: Моё поколение ещё помнит речь бабушек – русских крестьянок, родившихся до революции. При невеликом образовании, всего в несколько классов церковноприходской или земской школы, а то и вовсе без оного, речь их была образной, а по нынешним временам так и высокохудожественной, потому что их словарный запас намного превосходил лексикон многих современных популярных авторов, пишущих на русском вроде бы языке» (7).

Людмила Яцкевич в статье «Это хищное слово «проблема» пытается найти замену набившему оскомину слову: «Вопрос, дело, загадка, задание, задача, затруднение, осложнение, переделка, переплет, положение, препятствие, рана, трудность, засада. В разговорной бытовой речи, как известно, даже и такие словечки используются: закорючка, загвоздка, закавыка, закавычка, заковырка, заколупка, заморочка, сложнячка…» (8).

Только кто из властных лиц её будет слушать?

Помнится, Василий Иванович Белов лет пятнадцать назад штрафовал нас за употребление слова «проблема» на десять рублей. Помогало…

А сейчас штрафы от издевательств над людьми и языком не спасут. Спасут только возвращенные народу власть и собственность. И этот день не за горами…

4.2. *«Друзья! Друзья! Какой раскол в стране!..»*

В России писателей много, даже слишком. Чтобы писательские организации не раздувались и не лопались от чрезмерного тщеславия авторов и всеядности руководства, нужны профессионализм, характер и сила воли тех, кто рассматривает рукописи.
Наше Вологодское отделение Союза писателей России считается в России чуть ли не самым жестким. За год принимаем одного-двух, - это в лучшем случае, - а порой и вообще «оставляем на бобах» претендентов.
Впрочем, семинары и обсуждения проводим регулярно, пишем внутренние и внешние рецензии, пестуем талантливую молодежь, если таковая находится.
А вот с графоманами – просто беда. На наши головы вылиты цистерны помоев, мы нажили себе кучу врагов, но со своих принципиальных позиций мы не уйдем, как бы ни хотели и не жаждали нашего отступления окололитературные безличности.
Мировоззренческие противоречия сейчас вышли на первый план. Например, с местной ячейкой «Союза российских писателей», в которой графоманов – большинство, мы несовместимы, прежде всего, с идеологических и эстетических позиций. Жаль, что руководство города и области стремится поддерживать именно этот самозваный союз, - предоставило дом, деньги на издание сборника и т.д. Им ближе не Ольга Фокина, а некая Ната Сучкова.

В последние годы нашу писательскую организацию стремятся выдавить из вологодского культурного пространства. Хотя и у нас есть сочувствующие, кое-какую поддержку получаем и мы, но в разы меньше.
Властям наши антиподы «идеологически близки». Мы никогда не забудем, как почти 20 лет назад один крупный вологодский чиновник, заместитель губернатора, распорядился отменить торжественное собрание и концерт, организованный в честь юбиляра Вадима Валерьяновича Кожинова, для нашего края человека дорогого и знакового. Уже и билеты были проданы, и афиши висели, но в последний момент Кожинова заменили на… одесского хохмача.
Союз писателей СССР и, соответственно, Союз писателей РСФСР, был образован в 1934 году, прекратил свою деятельность в 1991-м, но сразу же передал все свои полномочия национальным отделениям. В нашей стране его правопреемником (и фактически, и юридически) стал Союз писателей России, объединивший подавляющее большинство русских писателей.
Все остальные так называемые «союзы»: Союз российских писателей, Союз литераторов РФ и т.п. – организации самодеятельные, незаконнорожденные, вобравшие в себя преимущественно либеральных «деятелей пера», не принятых в советское время в профессиональный Союз по вполне тривиальному поводу: бездарности. Часть советских писателей, в основном русскоязычных москвичей и питерцев, вошла в Союз российских писателей по идеологическим соображениям, часть была принята уже в 90-е и «нулевые» на скорую руку.
Есть в их рядах и подлинные литераторы: А. Варламов, А. Киров и др., но их крайне мало, и существуют они там в виде исключений.
Власть благоволит Союзу российских писателей: выделяет гранты, премии, поддерживает журналы, рекламирует их авторов на телевидении и т.д. При либеральном строе это естественно. Впрочем, после известных событий наметился поворот в патриотическом направлении, но пока он не принял зримых форм, и вот почему…
Многолетняя неопределенность нашего Союза объясняется мировоззренческими причинами, но оформленными «медвежьей властью» юридически. Была у нас однажды встреча с чиновниками... Мы твердили о необходимости закона "О творческих организациях", об обязательных квотах для библиотек, о статусе профессии, о нормах в выплате гонораров, о государственной поддержке книгоиздания и журналов, - а нам: "И не мечтайте! Это противоречит закону об общественных организациях, ваши требования мы не примем к исполнению НИКОГДА!".
Все понятно: не закону, а их идеологии все это противоречит. Они, вероятно, думают жить вечно.
Ольга Фокина давно уже не питает иллюзий: «Литература у нас, как и церковь, отделена от государства».
Три позорные статьи Конституции сделали возможным разгром нашей культуры и литературы. Во-первых, запрет идеологии, фарисейский по своей сути, так как идеологию отменить невозможно, как нельзя отменить ветер, дождь и снег. На самом деле она живет и процветает – идеология потребления и наживы любой ценой.
Во-вторых, отмена цензуры – еще одна ложь. Фактически цензура существует, - национально ориентированные граждане, особенно русские писатели, ощущали и ощущают на себе ее тяжелую длань. Но она избирательна: ползучий либерализм свил свое змеиное гнездо в бюрократических структурах и чувствует себя там прекрасно. Русофобии и антисоветизму никто преград не ставит – они заполонили экраны и газетные полосы, а пошлость просто льется рекой, уничтожая последние остатки вкуса.
И наконец, в-третьих, статья о преимуществе международных законов перед национальными, - вершина подлости, капитуляция страны перед международным капиталом, предательство и сдача всех позиций. В эти широко раскрытые ворота и хлынула западная муть под радостные крики русофобов всех мастей: ЕГЭ, ГМО, ВТО,

ИНН, болонская система образования, ювенальная юстиция, толерантность, гендер и прочие мерзости.
Нынешняя молодежь находится в расколотом состоянии, как и все общество. Единственное отличие от старшего и среднего поколений – та жажда, с которой они хотят постичь истину. Ищут они ее везде, в том числе в русской публицистике, поэзии и прозе, - в интернете, конечно, - но и там они тычутся, как слепые котята, пока не начнешь направлять их по верным адресам. К всеобщему ужасу, на первый курс университета, в котором я работаю, молодые люди и девушки приходят с минимальными знаниями, в голове у них – «чистая доска». Но и душа у них чистая, несмотря на многолетнюю пропаганду греха. И растут они быстро, даже стремительно, если поверят нам, если для них станет близким то, о чем мы говорим и пишем. Так и хочется повторить вслед за Сергеем Есениным:

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

А темы, идеи и смыслы у нас вечные, как и сама жизнь души и духа.
С нами Бог.

4.3. «Видя за собой пустоту…»

Издание любого литературного сборника в Вологде – всегда событие. В аннотации к новому альманаху (Вологодский альманах – 2015 / Администрация города Вологды; [ред. С.Ю. Баранов]. - Вологда: Полиграф-Периодика, 2015. – 459 с.: ил.) сказано: «Не претендуя на всеохватность, альманах дает представление о многообразии литературной жизни современной Вологды».

Действительно, о всеохватности говорить не приходится, так как в списке живущих в нашем городе авторов сборника не оказалось известных не только в области, но и в России прозаиков: Сергея Алексеева, Сергея Багрова, Александра Цыганова, Виктора Плотникова, Роберта Балакшина, а также активно пишущих Александра Ломковского, Николая Толстикова и других. Невозможно представить поэзию Вологды без Нины Груздевой, Михаила Карачева, Татьяны Бычковой и Натальи Сидоровой, оставшихся «за бортом» издания (о появлении в этом альманахе подборок стихотворений Ольги Фокиной и Инги Чурбановой надо говорить отдельно, так как законность их сомнительна).

Почему же уважаемые авторы-вологжане отказались печататься в данном альманахе, а отдали свои произведения в другой сборник, да еще изданный на пожертвования читателей? Неужели только в силу групповых пристрастий и человеческих разногласий? Нет, конечно. Главная причина иная, гораздо более серьезная – эстетическая.

Критический анализ альманаха не оставляет сомнений – в нем преобладают представители так называемой «неофициальной» или «альтернативной» прозы и поэзии Вологды, претендующей на первенство в ее литературном процессе. И московские публикации у этих авторов имеются, правда, в либеральных журналах, давно уже

живущих в параллельном мире со своим узким кругом читателей и почитателей (самый тиражный и читаемый «толстый» журнал России – почвенный «Наш современник», держащий пальму первенства уже много лет подряд).

Начнем с прозы.

Только два-три текста можно назвать художественно полноценными в этом сборнике. Лирические воспоминания Татьяны Андреевой о детстве и юности «Память старых фотографий» отличаются достоверностью, искренностью интонации и композиционной стройностью.

О Наталье Мелёхиной уже приходилось говорить – она вошла в окончательный список авторов Всероссийского конкурса современной прозы им. В.И Белова «Все впереди». Мелёхина – перспективный прозаик. Её рассказы требуют редакторской правки, но самое важное – авторский стиль – в них уже есть.

А вот остальные публикации, за редким исключением (Д. Ермаков), не выдерживают критики.

Проза Николая Белозерова, представленная в альманахе фрагментами из романа-фэнтези «Путь бога» - скучная и вторичная даже на фоне сходной по жанру макулатуры, лежащей годами на книжных развалах. На самом деле это не фэнтези, а языческая мешанина, о содержании которой можно узнать из предисловия: «Герой трилогии – Вольга, наделенный от рождения незаурядными мистическими способностями. Будучи волхвом, он одерживает победу над могущественной Черной Лаской, стремившейся обрушить Мировое Древо, и становится новым божеством Даждьбожья». В тексте действуют оборотни, жрицы, ведуны, волхвы, ведьмы и домовые. Образец речи: «Ведь хоть и не слышен обычно голос домовой ушам непосвященным, но, говаривал отец (когда думал, что Рокса спит): «Однажды и у мерина встает»… … «Тайну ее безжалостно ссильничали, выстудили душу ее, не закрыв нарочно дверь, впустили чужих, и они бездумно вытоптали-разорили цветовник воспоминаний ее». – Особенно умиляет троекратно повторенное «ее»…

Неоязычество – не такая уж безобидная вещь. Диакон Андрей Алексеев в статье «Неоязычество – проект по разрушению государственных устоев России» пишет: «Речь идет о настоящем "этностроительстве". Ведь люди, принимающие неоязыческие установки, перестают ассоциировать себя с тысячелетним периодом русской истории и культуры. Сотни и тысячи последователей начинают соотносить себя с виртуальными мирами будь то древних славян, ариев или несуществующих на сегодняшний день коренных малочисленных народов. Изменения в национальной идентификации приводит к изменению политических установок. Очень многие идеологи неоязычества открыто говорят о своем неприятии государства или империи как формы объединения народа». (http://ruskline.ru/news_rl/2015/11/17/neoyazychestvo_proekt_po_razrusheniyu_gosudarstvennyh_ustoev_rossii/).

Документальная беллетристика Александра Быкова (роман-трилогия «Дело Варакина») – довольно унылая и во многом вторичная (равнодушный обзор трилогии дает в своей статье Анна Федорова). Повествование отличается многословием и многочисленными повторами – они видны даже в отрывках романа. Так, факты биографии доктора Горталова упомянуты дважды (на стр. 82-й и 88-й).

Текст Ивана Городилова «По грибы» по жанру – длинная бухтина, но по языку с беловской не сравнить, словесную серость автор пытается преодолеть экспрессивностью форм, но в лучшем случае получается банальность, в худшем – пошлость: «Ну, ты вообще тупой, да?», «Едрит твою, калина красная».

Рассказ Сергея Громыко «Виталик» заставляет вспомнить молодежную прозу шестидесятых годов, только второго-третьего ряда: легкая беллетристика с претензией на интеллектуальность, деланный юмор и пошлая ирония, ерничанье, разговоры ни о чем,

легкомысленные отношения героев, игривая вульгарность… Очень жаль, что автор пошел по этому пути, ведь у него есть задатки, например, диалоги написаны естественно, без натуги, слышна авторская речь, да и тема серьезная (трансплантология), но раскрытая в газетном стиле. На одну треть текст можно сократить, в его начале и середине много ничего не значащих фраз. Эмоциональная кульминация рассказ не спасает – слишком невнятен замысел. «Цель художества есть идеал», - писал А.С. Пушкин. Вместо надежды автор «дарит» читателю уныние.

Анатолий Ехалов – хороший очеркист, публицист, летописец северной деревни, много сделавший на журналистском поприще, но стремящийся работать в прозе. Очередной попыткой стала повесть «Бабка Горошина и другие неофициальные лица» (в сокращении). Как ни старается Ехалов ввести в текст, публицистический по содержанию, диалоги, сдобренные диалектной лексикой и авторской игрой со словом, - все равно получается очерк! Байки о Сталине, Берии, Горбачеве, о перестройке и демократии рассыпаны по всему тексту: «Включили приемники, а там и слова по-русски не услышишь: приватизация, ваучеризация, инфляция да консенсус…» Та же тема раскрывается, например, в прозе Станислава Мишнева, но насколько она глубже по содержанию, правдивее в речи и поступках персонажей, драматичнее в сюжетах, философичнее в описаниях природы…

Достойными внимания автора становятся такие вот «коллизии»: «Леха вытащил из кармана пол-литру – и похолодел от тревожных предчувствий. Карман фуфайки был влажным, а бутылка слишком легка. Так и есть, водка вытекла ночью через свернутую из «Красного Севера» пробку. Леденящий смертный ужас пополз по ногам Лехи, снова захватывая тело и грудь. Голова его глухо стукнулась о грязные доски пола». Сомнительны и другие сюжеты: сообщение по радио об угоне героем повести пассажирского самолета в Финляндию, внезапная его любовь к голой путане и т.д. Жаль: и повесть не получилась, и потенциально хороший очерк загублен.

Вот и Антон Янковский в своем стремлении напечататься, где только можно, отдал в альманах слабый текст, подготовленный к публикации явно в спешке (фрагмент из повести «Аскер-джан»). Всем известно, к чему приводят попытки усидеть сразу на двух стульях…

Рассказ Романа Красильникова «Арбуз» по стилю и языку напоминает главу из «Денискиных рассказов» Драгунского, только с социальным подтекстом. Есть чувство ритма, знание психологии подростка, присутствует четкая авторская позиция. А вот новелла «Интересно» не выписана и не продумана. Первая ее часть – лиричный и одновременно смешной рассказ о любви. Во второй части автор в своем стремлении к лаконичности сократил диалог и концовку до такой степени, что оставил читателя в недоумении: кому принадлежат реплики? И потом, случайно герой встретил свою бывшую возлюбленную или все-таки пригласил ее домой с мужем и детьми? А если пригласил домой, то почему ему с женой, как и гостям, нужно уходить? И почему все это происходит ночью, когда детям пора спать?..

Текст Алексея Муратова под названием «Соловей» вызывает удивление даже не телеграфным стилем, не самолюбованием рассказчика, а отсутствием какой-либо мысли в словесном потоке неотесанного подростка: «Ну, блин, и растаяли все, уроды. Хоть бы выматерился кто. Хрен. Ленка, б…»

Рассказ «Для служебного…» соответствует названию, это повествование для самого себя, а не для читателя. Что, например, можно понять из следующего отрывка?.. «Мы переглянулись. Нажимать – не наша кафедра. Мы войска, а не органы. Отмахался – считай Брат. Получи подарок. С крючка соскочить сложно. Амнистию за бездействие еще заслужить надо…»

Построенные на контрастах рассказы Валерия Тимошичева «Случайный папа» и «Балерина» - симпатичные, душевные, хотя и несколько слащавые, но, увы, затянутые, неумелые по исполнению, - сразу видно, что это его первые опыты в прозе.

Подобные же претензии можно предъявить и Антону Черному («Вологодская повесть «Лето всегда кончается»»). Концовка у повести оригинальная, но не спасает весь текст - тоже многословный и рыхлый в композиционном отношении (части не связаны между собой).

Рассказы Ольги Олевской - типичная «женская проза» третьего ряда: «Мужики нынешние обнаглели в корень». Типична и эмансипированная героиня («женщина передовая, как говорится, продвинутая»), страдающая от собственного эгоизма, не способная любить, жертвовать, из-за отсутствия духовного смысла с головой погруженная в быт: « - Мне скрывать нечего. Во-первых, выплачиваю ипотеку за дочкину квартиру, у нас еще тысяч триста долга осталось. Во-вторых, покупаю нам с мужем две путевки в Париж на две недели. А это, знаешь, как дорого сейчас выходит! Еще ведь и с собой нужно денег взять. Потом копаю на даче колодец, ставлю душевую кабинку, ищу дочке шубку, - начала перечислять я. – Да, у мамы меняем кухонный гарнитур…»

«Женские» книги похожи одна на другую как две капли воды. Для гламурного журнала текст Олевской сойдет. Исключение – сатирический рассказ «Кабинетная наука».

Руфь Рафалович представляет в своих рассказах ту же «женскую прозу», только с национальным «колоритом»: «Яше очень хотелось жениться на тебе. Он говорил, что ты ему нравишься больше, чем Элька, и больше ему подходишь. Но у тебя нет права на выезд». («Изъян в родословной»).

Рассказы Галины Щекиной, на первый взгляд, тоже женская проза: «Признаться, она всегда думала о разной ерунде. Почему он носит шарф, совершенно новый и мягкий? Когда привыкнет свои ботинки сушить вовремя? Где Борька распорол новенькие кожаные перчатки и как их починить, чтобы не было очень заметно?», но постепенно вырисовывается отличие - претензия на «современность»: «Шведы денег дали, чтобы реку спасти. То они нам на просветительскую программу по холокосту дали. То на гендерную конференцию». Или вот еще: «Он, правда, пытался втолковать ей свою версию насчет эскадронов смерти: что во многих политических убийствах – скажем Старовойтовой, Щекочихина, Холодова – прослеживается общая подоплека…» Знакомый либеральный набор…

К Галине Щекиной я отношусь спокойно, благодарен ей за помощь в публикации в 90-х годах совместной с К. Анкудиновым книги о великом русском поэте Юрии Поликарповиче Кузнецове, но пройти мимо постоянно повторяющихся изъянов ее прозы не могу. Бездумное отношение к слову прозаик демонстрирует, например, в данном отрывке: «Отец с матерью утверждают, что похожа. Они у меня такие стремные, такие романтики. Тут года три назад участвовали в раскопках в центре города, открыли культурный слой пятнадцатого века. Да и вообще был страшный кипеж». («Меандры»). Разностильность речи (смесь канцеляризмов, научной лексики, просторечия и жаргона) в прозе Щекиной давно уже не удивляет. Расхристанность стала чуть ли не главной ее приметой: «Кто-то страдает, а я стебаюсь…»

Стеб проявляется и в рассуждениях одного из героев рассказа: «Надо же учитывать таяние ледников, Всемирный потоп, подъем уровня океана на тысячи и тысячи метров… Так что раса рыболюдей была неизбежна..»

О поэзии…

Стихи Натальи Адлер о старой Вологде, о Рубцовской осени, о природе - ровные, но иллюстративные Автор не чувствует языка, называя город Вологду «тишайшим скопидомом». Вместо образной лирической устремленности в вечность присутствует очерковая банальность. Такие стихи раньше публиковали в стенгазетах или посылали в «Пионерскую правду»:

…Спасибо, Петряево,

За солнце, за привет,

За доброе радушие,
За деревенский пир,
За то, что не разрушен
Твой уникальный мир.
За память о поэте,
За искреннюю боль
И за дороги эти
Любить тебя позволь.

И лексика соответствующая: «За то, что не разрушен / Твой уникальный мир…» - для газеты в самый раз.

Стихотворения Вячеслава Вахрамеева внешне напоминают философскую лирику, но это единственное их достоинство, точнее, намек на подобное. В погоне за оригинальностью автор увлекается «словотворчеством», да так, что не слышит самого себя. В его стихах «сердце больно запнется за вечность», летают «шерсть солнца» и «щепки ума», жизнь «бьет копытом», а месяц «уходит сквозь пальцы», висят «мудрые звезды с седой бородой» и снятся «трескучие сны». Вахрамеев путает рифмы перекрестные и смежные (ст. «Первобытная белая тьма…»), а о точных рифмах имеет весьма смутное представление, не утруждая себя работой над языком: «обиду – ливень», «пробелы – успели», «небольшая – шарик», «глухой – олонхо», «прорвана – заполнена» и т.п. У Вахрамеева косноязычны целые строфы:

Что для радости жизнь эта нам еще, (?)
Что не все в этой жизни сказал.
…Взмах руки этот плат расстилающей,
И спокойные эти глаза.

- Речь идет о Покрове Пресвятой Богородицы…

Стихи Татьяны Корсуновой – яркий образец заблуждения, испортившего судьбы многих стихотворцев, зачастую весьма талантливых. «Новаторство любой ценой!» - вот их девиз. Ценой потери смысла, гармонии, певучести стиха, когда неумелость прячется за маску, за искореженную форму:

Маска – она на тот случай, если больна.
Самая старая, самая крепкая, сбоку подклеена,
И изнутри, где папье-маше, -
Обрывок Ленина
И заголовка на слове «открыто плена…»
Но не ходи на Вернадского и не ищи, не нать,
Все уже умерли, ты забывай, как звать.
Там не растет ни хрена,
Там никого, там давно не пахана целина,
И если бабушка наша твердила:
«Только бы, Надь, не война, только бы, Надь, не война»,
То дети не помнят, зачем нам ее не на…

В своей поэзии Корсунова обращается к образам, далеким от реальной жизни: «Мама вымыла Раму». И Кришну и Раму». Для коллекции сгодятся и «старый Эжен», и стилет с

кастаньетами, и лавочники с королями… В заслугу автору можно поставить честное признание: «А теперь остро хочется глупых стихов, хотя бы из пальца высосанных».

Стихи Леты Югай из цикла «Записки странствующего фольклориста» (добавим – и диалектолога) представляют собой рифмованный отчет о практике студента-филолога. Если все это можно описать прозой, то поэзия ли это?..

О творчестве Марии Марковой обычно говорят с придыханием. Еще бы: она лауреат молодежной Государственной премии! Ничего не имею против выдвижения «Литературной газетой» нашей землячки на соискание престижной награды, более того, лично поздравлял Марию, тогда еще студентку филфака, писавшую у меня дипломную работу, с успехом. Маркова, кстати, относится к этой премии довольно иронично, потому что знает: само по себе звание лауреата не гарантирует признания в вечности. К слову, сейчас все литераторы имеют премии – наград едва ли не больше, чем соискателей.

Стихотворения Марковой написаны профессионально, со знанием дела, на фоне многих сверстниц она выглядит весьма достойно – сказывается крепкое филологическое образование. Но эта крепость оборачивается и другой своей стороной: литературщиной, книжностью, гладкописью, вторичностью стиля.

Замечательный поэт Николай Глазков говорил, что есть стихи хорошие, плохие и… никакие. На мой взгляд, стихотворения поэтессы относятся к третьему разряду: они не лиричны, не трогают глубинных душевных чувств, однообразны и просто скучны:

Ничего не происходит.
Ничего не происходит.
(«Ни малейшего намека…»)

Пространные причитания лирической героини Марковой отличаются ложной поэтизацией, сплетающей в пестрый венок и «мертвенных сестер», и «цветные швы», и «рисунок мертвой головы», и, конечно же, «невидимые сети», раскинутые в таком же таинственном пространстве: «Это где-то совсем нигде».

Такое впечатление, что все эти образы то ли вышли из сна, то ли созданы во сне, не приходя в сознание (слово «сон» - одно из любимых у поэтессы). Если лирическая героиня Марковой не проснется, то может сбыться и вот это ее предсказание:

Который день, второй?.. За шум благодарю я,
Ложусь в свою постель, как в белую листву,
Голубку сна легко и бережно целую
И по реке времен в забвение плыву.

Ната Сучкова, «прославившаяся» в свое время публикацией следующих стихов:

Я думала, их уже не существует,
но вот они здесь — салют! —
берёзы, в которых девчонки курят,
в которых мальчишки пьют.
Такие же тонкие, с белою кожей —
тычинки и волоски,
берёзы, в которые тыкали ножик
и вдруг обнимали с тоски.
Свидетели бурных районных разборок —
нередких, увы, по пьяни,
свидетели громких ночных разговоров
и нюханий всякой дряни.
И если здесь что-нибудь с ними сравнится,

то только — приятель, дай пять! —
кусты, куда девочки бегают писать
и ходят мальчишки ссать.

- и в альманахе продолжает ту же линию. Правда, в первых двух стихотворениях у автора слышны явные интонации Бродского, но без глубины, свойственной знаменитому поэту. Рассуждения о смерти не имеют метафизического контекста, преобладает бытовой:

Хорошо да сладко спати, не бояся мертвых,
В старом бабкином халате, на грудях протертом.

В стихах Сучковой много неточных рифм, говорящих о поэтической неряшливости: «тянут – встану», «порядок – грядки», «облезли – балбеса», «наглядно – непорядок», «страна – Маршака», неопрятной лексики: «младой дебил», «пой, дурдом», даже целых строф, сотканных из странных ассоциаций («На башенном кране написано «РЖЕВ…»).

Лексике подростковой шпаны соответствует и поведение: герои стихотворений Сучковой постоянно курят («Родопи», «Волгобалт»), дурачатся, кривляются, ругаются («скотина-Вася!») и даже сквернословят: «Что тут, ёпта, такое?!»

Елена Титова в статье о современной поэзии Вологодчины (стр. 421 альманаха) данный социальный слой называет «пацанской богемой» (?) и видит в этих поэтических высказываниях позицию «современного молодого человека, отрицающего любые крайности бытия, пристально всматривающегося в негероическую повседневность и в ней обретающего опору мировосприятия». - ???

Реализм в поэзии Ната Сучкова воспринимает однобоко, но беда даже не в ее искаженном понимании, а в том, что такими текстами будет портиться вкус молодых читателей (альманах предлагают распространять в школах!).

Андрей Таюшев в своих стихах подхватывает эстафету у Сучковой: «Императрица Анна от скуки (сука!) схватив ружье…» Свою поэтическую книгу 2015 года он назвал «Об Пушкина» - поразительная глухота к слову…

Словесная глухота свойственна и стихотворениям Павла Тимофеева: «Харю хмурю, черный чай цежу сквозь зубы…», «Да луна в окошко пялится, как дура…», «У двух шкафов любовь была – такие вот дела…» Стихотворения для детей – из того же ряда:

Распрекрасная картина!
Расписная благодать!
Очень круто, что Полина
Так умеет колдовать!

Действительно «круто», ничего не скажешь…

Ну, и наконец, строки из стихотворений Галины Макаровой, которые так и просятся в пародии покойного ныне Александра Иванова. Без комментариев…

Прощай, инерция,
Паденье градуса!
Просила сердце я:
Давай жить радостно.

Я хожу сюда не за букетами –
Пробую осмыслить злобу дня.
Здесь одна я с батюшками светами –
Ветру, птицам, камушкам родня.

На овсяную кашку
Налегаю с утра.
Жизнь моя замарашка,
Ты глупа и мудра.

Не надо мне ни шляпки, ни модного платья –
Могла бы лишь вволю бумагу марать я!

Выдающийся современный критик и литературовед Игорь Золотусский пишет: «… Если кто-то идёт, видя за собой пустоту, тот и придёт в ту же самую пустоту. И это уже трагедия современной культуры и литературы. Но мне жаль и читателя. Грязь способна прилипать к одежде, от грязи зарождаются воспаления и инфекции, и, умножая грязь, мы умножаем болезни. Литература ужасно заразительна. Она в состоянии во сто крат увеличивать то, что берет из жизни. Мат на улице, мат на заборах, теперь мат в романах и повестях — это гибель языка, это гибель почитания предков. Мне скажут: такова жизнь. Но литература не должна сталкивать человека в яму. Поэт не могильщик, он поэт… …Действительно, когда я прочёл три десятка книг авторов, я вам назову их, современных писателей, награждённых всяческими премиями, и блещущих на западных книжных ярмарках, то я увидел, что никакого духовного запаса для пути к идеальному там нет. А самое главное, что меня больше всего оскорбило — там нет совершенно любви. Я нашёл там, пожалуй, одно сильное проявление чувств: это постоянно воспроизводящаяся, жалящая и убивающая ирония. Вот основной мотив декаданса конца двадцатого века и начала двадцать первого. Когда начинаешь по листочку собирать эту литературу, то видишь, что она вся заимствована и вторична, именно потому, что от земли, от жизни, от природы, от переживаний, от сердца ничего в неё не идёт. Все идёт из этих мертвых резервуаров, когда надо уничтожать, когда надо глумиться, тут и талант появляется. А когда надо восхищаться, преклонять колени, любить — таланта нет». (http://www.rospisatel.ru/zolotusskii.htm).

Добавить к этим словам нечего. Критик поставил убийственный диагноз не только столичной либеральной литературе, но и подражающей ей провинциальной. За разговорами об «альтернативной» вологодской прозе и поэзии на самом деле скрывается творческая беспомощность, эпигонство и откровенная графомания.

4.4. В отсутствие корысти и пошлости

Герой не только в современной прозе, но и в жизни — честный человек, правдоискатель, еще не уставший бороться за справедливость. В Вологодской области проводятся два всероссийских конкурса прозы: имени Василия Ивановича Белова «Все впереди» и имени Василия Макаровича Шукшина «Светлые души», выходит журнал «Вологодский лад», газета «Вологодский литератор». К нам поступают тысячи рукописей не только из России, но и из-за рубежа: Казахстана, Украины, Белоруссии, из Соединенных Штатов, Канады. Они разные по качеству, но сюжеты, в большинстве случаев, связаны с одной темой: попыткой выжить в предлагаемых обстоятельствах. Люди бьются головой о стену, пытаясь достучаться до власти, — точь-в-точь, как в давнем очерке Александра Яшина «Вологодская свадьба»: «Знают ли там верхние, что здесь творится?» Но тогда колхозники и Яшин спустя два года после публикации очерка были услышаны, нынешние «верхние» и слушать не хотят. Ведь ни одного референдума не провели за эти двадцать с лишним лет. И ко мне подходят в районах, говорят: «Вы там, в Москве,

скажите, куда это власть-то смотрит?..» А кому я скажу?.. А если обращаются к власти напрямую, как, например, в рассказе Елены Родченковой «Дом дуры» (он опубликован в «Вологодском литераторе»), то ничего хорошего не происходит — посмотрите финал рассказа.

Мы говорим о частностях, но давайте посмотрим, сумели ли сами литераторы изменить собственную судьбу? Закона о творческих организациях нет, встреча литераторов с Путиным не дала результатов, писатель как был бесправным и нищим, таким и остался. Кому-нибудь удалось приспособиться к рыночной экономике, кроме деятелей литературного шоу-бизнеса, вроде Марининой и грантоедов? Никому. Говорят, писатели сами виноваты? Но тогда сами виноваты и учителя, врачи, преподаватели вузов, ученые, — правы только олигархи. Понятно, что идеология у нас разная, но есть еще одно обстоятельство, наводящее на грустные размышления — это кадровая политика.

В советское время Вологодская писательская организация гремела на весь Союз, и одной из причин был профессионализм власти. Первый секретарь обкома Дрыгин прекрасно знал современную литературу, обеспечил квартирами всех без исключения вологодских литераторов, а Виктору Астафьеву, приехавшему в Вологду в 1969 году, отдал свою новую квартиру, сам остался жить в старой. Виктор Коротаев с воодушевлением рассказывал, что ему, холостяку, только что вступившему в Союз писателей, на следующий день дали ключи от однокомнатной квартиры в центре Вологды. Кстати, Николаю Рубцову тоже дали однокомнатную квартиру в центре Вологды после вступления в Союз.

А что произошло после 1991 года? Сплошной позор. Назначенный Ельциным губернатор Подгорнов оказался первым в истории главой региона со средним образованием, через некоторое время сел в тюрьму. Нынешний губернатор Кувшинников тут же закрыл областную юношескую библиотеку.

И так по всей вертикали: первый «российский» мэр Вологды Якуничев на наше предложение установить на здании гостиницы, где трижды останавливался Сергей Есенин в 1916-1917 годах, памятную доску, сделал круглые глаза: «А кто такой Есенин?»

У нас есть талантливейшие выпускники в Вологодском университете. Несмотря на то, что на первый курс приходят студенты, все менее и менее подготовленные в школах, они очень быстро растут в вузе. Очень много талантливых ребят, девушек — во время защиты дипломов представитель департамента восхищался, всем ставил «пятерки», но на работу никого не взял. В цене сегодня, к сожалению, не профессионализм, а какие-то другие качества.

В народе говорят: «Родину мы любим, а вот государство…» Конечно, как можно любить государство, допустим, врачу или преподавателю (зарплата, например, молодого преподавателя Вологодского университета в два раза меньше, чем у уборщицы в моем многоквартирном доме)?! Государство, которое пока не определилось само, что ему нужно, сторонящееся от насущных народных проблем, закосневшее в своем представлении о жизни, далеком от реальности, вряд ли будет популярным у народа. Рано или поздно придется эту политику менять…

В прошедших десятилетиях Вологодская писательская организация трудилась, как и прежде, по мере своих сил. Были не однажды проведены Всероссийские конкурсы прозы, писатели-вологжане встречались с читателями, участвовали в фестивалях, чтениях, литературных вечерах, работали с творческой молодежью, получали награды,

становились лауреатами различных премий. Выходили журнал, писательская газета, альманахи, книги, появлялись публикации в центральных изданиях.

Что запомнилось?..

В прозе - огромное эпическое полотно Василия Ивановича Белова о коллективизации, полностью завершенное в 2002 году, исторический роман Ивана Полуянова «Самозванцы», проза Станислава Мишнева о современной деревне, книга Александра Цыганова «Вологодский конвой». Кстати, Цыганов в рассказе «Таланиха» задолго до Кондопоги, Манежной площади и Сагры развеял миф о неспособности к самоорганизации и самозащите русского народа.

В поэзии - певучие, многоголосные и одновременно остропублицистические стихотворения Ольги Фокиной, любовная лирика Нины Груздевой и Татьяны Бычковой. Прошу прощения у тех, кого не упомянул – мы все занимаемся творчеством не из-за денег, а по зову сердца.

Мы не ссоримся из-за собственности – ее у нас просто нет.

Да, мы иногда спорим о дальнейшем пути организации, у нас есть свои беды, но *что* они по сравнению с нашей общей бедой?

Главное, что мы - единомышленники.

Критик Вячеслав Белков написал незадолго до смерти: «Мы считаем, что мы делаем важное дело. Мы за сильную, великую Россию! За то, чтобы в нашей стране люди продолжали творить и читать. За то, чтобы Правительство и Президент служили народу, а не кучке ожиревших наглецов. Чтобы убрать из политики и бизнеса всех предателей России…»

Прозаик Станислав Мишнев в своих книгах воспроизводит голос народа: «Реформы все идут и идут. И когда они кончатся, и начнется нормальная жизнь?» «Наш народ попал в какой-то унизительный вакуум, мне кажется, мы не верим ни нашим правителям, ни в Русь, мы возвращаемся в чащу, в разноголосое чтение…» «Чувствуется, что зреет нарыв…»

Поэтесса Инга Чурбанова делится своими предчувствиями:

Я живу, как больная страна
Накануне второго рождения.

Лирик Александр Пошехонов задает вопрос: «Где бы отыскать силу надежную, чтобы повыбить гадов ползучих с тела твоего раз и навсегда?!.. Где же то время и те герои, способные сотворить такие подвиги?... И сам же на него отвечает:

Бунтарский дух покоя не дает,
Бунтарский дух тревожит сердца раны,
Он песни революции поет
И жаждет правды в мире окаянном.

Когда же наступит предел? Покойный Иван Полуянов разъяснял: «Только когда подойдем к самому краю».

11 декабря 2010- го «нулевые» годы нового века закончились. Рухнули последние упования на «доброго царя» Путина. «Кровавая суббота» на Манежной положила конец иллюзиям, навеянным бесконечными обещаниями. Всего лишь за один день народ преобразился и стал другим. Теперь он понял окончательно: власть надо менять!

Задачи, которые стоят перед нами, ясны:

1. Вернуть власть народу, точнее, его законным представителям.

2. Вернуть украденную у народа государственную собственность, которой он опосредованно владел несколько десятилетий (хотя олигархи и чиновничья мафия просто так, без крови, ни деньги, ни власть не отдадут).
3. Вернуть единство советской и русской истории.

Понятно, что это цели легальной и нелегальной оппозиции. Писатели, - за редким исключением, - слабые политики и никудышные предприниматели. Наши задачи иные: во-первых, разоблачать ложь; во-вторых, взращивать идеологию; в третьих, сочинять произведения, достойные нового времени, воссоздавать художественные типы, уже действующие в народе, писать стихи, которые будут его вдохновлять.

О второй задаче надо сказать отдельно.

Власть не желает и не может сформулировать национальную идеологию. Философия, социология и политология просто не могут ее решить. Церковь, за исключением отдельных иерархов, священников и мирян, не смеет пока открыто говорить, а главное, требовать что-либо от наших якобы православных лидеров.

В этих условиях в войне мировоззрений (Василий Белов называл ее третьей Отечественной) передовые позиции пришлось занимать русским писателям, так как русскоязычные литераторы в своем большинстве поддерживают либерализм, ведущий нацию в тупик.

Мы все еще боимся признаться открыто в том что, отказавшись от идеи справедливости, совершили ошибку. В народе об этом говорят уже лет двадцать, интеллигенция же никак не может разглядеть очевидное: капитализм так же, как и 100 лет назад, практически во всех сферах, за исключением торговли, показал свою неэффективность и неспособность к творчеству. В соревновании с советским прошлым он безнадежно и окончательно проиграл.

Новую идеологию можно назвать православным социализмом (кстати, Федор Достоевский в последней главе «Дневника писателя» сделал вывод: нам больше подходит христианский социализм), можно окрестить государственным капитализмом, можно хоть груздем, лишь бы в кузов влезал.

Вроде бы видится и мнится: за горизонтом поднимается и вырастает самостоятельное, сильное и национально ориентированное государство, сберегающее народ под духовным водительством церкви. А пока можно сказать лишь сакраментальное: судьба стучится в наши двери. Неотступно преследует предчувствие: легкий миг – и все рухнет. Рак на горе все-таки свистнет и явится ОНО. Что это будет?.. Может, закончатся нефть, газ, вода, еда? Может, деньги превратятся в бумагу, а вся экономика станет ужас как экономной и кладбищенски тихой? Или, - что страшнее всего, - Россия опять умоется кровью?

Если мы не встрепенемся, не очнемся, не выздоровеем, не взорвем стену, о которую бьемся, не совершим нечто невозможное – болезнь погубит нас.

В гулком коридоре истории раздаются громоподобные удары. Слышишь, как приближаются шаги командора? Слышишь стук? Неужели не слышишь?..

4.5. Гражданская лирика Ольги Фокиной

Какой должна быть сейчас русская поэзия? – Такой, какой была во все времена: способной «глаголом жечь сердца людей».

Патриотическую лирику начала XX1 века называют "поэзией русского сопротивления". О каком сопротивлении и противодействии идет речь? – Прежде всего, о сопротивлении потребительскому безумию в ущерб духовности, о разоблачении лжи в условиях информационного вакуума: «Не смиряться перед злом» (Н. Карташева) (3).

Более удобное, привычное ее название - гражданская лирика. Давно знакомы и ее стилевые приметы: публицистичность, пафос, ораторские, обличительные интонации. Блестящие образцы такой лирики дали в Х1Х веке Г. Державин, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев и др. В веке ХХ с обличением дело обстояло сложнее, выступление против власти заканчивалось чаще всего плачевно, достаточно вспомнить судьбу А. Ганина. Нынешнее состояние общества также не вызывает оптимизма. "Нам навязали дилемму, – пишет Г. Горбовский, - жить или не жить нам в этом мире, на нашей земле, в России. Мы в преддверии страшной возможности гибели всего русского, национального, вековечного на этой земле" (2). "Гражданственная" лирика – это своеобразная поэтическая реакция на затянувшиеся реформы, в большей степени разрушительные, чем созидательные. Спектр ее широк: от умеренных (В. Костров, Н. Рачков, В. Смирнов, А. Шиненков) до радикальных авторов (М. Струкова, В. Хатюшин). В этом ряду Ольга Фокина занимает далеко не последнее место.

Певучие, многоголосные и одновременно остропублицистические стихотворения Ольги Фокиной противостоят жадной, тупой и наглой олигархической власти, которая почему-то называет себя элитой (вероятно, из-за социал-дарвинистских убеждений).

Это противостояние неизбежно, потому что они отличаются от нас, потому что они – иные:

С волками жить
По-волчьи – не желаю.
(«Я – человек») (10, С. 161).

«Патриотизм - слово святое, ибо этим словом прославляется верность Родине. Измена же осуждена еще в раю», - пишет иеромонах Роман (5). Поэзия Ольги Фокиной в самом высшем смысле - поэзия патриотическая:

…Иди, Америка, иди,
Бесись и сатаней!
А мы останемся людьми
На родине своей.
(«За то, что смела и смогла…») (10, С. 150).

Народ наш никому не нужен, власть и бизнес живет «по понятиям», у населения за все эти окаянные годы ни разу не удосужились спросить, чего же он хочет (не провели ни одного референдума!), небезосновательно полагая, каков будет ответ…

В стране нет единства народа и «верхов», потому что нет подлинной национальной власти. Наши руководители не верят в народ, не слышат его голоса, опасаются любых его самостоятельных движений. Власть панически боится собственного народа, потому что ни духовно, ни кровно, ни идейно никак с ним не связана:

Мстят нам за Сталина, мстят нам за Ленина,
Мстят нам за майский Победный Салют.
(«Спи-ко усни, государыня-барыня…») (9, С. 382).

Епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим (Волочков) в своей гражданской проповеди дает нелицеприятную оценку демократии в России: «Современная демократия является ничем иным, как политическим механизмом уничтожения российского народа» (6).

Рубеж веков оказался для поэтессы самым сложным и в жизненном, и в творческом отношении. В журнальных публикациях палитра чувств порой ограничивалась только двумя эмоциональными красками: возмущением и растерянностью. Раскол в обществе Фокина сравнивала с ледоходом:

На льдине, на льдинке
Похвально - отдельно
Плывем поодинке,
Поврозь, неартельно.
Несет нас, качает
Под воплями чаек,
Не чуем, не чаем,
Куда мы причалим...
(«Мир зыбок и грозен…») (9, С. 399).

Действительно, мы и сейчас живем меж двух берегов: с одной стороны – советское прошлое, посередине – бурное течение современности, а с другого краю – туманное будущее. И плыть нам неизвестно куда, и вряд ли мы пристанем к какому-либо берегу. Такая, видно, судьба:

Не прокляни того, что пройдено,
Благословясь на новый путь.
(«Цвела – звенела пионерами…») (10, С. 182).

В неизбежности и цикличности природных и социальных явлений Фокина видит положительное начало, но не снимает ни с других, ни с себя личной ответственности: "Не слышим, не внемлем: Мы любим - не землю." Очищение и преображение души даже в самые катастрофические и позорные годы (а может, именно поэтому!) - вот, пожалуй, наиболее плодотворная лирическая тема поэтессы.

В небольшом предисловии к сборнику «Разнобережье» (1998) Фокина отмечает: «Эти стихи… - попытка засвидетельствовать мгновение времени с верой в безоговорочно мудрое и утешительное: «Пройдет и это…» (8,С. 3)…

Луг да поле. Роща да дубрава.
Царь да Стенька. Церковь да кабак.
Воля Волги. Крепость – твердь Урала.
Умница – Иван-дурак!
Радость – в песенной печали.
Горечь – в пляске удалой…
Как бы где тебя ни величали –
Русь останется собой! (9, С. 426).

В поэзии О. Фокиной видны темы и мотивы, общие для всей русской поэзии: темы земли и судьбы России, мотив «умирания» деревни, периодическое возвращение в нее; мотив сиротства (у Фокиной он связан с личными жизненными коллизиями). Важное место в ее творчестве занимает образ матери.

Обращение к русскому фольклору, ориентация на народное мировоззрение, в основе своей крестьянское - тоже признаки народности и гражданственности. Как, впрочем, и общий полемический подтекст ее лирики, перешедший в открытую публицистичность…

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие –
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
Храни огонь родного очага! (9, С. 366).

Ольга Фокина понимает свое служение как пророческое, не имеющее ничего общего с гаданием или предсказанием будущего. Это ощущение, предчувствие, но, как мы знаем из истории литературы, весьма часто сбывающееся в жизни. Поэты прозорливее политиков и философов.

Лирики патриотического направления опережают мыслителей и в традиционном поиске русской идеи, национальной идеологии. Для Фокиной идеологические опоры в этой жизни постоянны и непререкаемы. Это, во-первых, православная вера. Во-вторых, идея справедливости (отсюда неприятие антисоветизма, «ностальгия по любви» (Г. Горбовский) и, в-третьих, необходимость русского национального освобождения.

Поэзия Фокиной не говорит, а кричит: давний раскол между народом и властью приобрел катастрофический характер. Ее лирика переполнена предвосхищением национально-освободительной борьбы по возвращению народу власти, собственности и исторической преемственности:

В предстоящем, сурово-туманном,
Я предчувствую: только толкни! –
Пол - России уйдет в «партизаны»,
Кой – чему научась у Чечни.

(«Не однаки, однако, народы!..») (10, С. 152).

Псевдоинтеллигенция не способна расстаться с давним мировоззренческим штампом: социалистическая идеология и экономика нераздельны. Да не было никакой социалистической (а тем более коммунистической) идеологии уже с конца 60-х годов! Только на бумаге в целости и сохранности оставались догмы, доживали свое ритуалы прошлого, а в действительности русские семьи, - либо сознательно, либо по традиции, - всегда жили по христианским, пусть и сильно покореженным законам равенства всех перед Богом и справедливости в православном ее понимании.

Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Кирилл считает, что советский народ оставался религиозным, сохраняя христианские нравственные ценности: «Если говорить о коммунистической идее, то, по крайней мере, в нашем российском изложении, в нашей национальной интерпретации эта идея заимствовала христианскую этику» (4).

Социализм рухнул в том числе из-за несовместимости официальных и народных представлений о смысле жизни (слово «коммунизм» тогда вызывало смех). Точно так же развалится и «капитализм» российского розлива (правда, сейчас нам совсем не смешно).

Несложно предугадать, по какому пути пойдет Россия в будущем: по пути возврата к национально-государственной идеологии, преимущественно государственному производству, регулированию и контролю. Можно назвать этот путь православным социализмом, можно – государственным капитализмом. Дело не в терминах. Либо мы исчезнем с политической карты мира, либо власть станет служить Богу и Отечеству, а не золотому тельцу. Однако, прежде чем это случится в действительности, мировоззренческая революция должна свершиться в наших головах:

Пролетарии всех стран, а Ленин прав был:
Вам его придется заново открыть!

(«Капиталии всех стран, соединяйтесь!..») (9, С. 386).

Чем внимательнее вглядываешься в прошлое, тем отчетливее осознаешь, что мы, воспитанные, по словам Бердяева, в «теплоте коллектива», изначально не были готовы к личной жертве, не смогли сказать «нет!» Горбачеву, терпели Ельцина, Путина, умудрились проголосовать даже за Медведева!

Пассионарии были и будут всегда. Одни шли в 1993-м на баррикады Белого Дома, другие готовили военный переворот, третьи пытались разложить власть изнутри.

Народ же все чего-то ждал и ждет до сих пор.

Он, - в миллионных своих долях, - не может поверить, что этот ужас навсегда.

А таковым он и останется и окажется еще свирепее, если мы не будем готовы отдать свои жизни в схватке с дьяволом.

Революция не за горами, она не может быть плохой или хорошей, как не может быть плохим или хорошим землетрясение.

Необходимо внутреннее и внешнее преображение. Надо преодолеть, наконец, наш советский инфантилизм!

Мы почему-то стесняемся взять свое: землю, недра, власть (а они не стесняются!).

Мы боимся отделиться от Кавказа из-за пресловутого сепаратизма, а Кавказ не побоялся отделиться от нас (фактически, а не на бумаге) и берет огромную дань.

Мы страшимся, как огня, даже самой мысли о Гражданской войне, а она уже давным-давно идет (в холодном пока варианте) и оставляет после себя горы трупов…

Возродить жизнь в народе может только воля, характер, действие.

Нынешняя верхушка пришла к власти незаконным путем (1993 год):

Ты – каменный. Тебя не повернуть.
Не увильнуть тебе, не увернуться.
Тебя в упор расстреливали, в грудь.
Ты почернел. Часы твои не бьются.

Зловеща, Белый Дом, твоя судьба:
Как снова брат не порадел о брате!
Завидуя упрятанным в гроба,
Стой – памятником нашим «демократиям».

(Белому Дому России) (9, С. 406).

В 1993-м танковые орудия били не по Белому дому, а по России, по русским людям.

За нами остался ответный выстрел…

4.6. «Я СОБЕРУ СВОЕ ВРЕМЯ…» Встреча со стихами Татьяны Бычковой

Сергей Есенин заметил однажды, что поэт не должен быть скромным. Конечно, речь не о человеке, а о поэтической его сути, но и о личности тоже. Стихотворцев много, особенно в России, а как предъявить миру поэта? Можно дерзко пойти на эпатаж, но если нет таланта, разноцветный пузырь лопнет почти сразу.

А если талант есть, но нет решительности, смелости, уверенности в себе?.. Тогда на помощь приходит кто-то другой.

Татьяна Бычкова – необыкновенно талантливый, но излишне скромный человек. Много лет мы буквально выцарапывали для публикации ее поэтические подборки.

Рекомендации в Союз писателей России были даны мгновенно, что для вологодского его отделения – большая редкость, но прошла уйма времени, прежде чем Татьяна стала

полноправным членом Союза. Но и теперь добиться от нее разрешения на издание стихотворений – целая история. А ведь ее стихи – настоящая драгоценность, несмотря на авторское признание:

Я совсем не умею писать стихи.
По-моему, они пишут себя сами.

В 90-е годы Татьяна Бычкова, вероятно, еще не осознавала, что ее талант не лирический, а лиро-эпический. Отсутствие лирического сюжета приводило к тому, что ее стихотворения, не скрепленные логически выстроенной образной цепочкой, рассыпались. Отдельные удачи объяснялись как раз тем, что в них был сюжет, цементирующий аморфное лирическое начало.

В новом тысячелетии все изменилось. В стихотворении «Гуляя по зимнему саду...» скупо, но точно обрисованы характеры, монолог лирической героини постепенно переходит в диалог с «героем ее романа», и самое главное — заметен жест, раскрывающий невидимое душевное движение. Ее «Стих о любви» целиком построен на антропоморфизме, но и он не статичен, а удачно «обыгран» поэтессой. О лиро-эпических способностях Т. Бычковой говорит и следующий факт: сквозь ее лиризм зачастую пробивается ирония, чаще всего выраженная в неожиданных деталях и эпитетах: «Там зеленые заборы Глухо кашляют во сне. И задумчивые воры Тихо лезут по стене». Поэтесса способна говорить и высоким «штилем», и разговорным слогом, вести диалог, передавая чужую речь. Ее поэзия, отличающаяся «размашистостью» композиции и потенциальной сюжетностью, так и просится в «широкую раму», тем более что ее лучшие рапсодии (т. е. «сшитые песни») сотканы из зримого образного ряда:

Глиняный полдень. В кувшинах — густое вино.
Завтрак из белого хлеба и белого сыра.
Нечто подобное было когда-то давно —
Там, на заре сотворения мира.
Греция... Грузия... Синь вдохновенных небес.
Солнце. Полуденный отдых. Эллада... Колхида...
Медленных волн набегающий шорох и плеск...
Черная книга — «Трагедии» Еврипида.

Поэзия Татьяны Бычковой неотделима от нашей темной и тревожной эпохи, но внешние ее приметы почти не видны. Тем не менее, оригинальный поэтический мир Бычковой живет во времени и пространстве полнокровной и вольной жизнью. Ключевое слово здесь – время:

Время рисует на лицах, рисует на лицах…

Многомерное время течет ниоткуда…

Я соберу свое время в ладонь по крохе…

Время созрело и падает,
Как спелые груши в саду…

Ее рифмованные строки и белые стихи одухотворены высоким смыслом бытия, и авторская уединенность, вероятно, способствует подобному вдохновению, однако живая

жизнь дает о себе знать, и в классический строй ее поэзии вдруг неожиданно вторгается страшная действительность:

Я взорвалась на последней мине
И брызнула в стороны, как дождь вчерашний.

Стихотворения Татьяны Бычковой почти невозможно распределить по темам, ибо главная ее тема – сама наша человеческая жизнь, яркая, стремительная и одновременно бесконечная:

Я соберу свое время в ладонь по крохе
И рассыплю его, как корм, птицам небесным.
Я не могу сказать, что хорошо и что плохо,
Кажется все, что есть, сухим и пресным.
Не остудить это земное пламя,
Не отсудить у вечности миг ушедший.
Все исчезает, даже любовь и память.
Все остается… Помни… Люби… Вечно…

С удовольствием и надеждой рекомендую всем любителям изящной и подлинной поэзии стихотворения Татьяны Бычковой.

4.7. Счастливая проза Александра Ломковского

Максим Горький однажды посетовал: русская проза говорит о страданиях да несчастьях, никто из писателей еще не рассказал о том, как он «всю жизнь радовался»…Кажется, такой писатель нашелся. Живет он в Вологде. И зовут его Александр Ломковский.

Проза А. Ломковского (Ломковский А.В. Два костра. Рассказы и повесть. – Вологда, 2008; Я – Абакшин! Повесть. – Вологда, 2008; Новый день. Рассказы // Лад вологодский. – 2009. - № 4; Реки. Повесть. – Вологда, 2010) отличается психологической достоверностью и музыкальностью. Он может выстраивать диалоги, рисовать портреты героев, удачно формирует фабульную основу. Но все это – приложение к самой главной способности молодого писателя: умению создавать особую лирическую атмосферу в тексте.

Великолепен стиль изложения в рассказе «Хорошее настроение» - автор не наблюдает, он *видит* природу всей своей душой. Он испытывает умиротворение, благостность, даже ликование – редкие для современной прозы чувства. Может показаться, что Ломковский не знает жизни, самоустранился от ее проблем, однако это далеко не так. Автор прошел длинный путь испытаний, поисков, потрясений и удач. Он работал электриком, стропальщиком, бетонщиком, резчиком по дереву, санитаром в психлечебнице, механиком, электромонтажником, охранником. Рассказ «Моя война», например, посвящен войне в Чечне, он весьма и весьма жесткий и реалистичный. Все это добавляет подлинности и полновесности его романтически окрашенной прозе.

Творческое восхождение Ломковского тоже не было гладким: начинал он со стихов, но потом перешел на прозу, публиковался в местных и центральных изданиях. Трижды Ломковский участвовал в семинарах молодых писателей Вологодчины, в 2008 году стал лауреатом первого Всероссийского конкурса современной прозы имени В.И. Белова «Все

впереди» и только после этого был принят в Союз писателей России. За последние два-три года он значительно вырос как прозаик.
Владимир Личутин в предисловии к первой книге Ломковского «Два костра» сказал о важном качестве его прозы: «Рассказы писателя целостны и религиозны не внешним пафосом, но глубинной заповедальностью, верностью национальным идеалам».
Ощущение, настроение – ключевые слова этой книги. Центральный рассказ «Два костра» - лирический, душевный по интонации, живописный по исполнению и очень музыкальный, но слишком сентиментальный. Сборник, тем не менее, отличается разнообразием тем и сюжетов. В нем можно найти не только «вариации на тему любви», но и рассказ-характер («Венькины сны»), рассказ-судьбу («Леший»). Шукшинская терминология здесь вполне уместна, так как Ломковский сознательно ориентируется на классические образцы русской прозы.
Мы и наши дети страдальчески отлучены от веры, надежды, но более всего – от любви. Кто, кроме нас самих, тут виноват? Повесть Александра Ломковского «Я – Абакшин!» свидетельствует именно об этом нашем грехе, в котором человеку особенно трудно признаться. Подросток Абакшин уходит от родного отца и мачехи, потому что не чувствует душевного тепла и заботы.
Повесть «Реки» рассказывает о становлении мужского характера, о первой любви пятнадцатилетнего героя с редкой фамилией Река. Тема и сюжет характерны для начинающего прозаика, но читается она с интересом, Ломковский сумел передать аромат эпохи, воссоздать «голос времени» начала 80-х годов.
А вот его повесть «Все дороги» - явная неудача, она представляет собой бессюжетное собрание детских воспоминаний.
В рассказе «Новый день» изображен вроде бы обычный летний утренний пейзаж. Но и само название, и символическая картина восходящего солнца, которому мешают «тяжелые мохнатые тучи и холодный ветер», помогают разглядеть на этом словесном полотне художественное воплощение задушевной авторской и одновременно выстраданной народом мысли о неизбежном поражении сил зла:
«И вот появляется, наконец, солнце. Тяжелый, малиново рдеющий огненный шар. Кажется, что сегодня солнце раздвигает своим горбом кисель туч и сжигает их, тучи, своим появлением. Вот уже темно-синее до этого момента брюхо одной из них загорается победным, все очищающим огнем. Кажется, что туча начинает съеживаться и худеть от этого огня. По крайней мере, мне хочется так думать. То же самое происходит и со всеми остальными тучами над лесом. Приятно, что новый день начинается с победы солнца. Я поднимаюсь и медленно иду в деревню. Мне хорошо».
Главный герой рассказа «Сын» Кузьмич говорит об этом же, но по-своему, не менее убедительно и победно:
«А непошта и помирать собрался. Поживем ишшо! Слышь, Серко? Поживе-ом!..»

4.8. В начале пути

В 2016 году в Вологде у Николая Дегтерёва вышла первая поэтическая книга “Часовой мастер” (*Дегтерёв Н.А. Часовой мастер: стихотворения/ Николай Дегтерёв; (ред. Карачев М.И.) – Вологда: ПОЛИГРАФИСТ, 2016. – 62 с. – (Вологда. XX1 век).* Лучшими в ней, на наш взгляд, стали стихи “Да, я мальчиком мечтал о славе…”, “Что говорить, встречались, разошлись…”, ” Мой друг, мне снится иногда…”, “Нету сил. Опускаются руки…”, ” Наваливалась тишина…” Особенно удачными являются стихотворения, в которых присутствует живое лирическое чувство:

Нету сил. Опускаются руки.

Но держись, моя радость, держись,

Эти слёзы, обиды и муки –

Это всё называется жизнь.

Мы учились не этому зренью,

А достоинству, воле, борьбе,

И совсем не учились терпенью –

Слишком сложно – и мне, и тебе.

Ничего, что мы это не знаем –

Наверстаем, изучим, поймём,

Книгу жизни ещё полистаем

И параграф искомый найдём,

Посидим над учебником этим,

Мудрость каждого зная листа,

Как послушные малые дети

На уроке Иисуса Христа.

(“Жизнь”)

Николай Дегтерёв идет трудной дорогой духовного постижения мира, его лирический герой ведёт разговор с читателем в присутствии Бога:

Там, где бьётся о берег прибой,

мы о многом молчали с тобой,

а потом говорили о многом

так же искренне, как перед Богом.

Сиротство и одиночество в таком контексте невозможны:

Я остался один, но всё же,

Как и прежде, я любящий сын.

Будь мне мамою, Матерь Божья,

Будь отцом мне, Господь един.

В поэзии молодого автора заметны традиционные рифмы, размеры, тропы, в то же время в ней звучит грозный голос современности:

“Соли нет!” – сказали в магазине.

Неужели вправду соли нет?

В деревенском старом магазине

Я купил для сына пистолет.

Есть в лирике Н. Дегтерёва и неожиданные, запоминающиеся, хотя и рискованные, образы: “А из коляски глядят на меня Глаза моего отца”, “онкологическая зима”, “там рельсы дрожат от гуда высокой травы”. Из стихотворений необходимо убирать личные приметы, которые ничего не говорят читателю:

Аккуратно стих пишу в тетрадь,

Хочется бумагу помарать

И ещё взглянуть издалека

На ШРГС, на облака…

Надо избегать и стихотворной публицистики (то, что можно написать прозой), например, в таком тексте, как “Мне тут пригрезилось спросонья ли?..”

В лирике Н. Дегтерёва слишком много глагольных рифм: “молчать – стоять”, “жалеть – стереть”, “трещат – стоят”, ” молчит – сидит” и других. Пользоваться такой рифмой можно только в крайних случаях.

Сергей Есенин раскрыл однажды секрет музыкальности своих стихотворений, их “лёгкого дыхания” – он заметил, что в народной поэзии всё строится на “певческих” *гласных*, которые соединяют слова в стихе: ” Н**е** жале**ю**, н**е** зов**у**, н**е** плач**у**…” У Дегтерёва можно заметить тяжеловесность *согласных* “стыков”: “И мрачен, **как** сторо**ж** **с**реди зимы…” Если не получается “петь”, то тогда надо смелее использовать аллитерации, а также внутренние рифмы.

Николай Дегтерёв находится в начале пути к поэтическим вершинам. Хочется надеяться, что его он пройдет без значительных потерь, неизбежных в литературном деле. Отрадно, что начинающий автор не чурается критики, прислушивается к советам старших товарищей. Читательское внимание и любовь легко завоевать с первого раза, куда труднее удержать его во времени. Но с Божьей помощью, – а Дегтерёву это хорошо известно, – всё возможно.

ПО СЛЕДАМ РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОБРАНИЯ (Вместо заключения)

На этот сбор причастных к русской литературе граждан пришел Президент.

У нас принято ругать его на кухне и в сети, а при личной встрече – прятать глаза или дрожащим голосом просить… денег.

И то и другое противно.

Была надежда, что владеющие словом писатели сумеют объяснить главе государства, что мы идем ко дну, что неумелую команду и растерявшихся пассажиров надо спасать. Ведь совсем недавно Валентин Распутин заявил об этом прямо и бесстрашно: «Мы живем в оккупированной стране!»

Но надежда умерла первой.

Вячеслав Огрызко огрызнулся вослед: «Всё было умело отрежиссировано. Слово на встрече с Президентом получали заранее отобранные люди».

Это Валерий Ганичев – отобранный? Или Сергей Шаргунов, автор романа «1993»,– отобранный?

Владимир Бондаренко, огорченный холостым результатом встречи, пишет: «Российское литературное собрание обошлось полностью без современной русской литературы, её как бы и не было».

А кто виноват?

Что мешало Валерию Ганичеву сказать о самом главном?

Возраст?

Наш писательский вожак сделал доклад… об успехах Союза писателей России – ведущей, самой многочисленной писательской организации, взявшей под свое крыло 7,5 тысячи литераторов (бурные, продолжительные аплодисменты).

Возраст…

Старость, однако, не помешала, а наоборот, поспособствовала Александру Солженицыну, сходя в гроб, «благословить» наше родное правительство: «Нами правят предатели!»

Ганичев «не имел права ставить под удар организацию»?..

А еще он не имел права награждать Путина наспех придуманной премией за несколько дней до этого – опять же от имени «самой многочисленной» писательской организации, нищей, сирой и убогой, работающей «за бесплатно» уже много лет.

Кстати, о деньгах.

О «вспомоществовании» Президента попросил отнюдь не самый бедный Юрий Поляков, главный редактор «Литературной газеты»:

«На сегодняшний день у российских авторов нет законного права быть писателями и объединяться в союз. Раньше союзы имели свои типографии, издательства, могли этим зарабатывать деньги для страны и на свои нужды. Сейчас писатели не могут получить пенсию за свои труды. Сейчас нужны правовые нормы о творческих союзах и статусе творческого работника».

Ответ Владимира Путина «воодушевил» присутствующих: «Мы не сможем вернуть… способы материального поощрения для писателей».

Сергей Шаргунов (президент его дважды назвал Федей!) вместо заранее согласованной просьбы вдруг (или не вдруг?) залепетал что-то о Болотной, о лимоне для ОМОНА, о несчастных оппозиционерах…

Вот тут Путин сел на любимого конька и ответил! И началось! Точнее, началась.

Сага о лагерях, об утопленных священниках, об опереточной Украине…

Вот этого все СМИ и ждали.

Дождались, наконец.

О литературе теперь можно было и не вспоминать.

Нет, конечно, Владимир Владимирович – добрый президент, почти царь-батюшка, он сироткам литературным вручил подарки – в виде обещаний, как это у наших начальников принято.
Обещал объявить 2015-й годом литературы, вернуть экзамен по литературе в школу, создать Фонд поддержки драматургии, учредить Премию Президента РФ в области… детской литературы.
Обещанного, говорят, три года ждут.
Закона о творческих союзах мы ждали почти 20 лет.
Не дождались.
Ничего, еще лет тридцать подождем!..
А в это время под шумок закрывают Книжную палату, неэффективные ВУЗы, школы, библиотеки, да что там – сотни заводов! Продают все и вся оптом и в розницу, принимают законы, способствующие распродаже, а для тех, кто против – ужесточают наказания, например, по 282-й, так называемой «русской» статье. Лозунг «Русский, не пей!» признан экстремистским…
Тут уж не знаешь, плакать или смеяться.

По следам прошедшего якобы литературного собрания не хочется идти, да и невозможно – все разбрелись в разные стороны.
Что же нам остается?..
Позовем на помощь классиков – того же Михаила Лермонтова:

Печально я гляжу на наше поколенье…

А если без печали?
– Пожалуйста, Сергей Есенин:

Приемлю все,
Как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Лиру у нас точно не отнять.
Разве что вместе с жизнью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Глава первая. МЫСЛИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ВАДИМ КОЖИНОВ О СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов): Не надо обращать внимания на призывы к толерантному отношению к духовным сорнякам [Электронный ресурс] // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/10/04/arhimandrit_tihon_shevkunov_ne_nado_obrawat_vnimaniya_na_prizyvy_k_tolerantnomu_otnosheniyu_k_duhovnym_sornyakam/.
2. Дорин, А. Вадим Кожинов – выдающийся просветитель... И реальный политик [Электронный ресурс] / Александр Дорин // Союз писателей России: офиц. сайт. – Режим доступа: http://sp.voskres.ru/literature/kog.htm.
3. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Русская литература не должна утратить свой пророческий дар [Электронный ресурс] / Патриарх Кирилл // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://www.ruskline.ru/news_rl/2010/12/24/patriarh_kirill_russkaya_literatura_ne_dolzhna_utratit_svoj_prorocheskij_dar.
4. Кожинов, В. В. Размышления о русской литературе / В. В. Кожинов. – Москва: Современник, 1991. – 526 с.
5. Кожинов, В. В. Россия как цивилизация и культура / В. В. Кожинов // Наш современник. – 2000. – № 5, 7, 9.
6. Куняев, Ст. Поэзия. Судьба. Россия «За горизонтом старые друзья...» [Электронный ресурс] / Ст. Куняев // Наш современник. – 2002. – № 7. – Режим доступа: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=7&id=3.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: офиц. сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html.
8. Павлов, Ю. М. Критика XX – XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии / Ю. М. Павлов. – Москва: Литературная Россия, 2010. – 304 с.
9. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusbible.ru/sinodal/1kor.html.
10. Пушкин, А. С. О народности в литературе / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. – Москва; Ленинград, 1949.
11. Татаринов, А. Вадим Кожинов и Юрий Кузнецов: типология и взаимодействие авторских мифов [Электронный ресурс] / Алексей Татаринов // Хронос: всемирная история в интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/proekty/parus/tatrnv0111.php.
12. Через век: интервью с Вадимом Кожиновым [Электронный ресурс] // Хронос: всемирная история в интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/dor_kog.html.

ДВА ИДЕАЛА Библейские сюжеты в произведениях Ф.М. Достоевского

1. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. - Санкт-Петербург: "Академический проект", 1993 - 1995. Т. 1: 1821-1864 / сост. И. Д. Якубовича, Т. И. Орнатской. - 1993. - 543 с.: ил.

2. Свинцов, В. Достоевский и «отношения между полами» / Виталий Свинцов // Новый мир. – 1999. – № 5; Касаткина, Т. Как мы читаем русскую литературу: о сладострастии / Т. Касаткина // Новый мир. – 1999. - № 7.
3. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII-XX вв. / М. М. Дунаев. – Москва: Изд. совет Рус. Православ. Церкви, 2003. – 1056 с.
4. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1881 Январь / Ф. М. Достоевский. – Полн. Собр. Соч. В 30-ти Томах. - Т. 27: "Наука", Ленинградское отделение. – Л., 1984.
5. Селезнев, Ю. И. Достоевский / Ю. И. Селезнев. – Москва: Мол. гвардия, 1981. – 543 с.
6. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Коммунистическая идея в России заимствовала христианскую этику [Электронный ресурс] / Патриарх Кирилл // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/02/17/svyatejshij_patriarh_kirill_kommunisticheskaya_ideya_v_rossii_zaimstvovala_hristianskuyu_etiku/.

Достоевский о современности

1. *Александров М.А.* Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872-1881 годах // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. – 642 с.
2. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25/ Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1989. – *470 с.*
3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, июль – август 1877 г. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0490.shtml.
4. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, сентябрь – октябрь 1877 г. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0500.shtml.
5. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, июль – август 1876 г. [Электронный ресурс] /Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0480.shtml.
6. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 26/ Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1989. – 518 с.
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, 1873 г. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn08.htm

8. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24/ Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1989. – 518 с.
9. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, 1873 г. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0470.shtml.
10. Кузнецов, А. The Times назвала причину охлаждения отношений Меркель и Путина [Электронный ресурс] / А. Кузнецов // Maxpark. – Режим доступа: http://maxpark.com/community/politic/content/3134573.
11. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, 1881 г. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0530.shtm.
12. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя, январь – август 1877 г. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0490.shtml.

Поэзия Юрия Кузнецова: тематика и мировоззрение

1. Анкудинов К., Бараков В. Юрий Кузнецов: Очерк творчества. - Москва-Вологда, 1996. - 104 с.
2. Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники... // Лит. обоз. - 1991. - 4. - С. 10 - 14.
3. Буслаев Ф.И. О литературе. - М., 1990. - 512 с.
4. Васильева Л. В самый раз. Парадоксы Юрия Кузнецова // Лит. Россия. - 1987. - 23 января. - С. 8 - 9.
5. Геворгов И. Камень Алатырь // Лит. обоз. - 1991. - 4. - С. 103 - 105.
6. Иванов Г. Но есть светлейшая страна // Лит. Россия. - 1991. - 28 июня. - С. 9.
7. Кожинов В.В. Статьи о современной литературе. - М., 1982. - 303 с.
8. Кузнецов Ю.П. Ответ на вопросы анкеты // Лит. учеба. - 1979. - № 3. - С. 125-126.
9. Кузнецов Ю.П. Выступление на 7 съезде писателей СССР. Стенографический отчет.- М. 1983. - С. 253-255.
10. Кузнецов Ю.П. Под женским знаком // Лит. газ. - 1987. - 11 ноября. - С. 5.
11. Кузнецов Ю.П. “Рожденный в феврале, под водолеем...” // Кузнецов Ю.П. Стихотворения. - М., 1990. - С. 7-10.
12. Кузнецов Ю. “Отпущу свою душу на волю...” // Лит. Россия.- 1995. - 1 сентября. - С. 10-11.
13. Личутин В. Цепь незримая // Дружба народов. - 1989. - 8. - С. 231 - 247.
14. Онуфриева Н.И. Герой и время в русской советской поэзии второй половины 60-х - 80-х годов: Н. Рубцов, А. Жигулин, Ю. Кузнецов, О. Чухонцев: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - М., 1988. - 205 с.
15. Паскаль, Блез. Мысли. - М., 1994. - 528 с.
16. Сарнов Б. Да здравствует самовыражение // Взгляд. Вып. 2. - М., 1989, - С. 235-236.
17. Селезнев Ю. Златая цепь. - М., 1985. - 415 с.
18. Фаликов И. “Он идет ледоходом в собственном льду” // Лит. газ. - 1997. - 21 мая. - С. 11.
19. Шилова К.А. "Выпал путь красоте вопреки..." (О творческой индивидуальности Ю. Кузнецова и классической традиции) // Писатель в литературном процессе. - Вологда, 1991. - С. 70 - 78.

КЛЮЧ ОТ РУССКОЙ ДУШИ К тридцатилетию творческой деятельности Николая Зиновьева

1. Интервью с Николаем Зиновьевым [Электронный ресурс] / беседу вел С. Евсеев // Земляки: дорога домой. – Режим доступа: http://www.ya-zemlyak.ru/poesia_nz.asp.
2. Ткаченко, П. «Так мне пророчествует лира…» [Электронный ресурс] / Петр Ткаченко // Литературная газета. – 2017. – 15 мая. – Режим доступа: http://lgz.ru/article/-19-6597-17-05-2017/tak-mne-prorochestvuet-lira-/.
3. Зиновьев, Н. А. [Из новых стихов] [Электронный ресурс] / Н. А. Зиновьев // Российский писатель. – Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/sinoviev.htm.
4. «Мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом…»: интервью с Николаем Зиновьевым [Электронный ресурс] / подгот. С. Строгая // Виртуальный Кореновск. – Режим доступа: http://mykor.ru/maps/news/586.html.

5. Выдающемуся русскому поэту Николаю Зиновьеву – 50 лет! [Электронный ресурс] // Стихия рождается в нас… – Режим доступа: http://stihiya.org/news_4255.html.
6. Достоевский, Ф. М. Записки о русской литературе [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // E-Libra: электронная библиотека. – Режим доступа: http://e-libra.ru/read/193857-zapiski-o-russkoj-literature.html.
7. Николай Зиновьев: «Хорошая поэзия – от Бога» [Электронный ресурс] // Культура: газета. – Режим доступа: http://portal-kultura.ru/articles/data/97095-nikolay-zinovev-khoroshaya-poeziya-ot-boga/.
8. Долженко, Б. К тихому пристанищу [Электронный ресурс] / Б. Долженко. – Санкт-Петербург: Изд. служба Валаамского монастыря, 2008. – 215 с. – Режим доступа: http://tihoprist.narod.ru/bookHTML/ch2_11.htm.
9. 2-е послание Петра 3:8–9 [Электронный ресурс] // Разумный замысел. – Режим доступа: http://www.origins.org.ua/page.php?id_story=1380#ixzz4u9b9ro23.
10. Румянцев, В. Талант с налётом пессимизма (о некоторых аспектах поэзии Николая Зиновьева) [Электронный ресурс] / Валерий Румянцев // Великороссъ: литературно-исторический журнал. – Режим доступа: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_56/article_3153/.
11. Сумина, О. [О творчестве Николая Зиновьева] [Электронный ресурс] / Ольга Сумина // Российский писатель. – Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje23.htm.
12. Ефимовская, В. [О творчестве Николая Зиновьева] [Электронный ресурс] / Валентина Ефимовская // Российский писатель. – Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje13.htm.
13. Суворов, А. [О творчестве Николая Зиновьева] [Электронный ресурс] / Александр Суворов // Российский писатель. – Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje22.htm.
14. Брыжашов, Ю. [О творчестве Николая Зиновьева] [Электронный ресурс] / Ю. Брыжашов // Российский писатель. – Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje27.htm.
15. Черепенникова, Н. [О творчестве Николая Зиновьева] [Электронный ресурс] / Нина Черепенникова // Российский писатель. – Режим доступа: http://rospisatel.ru/zinovjev-novoje9.htm.

Лирическая проза Юрия Лунина

1. Прозаик Юрий Лунин: «Иногда кабинет нужен писателю, чтобы скрыться от стыда»: [интервью] [Электронный ресурс] / беседовала Г. Узрютова // Ульяновск – город новостей. – Режим доступа: http://ulgrad.ru/?p=158812.
2. Николаева, О. Творчество как подвиг веры [Электронный ресурс] / О. Николаева // Николаева, О. Современная культура и православие. – Москва, 1999. – Режим доступа: https://scibook.net/religiya-pravoslavie/tvorchestvo-kak-podvig-15640.html.
3. Гоголь, Н. В. О лиризме наших поэтов [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml.
4. Босина, Е. Мы кажемся такими [Электронный ресурс] / Екатерина Босина // Октябрь. – 2008. – № 5. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/october/2008/5/bo32.html.
5. Святой день: сборник [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://profilib.net/chtenie/93003/yuriy-lunin-svyatoy-den-sbornik.php.

6. Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова «Всё впереди». – Вологда: ВОУНБ: Полиграф-Периодика, 2017. – 313 с.
7. Судаков, Г. Что впереди у русской литературы? (Вместо предисловия) / Г. Судаков // Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова «Всё впереди». – Вологда: ВОУНБ: Полиграф-Периодика, 2017. – С. 4.
8. Гоголь, Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [в 14 т.]. Т. 8: Статьи / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [Москва; Ленинград], 1952. – С. 369–409. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-369-.htm.

9. Лунин, Ю. Клетка: рассказ / Ю. Лунин // Наш современник. – 2017. – № 8. – С . 15–29.
10. Толкования Священного Писания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bible.optina.ru/new:mf:24:12.

Глава третья. БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЛАД И РАЗЛАД Книга Василия Белова «Лад» и современность

1. Белов, В. И. Лад: очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – Москва: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.: ил.

2. Белов, В. И. Раздумья о дне сегодняшнем / В. И. Белов. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. – 368 с.

3. Молюсь за Россию: беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым [Электронный ресурс] // Наш современник. – 2002. – № 10. – Режим доступа:http://www.booksite.ru/belov/interview/13.htm.

4. Павлов, Ю. СМИ о смерти Василия Белова [Электронный ресурс] / Ю. Павлов // Российский писатель. – 2013. – 11 февраля. – Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/pavlov-belov.htm.

5. Решение IV Всероссийской научно-практической конференции «Филология и школа: преподавание словесности в современных социокультурных условиях и проблемы высшего гуманитарного образования» (19-21 октября 1994 г.) // Филология и школа. Вып. I. – Москва, 2003. – С. 337–339.

6. Селезнев, Ю. И. Василий Белов: раздумья о творческой судьбе писателя [Электронный ресурс] / Ю. И. Селезнев. – Москва: Сов. Россия, 1983. – 144 с. – (Писатели Сов. России). – Режим доступа: https://www.booksite.ru/belov/seleznyov/1.htm.

7. Соколов, Е., протоиерей. Иродово жертвоприношение современных кесарей [Электронный ресурс] / протоиерей Соколов Евгений // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/03/30/irodovo_zhertvoprinoshenie_sovremennyh_kesarej/.

8. Солженицын, А. Василий Белов [Электронный ресурс] / А. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 12. – С. 154–155. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/belov/creature/22.htm.

9. Тульцева, Л. А. Божий мир православного крестьянина / Л. А. Тульцева // Менталитет и аграрное развитие России. – Москва, 1996. – С. 302.

10. Шумский, А., иерей. Мальчиш-Кибальчиш приближается [Электронный ресурс] / иерей А. Шумский // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://www.ruskline.ru/news_rl/2010/11/17/malchishkibalchish_priblizhaetsy/.

ФИКТИВНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ (Анна Разувалова о «деревенской прозе» и Василии Белове)

1. Чеботарева И.В. Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002. – 189 с.; Широкова Л.В. Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Вологда, 2004. – 201 с.; Крижановский Н.И. Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Краснодар, 2004. – 191 с.; Аркатова Т.Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Владивосток, 2008. – 195 с.; Дворянова Н.В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2008. – 219 с.; Сальникова Я.В. Художественная картина мира в прозе В. Белова: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Воронеж, 2011. – 176 с. и др.
2. Чеботарева И.В. Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002. – 189 с.; Крижановский Н.И. Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Краснодар, 2004. – 191 с.
3. Дворянова Н.В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2008. – 219 с.
4. Широкова Л.В. Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Вологда, 2004. – 201 с.
5. Сальникова Я.В. Художественная картина мира в прозе В. Белова: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Воронеж, 2011. – 176 с.
6. Соколова Л.В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века: диссертация… доктора филологических наук: 10.01.01. – СПб., 2005. – 381 с.; Королева С.Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970-90-х годов: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Пермь, 2006. – 191 с.; Новожеева И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960-1980-х годов: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.01. – Брянск, 2007. – 212 с.; Мартазанов А.М. Идеология и художественный мир "деревенской прозы": В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01 .- Санкт-Петербург, 2007. – 276 с. и др.
7. Соколова Л.В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века: диссертация… доктора филологических наук: 10.01.01. – СПб., 2005. – 381 с.
8. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. – 204 с.; Быков Д. Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Советская литература: краткий курс. М.: ПрозаиК, 2013. – 416 с.;

Разувалова А. Писатели- «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с.
9. Быков Д. Советская литература: краткий курс. М.: ПрозаиК, 2013. – 416 с.
10. Разувалова А. Писатели- «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. [Электронный ресурс] – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с.

Глава четвертая. ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вологодские писатели о русском языке

1. Белов, В. И. Спасем язык – спасем и Россию [Электронный ресурс] / В. И. Белов // Православие. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/45073.html.
2. Троицкий, В. Слово и филологическое образование: пути восстановления [Электронный ресурс] / В. Троицкий // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2017/02/16/slovo_i_filologicheskoe_obrazovanie_puti_vosstanovleniya.
3. Балакшин, Р. Начинается все со слов / Р. Балакшин // Вологодский литератор. – Режим доступа: https://literator35.ru/2016/10/тема/роберт-балакшин-начинается-всё-со-сло/.
4. Созин, С. Они выбирают квест [Электронный ресурс] / С. Созин // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2016/05/30/oni_vybirayut_kvest/.
5. Белов, В. И. Забвение слова [Электронный ресурс] / В. И. Белов // Библиотека электронной литературы в формате fb2. – Режим доступа: http://litresp.ru/chitat/ru/З/zavtra-gazeta-gazeta/gazeta-zavtra-394-25-2001/14.
6. Рыбин, В. Как возродить русское словообразование / В. Рыбин // Русская народная линия: инф.-аналит. служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/special_opinion/2017/fevral/kak_vozrodit_russkoe_slovoobrazovanie/.
7. Максин, Ю. «Нас унижающая жизнь…» / Ю. Максин // Вологодский литератор. – 2015. – апрель, № 2 (8). – С. 1.
8. Яцкевич, Л. Филологическая публицистика [Электронный ресурс] / Л. Яцкевич // Вологодский литератор. – Режим доступа: https://literator35.ru/2016/11/тема/людмила-яцкевич-филологическая-публ/.

Гражданская лирика Ольги Фокиной

1. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва: Философское общество СССР, 1990.- 240 с.
2. Горбовский, Г. Диалоги о поэзии / Г. Горбовский // Наш современник. – 1993. – № 1–4.

3. Карташева, Н. «Мы должны не выживать, а жить!»: письмо в редакцию Русской линии [Электронный ресурс] / Н. Карташева // Русская народная линия: инф.-аналит. служба (http://www.ruskline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/).
4. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Коммунистическая идея в России заимствовала христианскую этику // Русская народная линия: инф.-аналит. служба (http://www.ruskline.ru/news_rl/2011/02/17/svyatejshij_patriarh_kirill_kommunisticheskaya_ideya_v_rossii_zaimstvovala_hristianskuyu_etiku/).
5. 5. «О богоугодности – не нам судить!» Господь дал ему эти слезы: встреча с иеромонахом Романом (Матюшиным) [Электронный ресурс] // Русское воскресение. – Режим доступа: http://www.voskres.ru/podvizhniki/roman.htm.
6. Питирим (Волочков). Гражданская проповедь / Питирим (Волочков), епископ Сыктывкарский и Воркутинский // Национальная доктрина. Сыктывкар. – 2006. – № 1.
7. Русская поэзия. XX век: антология / под ред. В. А. Кострова. – Москва: ОЛМА-Пресс,1999. 926 с.
8. Фокина, О. А. Разнобережье: стихи / О. А. Фокина. – Архангельск: Администрация Арханг. обл. Арханг. обл. совет женщин, Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1998. – 287 с.
9. Фокина, О. А. Избранное. Т. 2 / О. А. Фокина. – Вологда: Волог. Писат. Орг. , 2003. – 519 с.
10. Фокина, О. А. Стихотворения. Поэмы. Венок сонетов / О. А. Фокина. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 383 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРОРОЧЕСКОЕ СЛОВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

В далёком 1999 году в Вологде в здании филармонии (бывшего дворянского собрания) состоялся выездной секретариат Союза писателей России. Тема его была предсказуема: «Вологодская литературная школа: народность, традиции, слово в русской культуре». Открывая секретариат, председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев сказал: «Мы низко кланяемся Василию Ивановичу Белову за его нравственность, за его служение слову, за его требовательность, за его совестливость». Он вручил великому русскому писателю золотую медаль, посвященную 200-летию А.С. Пушкина, а затем предоставил ему слово для выступления. То, о чем говорил тогда Василий Белов, воспринималось довольно скептически, на видеозаписи, любезно предоставленной давним другом вологодских писателей Александром Алексичевым, этот скепсис виден и слышен явно, к нашему сегодняшнему стыду. Василий Белов оказался прав, особенно в оценке «пятой колонны», и сегодня разрушающей Россию, но воистину пророческими стали его слова о трагедии на Украине, о которой он говорил с болью, не понятой тогда нами. Многое из сказанного классиком тогда, на рубеже веков, и сейчас мы не сможем осознать до конца, - такова особенность обычного человеческого зрения, не видящего дальше сегодняшнего горизонта. Василий Белов видел так зорко, как может видеть только гений. Выступление В.И. Белова публикуется впервые.

РЕЧЬ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА НА ВЫЕЗДНОМ СЕКРЕТАРИАТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВОЛОГДЕ 9 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА

Дорогие друзья, я, прежде всего, должен поприветствовать гостей наших, дорогих гостей: Валентина Григорьевича Распутина, Игоря Ростиславовича Шафаревича, Станислава Куняева, и Ганичева, и всех, всех тех, кого я не назвал сейчас. Потому что со всей земли приехали к нам люди. Вот, например, Юрий Бородкин приехал, старинный мой приятель из Ярославля.

Годится ли для нашего разговора географический принцип? Я сомневаюсь в этом. С легкой руки какого-то расхожего критика вошло в моду не очень корректное выражение «литературная школа». Началось, по-моему, с ростовской, далее перекинулись на смоленскую, теперь вот посмотрели, и вологодскую школу. Какая школа, друзья мои? Что значит школа? Какой примитивный метод достался нам в наследство от вульгарного социологизма, от тотального интернационализма, который вошел в наши плоть и кровь, во все поры нашей национальной культуры и экономики? И привел этот тотальный интернационализм именно к тому развалу, который произошел с нами, к развалу государства. Я не признаю никаких школ, признаю только одну школу, русскую!.. Аплодисментов нет (после этого замечания Василия Белова раздались жидкие хлопки. – В.Б.). Эта школа одна на всех у нас, и говорить о ней нужно, а не о вологодской и никакой не ростовской школе. Национальная школа должна у нас существовать. Разве «Тихий Дон» относится к школе южной, ростовской? Или «Василий Тёркин» Смоленск представляет? Это что, школы что ли? Какие это школы, это русская литература, она присутствует во всем мире и для всех русских, и не только для русских. Делить литературу по географическому принципу весьма опасно, об этом нельзя забывать. Так же опасно делить её на деревенскую и городскую, на производственную и военную. Подлинная литература не признает никаких школ, делится лишь по национальному признаку, либо просто по языку, или просто на хорошую и дурную. Мне кажется, что с этой трактовкой культуры и литературы согласятся и грузины, и армяне, и немцы, и финны, не согласятся разве что украинцы (после этих слов зашелестел легкомысленный хохоток в зале. – В.Б.). Ответ на этот вопрос, - согласятся ли украинцы, - обусловлен другим вопросом: существует ли украинский язык? Не разновидность ли это русского языка? Вопрос этот опасный, может, даже трагичный, поэтому отложим ответ на благоприятное будущее. Лично я придерживаюсь тех взглядов, которые выражал Данилевский (1), а также историк Николай Иванович Ульянов, книга которого находится под запретом до сих пор (2).

Но обратимся к вологодской литературной школе, поскольку термин уже внедрился. Её, эту школу, никак нельзя оторвать от северной литературной традиции, от северного фольклора, и музыкального, и словесного, традиции эти идут ещё со времен домонгольских. Первым нашим, то есть вологодским, писателем я называю Даниила Заточника, я об этом уже говорил несколько лет тому назад. Плач Даниила Заточника (3) или Слово, или как там его называют, создан недалеко от моей Тимонихи, на озере Лача. Вот слова из этого плача: «Кому Переяславль, а мне Гореславль, кому Боголюбово, а мне горе лютое, кому Белоозеро, а мне чернее смолы, кому озеро Лача, а мне много плача». Видите, когда ещё началась традиция фольклорная и писательская. Бессмертный памятник литературы «Слово о полку Игореве» написан на столетие раньше плача Даниила Заточника и в другом месте. Новое слово выросло на одних и тех же корнях, питается одними и теми же соками, соками народной жизни. Оба Слова этих прочно спаяны народной жизнью, то есть православием и русским фольклором. Вот чем связаны оба этих литературных памятника. Хотя между ними зияет промежуток в целое столетие, эту связь можно выразить лишь словами нашего Николая Рубцова:
«С каждой избою и тучею, С громом, готовым упасть, Чувствую самую жгучую, Самую смертную связь». Эти строки тысячелетней традиции – разве не такие же меры, присущие

Твардовскому и Шолохову? Потрясающее единство в необъятном многообразии имен, названий, методов, стилей, жанров, образов – и всё это один русский язык, он креп и рос на протяжении веков, превратился в один из мировых языков. Ей Богу, вовсе не стыдно говорить на таком языке! Но зададимся таким вопросом: у кого и как учились, перенимали образное мастерство сами создатели бессмертных литературных памятников? На кого опирались они? Всем, кто жил после них, было на что опереться, были традиции, уже существовали опоры, пусть недосягаемые, в смысле почти идеальные, божественные. Простой пример: Александр Пушкин. После того, что совершено им, разве не обязаны были явиться Блок, Цветаева, Лермонтов, Николай Рубцов? Но я говорю об авторах тех, ещё безымянных слов… Даниил Заточник на кого опирался? Откуда черпали они свое вдохновение? Раздумывая об этом, я вынужден цитировать самого себя. Если не цитировать себя, то комментировать хотя бы собственное сочинение, хотя бы тот же «Лад». Вот фрагмент из главки о пастухах, самой безобидной, самой простой категории населения: «Вся жизнь пастуха на природе, поэтому он был еще и опытным лесовиком, хорошо чувствовал перемену погоды, знал множество примет, умел драть корье, бересту, плести из них лапти и другие изделия. Питался и ночевал пастух у всех по очереди. Если в — деревне тридцать домов, то за месяц он побывает в каждой крестьянской семье. И, конечно же, узнавал не только то, что сегодня варили в том или другом доме. Он знал все. Скотина тоже была в его руках, и неудивительно, что пастуха побаивались, уважали, а иногда и баловали недорогими подарками.

Рожок или дудка веками печально звенели в русском лесу сквозь его отрешенно-широкий шум. Коровы знали несколько музыкальных колен. Они выполняли такие музыкальные команды:

1. Выходи из дворов.
2. В прогон! В прогон!
3. Делай что хочешь.
4. Опасно, беги!
5. Общий сбор в одном месте.
6. Домой! — и другие команды».

Я вспомнил о пастухах в связи с музыкой, в связи с фольклорной стороной, отраженной в какой-то мере в книге. Придётся повторить основную мысль моего выступления на съезде, на десятом съезде, на последнем. А мысль моя такая: чтобы выжить нашему Отечеству, главное сейчас, может быть, не слово, не публицистика, не печать в газете, а главное сейчас – музыка, песня. Я готов утверждать, готов писать целую диссертацию на эту тему. Конечно, слово – это слово, но вот на сегодняшний день самое главное – это музыка. Разрушение эстетики идёт больше по этой линии. Год назад в «Парламентской газете» (4) я попробовал сказать об этом вслух, чтобы услышали все депутаты. Там говорилось: «Свобода России поистине теперь сатанинская. Чувствую себя свободным независимо от того, есть у тебя способность сочинять текст и музыку, или никакого таланта нет. И вот возомнили себя творцами тысячи недорослей мужского, женского, а больше всего среднего рода, «вдохновение» захлестнуло души скучающих бездельников, не желающих знать ничего, кроме пошлейших своих текстов и бесстыдных дёрганий под механизированные гитары эстрадных подмостков. А седовласые «мэтры», музыкальные знатоки, в основном еврейской национальности, среди этого многоголосья начали устраивать музыкальные гонки, внедряя конкурсы, отбирая наиболее нахальных и двигая их в телевизор и на радио». Вы можете поспорить со мной в этой фразе, как хотите, но я думаю, что спорить тут не о чем, вы попробуйте включить телевизор… Недавно у нас в Вологде прошел великолепный праздник, праздник музыки. Был у нас детский фестиваль гаврилинской музыки. Гаврилин подписался бы под этими словами, которые я сейчас процитировал, тоже. Он говорил, вот так он говорил… Есть артисты и музыканты яркие, странные. Свет от них нехорош и пуст. Кто помнит время керосиновых ламп, тому знакомо, как иногда умирал огонь под стеклом. И вдруг вспыхивает сильно и ярко – это

значит, кончился керосин и загорелся фитиль, это плохо, и такое нельзя допускать, опасно, когда горит фитиль. Такие и артисты бывают. Иной раз большие мастера, а горючего нет, а полыхают, горит фитиль… Вот такой мудрый был композитор у нас, вологодский. Я считаю, что это был гениальный человек, который создал великую славу нашим землякам. Те строчки, которые я цитировал сейчас, после этих слов я сказал, что первым и самым мощным разрушителем, музыкальным Дудаевым был у нас ни кто иной, как Высоцкий. С него началась окончательная расправа над русским мелосом. Это я не боюсь сказать именно здесь, в филармонии, где люди филармонические призваны внедрять именно национальную мелодическую культуру. Да, хриплый этот, жеребячий голос Высоцкого похоронил великую музыкальную культуру нашей Родины. Это был один из главных способов разрушения эстетики, а, следовательно, и национальной культуры, а значит, один из элементов государственного разрушения. Не так-то просто вернуть сейчас нашу молодёжь к родной, не забугорной эстетике. Но сотрудник «Парламентской газеты» выбросил именно эти слова. Я не хочу сейчас говорить его фамилию. Вообще, по музыкальному репертуару так называемой радиостанции «Маяк» можно легко уяснить, чего они боятся больше всего, наши враги. Мы разучились петь собственные песни, собственную музыку разучились мы слушать, именно такой народ нужен нашим врагам, нашей «пятой колонне», руководимой Мадлен Олбрайт и целой своре бжезинских. Они хотят вытравить из нашей плоти и крови всё русское понимание музыки, наш мелос, наше восприятие музыкальных опусов. Речь идет не только о музыке…

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Николай Яковлевич Данилевский* (28 ноября (10 декабря) 1822, село Оберец Орловская губерния – 7 (19) ноября 1885, Тифлис) – русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель, геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма. В 1850-х годах Н.Я. Данилевский жил в Вологде, работал в канцелярии вологодского губернатора. Основное произведение Н.Я. Данилевского – книга «Россия и Европа» (1871). Ф.М. Достоевский назвал «Россию и Европу» «настольной книгой всякого русского». На данный момент Н.Я. Данилевский заслуженно признан классиком русской геополитики.
2. *Николай Иванович Ульянов* (23 декабря 1904 (5 января 1905), Санкт-Петербург – 7 марта 1985, Нью-Хейвен) – русский историк и писатель. Главным научным трудом Н.И. Ульянова стало исследование «Происхождение украинского сепаратизма» (1966), написанное в эмиграции.
3. *Даниил Заточник* (Х11 или Х111 век) – уроженец Переяславля, писатель, биографические данные о нём отсутствуют. Предполагают, что ему принадлежат два близких по тексту произведения, именуемых редакциями, или же одно из них. Первая редакция – «Слово Даниила Заточника», вторая – «Моление Даниила Заточника».
4. *«Парламентская газета»* - периодическое общественно-политическое издание Федерального Собрания Российской Федерации. Основана газета 7 мая 1998 года.

Публикация и примечания Виктора БАРАКОВА

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ФЕЛИКС КУЗНЕЦОВ: «МЕТА ОБЛАСТИ – ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ»

В1999 году в Вологде в здании филармонии (бывшего дворянского собрания) состоялся выездной секретариат Союза писателей России. Тема его была следующей: «Вологодская литературная школа: народность, традиции, слово в русской культуре». Василий Белов в своей речи выступил против термина «Вологодская литературная школа» и призвал считать её частью великой русской литературы. Феликс Кузнецов не согласился с классиком и произнес слово в защиту этого понятия. Во время его выступления Василий Белов неоднократно дополнял репликами те или иные положения Феликса Кузнецова. Текст воссоздан на основе видеозаписи, любезно предоставленной давним другом вологодских писателей Александром Алексичевым. Выступление Ф.Ф. Кузнецова публикуется впервые.

РЕЧЬ ФЕЛИКСА КУЗНЕЦОВА НА ВЫЕЗДНОМ СЕКРЕТАРИАТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВОЛОГДЕ 9 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА

Василий Иванович, конечно, вот это название, не знаю, кто придумал, наверное, судя по почерку, Игорь Ляпин: «Вологодская литературная школа» и так далее. Наверное, неудачно. Но куда уйдешь от такого факта. Вот есть, к примеру, такое словосочетание, - Игорь, не обижайся, - «вологодское масло». Как это современная молодежь говорит: лейбл, лайбл, я не знаю. Уже отметка вот такая. То есть, вологодское масло – это то, что известно всему миру. (Реплика Василия Белова: «Вологодская иконопись есть!»). Вологодская иконопись. Вологодский конвой. И вот такая же мета области – вологодские писатели. Я вам скажу, что… существует понятие литературного гнезда? Это можно? (Василий Белов: «Конечно!»). У нас Север: Архангельск, Вологда – литературное гнездо.

Вот я набросал по памяти кое-что тут… Писахов, Шергин, Абрамов, Яшин, Рубцов, Сергей Орлов, Романов Саша, Коротаев, Шириков. Я беру тех пока, кого нет с нами, понимаете… Коничев. (Василий Белов: «Протопоп Аввакум тоже наш!»). Тем более. Сюда же входят даже такие писатели, как Тендряков, он считал себя вологодским писателем (1). Ну, и Пиляр, к примеру. (Василий Белов: «Архиепископа Никона знаешь?»). Да. Ну, вот видишь, никуда и не уйдешь от того факта, что существует эта тайна: почему вот эти места дали такую блистательную плеяду писателей? Так же, как когда-то Орловская земля. А причина в следующем. Есть такой хороший писатель и очень хороший фольклорист Дмитрий Балашов. У него есть книга, – не исторический роман, а фольклорное исследование, - вот такая огромная, толстенная книга. Называется «Вологодская свадьба», как у Яшина рассказ (2). Он несколько месяцев сидел на моей малой родине, - а я родился не в Тотьме, а на Кокшеньге, - это, стало быть, Тарнога, и записывал там, в недавние, сравнительно, годы, лет тридцать после войны, обряды северной, вологодской свадьбы. Они во многом совпадают с тем, что написал Яшин, поскольку его родные места – Никольский район, к северо-востоку, это одно место. Так вот, в наших местах на Кокшеньге я разговаривал со старыми женщинами в кокошниках. Кокошники еще были в деревне! На моей памяти! И сарафаны домотканые. А уж в довоенной одежде… я и сам ходил в рубахе и в синих штанах. Но это приметы быта. Но ведь эти места были заповедным хранилищем (или резервацией) народного русского языка. Я скажу, что когда читаешь вологодские бухтины и по рассказам представляешь мать Василия Ивановича Белова, ты понимаешь природу беловского языка. Это помазание Божие, которое идет от народа, из недр. И тайна в том, что здесь кладезь русского

народного языка. И поэтому чего уж так чураться, что вы вологодские, ничего в этом худого нет. Наоборот, я считаю, что властям надо гордиться, потому что литература Вологодчины и Архангелогородчины – это то, с чем наши северные области входят в народную жизнь, и это огромный вклад. И скажу, что отсюда же ведь и Шолохов. Потому что донская казачья народная речь, диалекты северные и казачьи – самые старые, старинные, в века уходящие диалекты русского языка. И богатство, красочность, яркость южного говора и нашего северного говора, - причем многое сходится, как ни странно, - это та естественная почва, из которой растет великая литература. Я скажу, что сегодня у нас в стране, по моему убеждению, на мой взгляд, может, не все согласятся, есть два писателя, всего два писателя шолоховской силы и шолоховского, если можно так сказать, образа, из его рукава шинели вышедшие. Это Василий Иванович Белов и Валентин Григорьевич Распутин. И что бы мне ни говорили, и как бы, скажем, Петр Проскурин не обижался на меня, почему я о нем ни строчки не написал в жизни, ну, никуда не денешься от того факта, что между этими писателями и прозой Проскурина, к примеру, стоит не преходящая грань. Потому что, в одном случае, есть блистательный текст, есть мелодия, слышат мелодию, а в другом случае – нет, не слышат мелодию. Вот, я лишен музыкального слуха, но у меня с детства была мечта научиться играть на гармошке. Я был плясуном, еще в университете брал призы за русскую пляску, и очень хотел быть гармонистом, потому что гармонист – первый парень в деревне. И я за два года заработал, купил себе гармонь. Медные планки, красавица гармошка, а научиться я никак не мог играть на ней. Я учился как: мне ребята показывали переборы, и я научился переборам с правой стороны и с левой стороны, а свести басы и голоса я никак не мог. Просто беда, трагедия. Вот так же в литературе. Есть люди, которые могут свести басы и голоса, а есть люди, которые берут, а гармонии не получается. Так вот, конечно, самым великим писателем XX века, я-то считаю, что и самым великим русским писателем, мировым писателем XX века был, конечно, Михаил Александрович Шолохов, и «Тихий Дон» его. В очередной раз я его причитал… невозможно читать без слез и без непреходящего и постоянного душевного волнения. И, конечно, великий грех на душу взяли на себя, святотатство совершили те, кто при жизни Михаила Александровича отнял у него «Тихий Дон», объявил его на весь мир преступником, плагиатором, требовал суда и отъема у него Нобелевской премии.

По найденной рукописи (3) видишь, какая это была огромная работа, и ты видишь расхождения, и вся эта работа шла в направлении все большей точности, емкости, лаконизма, выразительности, я бы сказал, как медные скрижали на стене. Вот он к этому стремился. При всем том, что это такое природное богатство, такая корневая народная южнорусская речь, такая сила идет от этого… И мы смогли, наконец, слава Богу, достать деньги (4), выкупить эту рукопись и начать работу по ее изучению с тем, чтобы готовить, наконец, академическое собрание сочинений Шолохова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Владимир Федорович Тендряков* (1923 – 1984) по месту рождения (деревня Макаровская) был вологжанином, но с вологодскими писателями и с родной землей связь не поддерживал, жил в Москве, свою малую родину посетил всего один раз.
2. Книга *Дмитрия Балашова* (1927 – 2000) называется «Русская свадьба» (Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М. , 1985. 390 с., ил.), а «Вологодскую свадьбу» её автор Александр Яшин называл то очерком, то повестью.
3. Потерянная рукопись «Тихого Дона» М.А. Шолохова была найдена в конце 1990-х годов.

4. Рукопись «Тихого Дона» была выкуплена у родственников великого писателя Ф.Ф. Кузнецовым, тогда директором ИМЛИ, на деньги тогдашнего Председателя правительства России В.В. Путина. В противном случае рукопись могла оказаться за границей.

Публикация и примечания Виктора БАРАКОВА

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПУТЬ В ВЕЧНОСТЬ

Встречи с Василием Беловым

Заочное знакомство с Василием Ивановичем Беловым состоялось у меня, как и у большинства, в библиотеке. Его художественные и публицистические произведения отличались не только мастерством - они проникали до самых глубин души человеческой. Не могу ручаться за других, но меня лично каждая встреча с его прозой особенно волновала: заставляла трепетать сердце и доводила до внутреннего смятения. Его беспокойная душа пульсировала в каждом слове.

Первая встреча произошла в Вологодском отделении Союза писателей России, которое находилось тогда в здании на улице Ленина. Не помню, кто меня познакомил с Василием Ивановичем, но его добродушная улыбка и глаза с хитринкой запомнились на всю жизнь.

В начале 90-х мы в основном встречались на писательских собраниях, куда я приходил, не будучи еще членом Союза, да на… похоронах.

События 1993 года всколыхнули нас. Василий Иванович находился в самом пекле, в так называемом Белом Доме, ставшим черным от гари и позора, он чуть не погиб там. Писатели могли ответить только горячим словом правды, но и здесь голос Василия Белова был самым весомым.

В 1994-м в областной столице был создан Вологодский союз патриотических сил во главе с профессором местного пединститута Михаилом Безниным. Я входил в секретариат союза, выступал в печати, в обществе «Знание», и не раз видел там Василия Белова. Он нам сочувствовал, помогал, поддерживал, и не только авторитетом. На встрече с Сергеем Глазьевым, например, он настойчиво советовал нам не только читать, но и распространять газету «Завтра». Время тогда было горячее: конфликты в Сербии, в Приднестровье, война в Чечне… Грабеж страны, но особенно беззастенчивая антирусская пропаганда центральных телеканалов действовали удручающе. Иногда сдавали нервы и у Василия Ивановича – однажды он воскликнул: «Я готов с автоматом в руках защищать Россию!»

Его пламенное писательское слово прорывалось сквозь любые кордоны – публицистика Белова очень и очень многих ненавистников не просто злила – она была им страшна.

1999 год стал переломным: Ельцин, вытирая перед телекамерой крокодиловы слезы, объявил об отставке; на подготовленную государственником и просто настоящим профессионалом Евгением Примаковым почву пришел Путин. Так случилось, что и для меня этот год оказался судьбоносным – я мог уже как член Союза писателей напрямую обращаться к Василию Ивановичу за советом и поддержкой.

Наши беседы были краткими, но всегда содержательными. Его эрудиция и острый ум поражали меня. Так, я долгое время считал, что хорошо знаю русскую философию – не

один год сидел в Ленинке, методично штудируя тома наших мыслителей… Как бы не так! Василий Иванович сразил меня наповал такими именами, о которых я и не подозревал.

Еще одно потрясение было связано с чисто литературным делом – в 2000-м году я подарил Василию Белову свою крохотную критико-литературоведческую книжку, и Василий Иванович неожиданно для меня вернул ее со своими пометками - на время.

Его тонкие и умные замечания поменяли в тексте книги все: замысел, стиль, интонацию. Даже запятые и тире, оказывается, способны изменить словесную материю! Неуловимым творческим движением опытный мастер чуть подправил меня – и книга преобразилась, заиграла свежими красками.

В 2001-м Василий Иванович обратился уже ко мне. В писательской организации он отвел меня в сторонку, прижал взглядом к стене и нетерпеливо и пытливо спросил: « - Вот ты, литературовед, критик, скажи мне: моя трилогия к какому жанру относится? Что это – роман-хроника или исторический роман?» Я стушевался: «- Это Вам решать, Василий Иванович». Белов не отступал: « - А сам-то ты как думаешь?» Я, заметно волнуясь, принялся объяснять классику, что «Кануны» соединили в себе семейно-бытовое и хроникальное содержание, «Год великого перелома» больше похож на документальный роман, а «Час шестый» вновь вернул повествование в семейно-бытовую колею. « - Значит, не хочешь помочь, - нахмурился Белов и с какой-то веселой угрозой заключил: - Ладно, я тебе это еще припомню!»

И припомнил! В следующем году в Вологде вышла его цельная книга о коллективизации под общим названием «Час шестый». В подзаголовке стояло всего лишь одно слово: «Трилогия»…

В день 70-летия В.И. Белова, 23 октября 2002 года, в областной научной библиотеке, которая сейчас носит его имя, состоялся юбилейный вечер. Два вологодских критика: Василий Оботуров и я, не сговариваясь, выступили с одним и тем же обоснованием жанра великой книги классика: «Час шестый» - это роман-эпопея». На этот раз Василий Иванович был доволен, - Сергей Бабурин, сидевший в президиуме рядом с ним, подошел в перерыве ко мне и Оботурову с благодарностью.

В гостях у Василия Ивановича я был всего два раза, и в обоих случаях не один, а в компании писателей. 26 февраля 2006-го Ольга Сергеевна Белова, жена Василия Ивановича, принимала нас со Станиславом Лесневским.

В просторной прихожей мы разделись и потом расположились в гостиной, заполненной книгами. Разглядеть все это богатство мы не успели – Василий Иванович позвал нас на кухню. Двигался он медленно, с трудом переставляя ноги, но выглядел бодро. Мы поздоровались, сели за стол, и Станислав Стефанович достал, наконец, новинку – рассказы Белова для детей, выпущенные его издательством «Прогресс-Плеяда». Василий Иванович предложил «обмыть» книгу, но выпил буквально каплю – только чтобы не обидеть гостей.

Я в очередной раз подивился цепкой памяти Белова – он, оказывается, знал, что я с семьей переезжаю из общежития в новую квартиру. « - Вот теперь работа пойдет веселее, надо писать больше, правильно?» - он вопросительно посмотрел на меня. Я поневоле с ним согласился, хотя не совсем был уверен в собственных силах. Василий Иванович решил сделать мне подарок – он подписал две свои книги: «Пьесы» и публицистические «Раздумья о дне сегодняшнем». « - А ты знаком с моей публицистикой?» - спросил меня Белов, вручая два белых томика. « - Конечно, Василий Иванович! - удивленно ответил я, - в обоих университетах, педагогическом и техническом, читаю лекции и провожу практические занятия по Вашим произведениям». « - Хорошо, хорошо», - успокоил он меня, но поглядывал все-таки недоверчиво. Пауза оказалась короткой: Белов достал из кармана листок и стал читать свое новое стихотворение. « - Вот, решил вспомнить молодость», - сказал он, закончив чтение. Было видно, что Белов ждал нашей оценки. Маститый литературовед Лесневский все сделал за меня - я лишь кивал головой и улыбался.

На этом наше гостевание закончилось. Уставший Василий Иванович ушел отдохнуть, а провожала нас его супруга Ольга Сергеевна.

С Ольгой Сергеевной, милой и скромной женщиной, я виделся гораздо чаще – как в церкви, так и на работе. Она была на защите моей аспирантки Людмилы Широковой, посвятившей свою кандидатскую диссертацию прозе Белова.

Каждая встреча с Василием Ивановичем оставляла глубокий след в моей душе. Хотя общение было редким и кратковременным, слово Белова всегда оказывалось промыслительным.

Темы разговоров были самые разные: о засоренности и заштампованности русской речи, о творчестве музыканта Евгения Колобова, о писательском съезде в Орле, о власти… О ней я спросил Белова специально – готовил на областном телевидении документальную передачу «Писатель и власть». Вопрос этот я задавал всем вологодским литераторам, которых удалось поймать: « - Как Вы относитесь к нынешнему властному правлению?» Но лишь один Василий Иванович ответил на него предельно просто и откровенно: « - Власть надо менять!»

В октябре 2006 года мы с женой пошли на встречу с Беловым в его именной центр, в городскую библиотеку на улице Панкратова. Встреча оставила двойственное впечатление. С одной стороны, нас (и его) порадовали дети, читавшие стихи и прозу классика с открытостью, свойственной только им. С другой… Тяжело было смотреть на Василия Ивановича – он осунулся, стал совсем маленьким; ходить он уже не мог, его несли на руках. Но Белов оставался прежним Беловым, - он храбрился: «Я еще многое могу, вот увидите!»

В 2008-м в филармонии вручали премии конкурса прозы имени В.И. Белова «Все впереди», - он состоялся только из-за настырности нашей писательской троицы: Михаила Карачева, Александра Цыганова и Виктора Плотникова. На банкете Василий Иванович выглядел возбужденным. Он комментировал чужие выступления; когда надо, поправлял: « - Бухт***и***ны, а не б***у***хтины!» Его зоркие глаза сверкали – от взгляда Белова многие съеживались.

Среди сидящих он выхватил и меня: « - Виктор, иди сюда!» Я выполнил просьбу-приказ и подошел к его столу. « - Как живешь?» - произнес он дежурную фразу, но я уже догадался, что за ней последует продолжение. « - Как ты думаешь, могу я взять ребенка из детдома? Я ***хочу*** воспитать ребенка!» - с нажимом произнес он, глядя мне прямо в глаза. Я, внутренне ужаснувшись, тем не менее, ответил: « - А как к этому отнесется Ольга Сергеевна? Надо ее слушаться». Василий Иванович согласно склонил голову – он, вероятно, ожидал чего-то подобного.

Оставшееся время банкета было для меня мучительным – я терзался вопросом, который буквально сверлил меня: «Как я смел дать ему совет, да еще в такой форме!» Но интуиция подсказывала: ты просто сказал правду.

В последний раз я видел Василия Ивановича в его квартире 16 сентября 2011 года. В Вологде проходил выездной пленум Союза писателей России, и делегации к Василию Белову шли одна за другой. Я сознательно уклонялся от встречи с ним – не хотел мучить тяжело хворавшего человека, но отказать своему другу, одному из ведущих современных русских критиков, Юрию Павлову, не смог - Юрий Михайлович не бывал у Белова ни разу, хотя, как никто другой, был этого достоин.

Я позвонил Ольге Сергеевне, она назначила время, и вечером мы уже толпились в прихожей, пропуская уходящих посетителей. Лишь писатель Александр Арцыбашев, большой спец по сельскому хозяйству в литературе, неотступно сидел в гостиной рядом с его коляской и о чем-то оживленно говорил. Юрий Павлов со спутницей, коллегой из Армавира Еленой Коломийцевой, подошли знакомиться, а я остался стоять на прежнем месте. Мой шестилетний сын Сережа (я его взял с собой, т.к. его не на кого было оставить) оказался смелее и общительнее – он подбежал к Белову и что-то быстро проговорил, широко улыбаясь своим ртом с кое-где выпавшими зубками. Василий

Иванович радостно крякнул, сказал пару фраз и тоже заулыбался… Как сейчас вижу эти две сияющие улыбки старого и малого – в памяти остается только то, что должно остаться. И не нам об этом судить…

А потом, год спустя, была весть о его смерти, легкой и спокойной – он даже успел попрощаться с родными. Умер Василий Иванович 4 декабря, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, считающийся в православии детским праздником. А еще это день рождения моего сына…

Потом было фойе драматического театра, кафедральный собор, гражданская и церковная панихиды. Страстная речь Владимира Крупина подвела итог его земной жизни, а пастырское слово Владыки Максимилиана, архиепископа Вологодского и Великоустюжского, подготовило Василию Белову путь в вечность.

Только мне кажется, что с вечностью Василий Иванович никогда и не расставался…

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Со стихами Юрия Кузнецова я познакомился еще в юности, но по-новому они зазвучали в моей душе уже в перестроечные годы. Классическая строгость, глубина и одновременно ясность мысли сочетались в них с космическим размахом образов, мистическое начало преображало действительность, быт становился бытием, душевную жизнь освещало сияние Духа…

В январе 1993 года Юрий Кузнецов вместе с русскими писателями, авторами журнала «Наш современник», приехал к нам в Вологду. Помпезное помещение бывшего Дворянского собрания было переполнено. Кто-то умудрился забраться даже на балкон третьего яруса, где стояли прожекторы. Политическое и идеологическое напряжение в народе тогда зашкаливало, и поэтому пронизанное душевной болью выступление Валентина Распутина и едкое и меткое слово Василия Белова взорвали зал, началась полемика. Юрий Кузнецов был, наверное, единственным, кого эта перебранка не смутила. Он словно отстранился от шума уходящего времени, думал о чем-то своем и не обращал внимания даже на оскорбления, которые смело бросал сверху вниз некий субъект, спрятавшийся за осветительными приборами.

Но вот ведущий дал слово русскому поэту, и тот начал неспешно, как бы вспоминая давнее:

Смотрим прямо, а едем в объезд.
Рыба-птица садится на крест
И кричит в необъятных просторах.
Что кричит, мы того не возьмем
Ни душою, ни задним умом.
Теснотой и обидой живем.
Заливается ночь соловьем,
День проходит в пустых разговорах.

А в следующем стихотворении Кузнецов всего лишь одной строфой поведал и о себе – да так, что вся его былая отстраненность исчезла напрочь:

Я душу спасаю от шума и глума,
Летящих по краю.
Я думаю думу; о чем моя дума,

И сам я не знаю.

Внимание притихшего зала воодушевило поэта, и он прочел еще несколько стихов, в числе которых были «Маркитанты», вызвавшие в публике живой отклик и горячие аплодисменты.

В 1994-м году я поступил в докторантуру в Москве и стал писать диссертацию о современной русской поэзии. Юрий Кузнецов занимал не только мое воображение. Рядом со мной в общежитии Московского педагогического университета на Юго-Западе жил и перебивался с хлеба на воду молодой аспирант Кирилл Анкудинов. Нас сблизила не только общая alma mater (в разные годы мы закончили один и тот же педагогический вуз в Майкопе), но и беззаветная любовь к русским поэтам, особенно к Николаю Рубцову и Юрию Кузнецову. Нас в самое сердце поразила колоссальная энергия мифа в кузнецовской поэзии. Споры и восторги за столом с разведенным в кружках обжигающим чаем длились порой до рассвета. Тогда и пришла мне в голову мысль написать совместно книгу о творчестве Юрия Кузнецова. Кирилл на мое предложение ответил согласием, и в начале 1995 года работа закипела. Детали в черновых главах обсуждались и согласовывались здесь же, за тем же письменным (и одновременно обеденным) столом. К концу года рукопись была готова и я, узнав в Литинституте номер домашнего телефона Кузнецова (на работе его я не застал), позвонил поэту «на удачу». Мне повезло – трубку взял сам Кузнецов:

- Я слушаю.

Стараясь быть спокойным, я произнес заготовленную фразу:

- Здравствуйте, Юрий Поликарпович! С вами говорит Виктор Бараков из Вологды. Вместе с Кириллом Анкудиновым из Майкопа мы подготовили рукопись книги о Вашей поэзии и хотели бы встретиться с Вами.

- Зачем?

Вопрос меня озадачил:

- Ну, например, для того, чтобы… не напутать даты в Вашей биографии...

Кузнецов устало вздохнул:

- Обратитесь с этим к Кожинову, он поможет.

- А о наших оценках Вашего творчества поговорить?..

- Пишите так, как будто меня нет, - сказал Кузнецов и положил трубку.

Последняя фраза оказалась особенной – в тембре, в интонации произошла разительная перемена. Со мной говорил уже не собеседник, а поэт. Ее многослойность и многозначительность я осознал сразу: тут были и доброжелательная снисходительность к нашему исследованию, и пренебрежительность к собственной персоне перед вселенским ликом поэзии, и одновременно стремление оградить свою личность, свой невидимый чужому взгляду потаенный мир человеческой души.

В январе следующего, 1996-го года рукопись редактировалась и набиралась в издательстве «Свеча», главой и движущей силой которого была прозаик Галина Щекина, а 11 февраля, в день 55-летия поэта, первый экземпляр книги «Юрий Кузнецов. Очерк творчества» (с автографами сочинителей) лег на личную преподавательскую полку Кузнецова в Литинституте.

Надо ли говорить о том, что мы с трепетом ждали от Юрия Кузнецова не просто критики, а показательного разгрома, но, к нашему удивлению, ничего подобного не последовало. Более того, сам поэт через несколько лет подтвердил наш вывод о том, что кузнецовская символика, миф – это живая действительность, *мифо-реальность*: «Миф не выдумка и не ложь. К настоящему мифу нужно относиться серьезно». («Воззрение»).

К последним поэмам Юрия Кузнецова критики подходили в большинстве случаев традиционно, со своей меркой, не понимая истинной природы символа, не разглядев его

духовной оболочки. Кроме того, эти поэмы надо анализировать в контексте всей поэзии Кузнецова, в движении его творческого времени.

С середины 1990-х годов Юрий Кузнецов совершил сверхмощный рывок, все свои силы он бросил на алтарь дерзновенной по замыслу и величественной по исполнению цели: «Задача была приблизить Иисуса к душе русского человека. Я ее выполнил». (Из воспоминаний поэта В.В. Иванова «Преодоление одиночеств»).

Ключ к расшифровке этих произведений тот же: Кузнецов как поэт воспринимал христианство мифологически: «Я долгие годы думал о Христе. Я Его впитывал через образы, как православный верующий впитывает Его через молитвы». («Воззрение»). Свое отношение к православной религии Кузнецов-человек выразил не менее четко: «Поэзия, конечно же, связана с Богом. Другое дело, что сама по себе религия, и особенно религия воцерковленная, может существовать без поэзии, в то время как поэзия без религиозного начала невозможна. Поэт в своем творчестве выражает всю полноту бытия, не только свет, но и тьму, и поэтому ему трудно быть вполне ортодоксальным, **не в жизни, конечно,** а в поэзии». (Выделено мной. – В.Б.). Поэтому мы не можем и не должны переходить на личность поэта и оценивать его как православного христианина. Все то, что произошло в его душе, он унес с собой. А вот непостижимая тайна его поэзии будет манить нас всегда.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

НЕЖНОСТЬ ДУШИ

(*Выступления Валентина Распутина на выездном секретариате Союза писателей России, Вологда, 1999 год*)

Валентин Распутин любил Вологду, приезжал в наш северный край не раз, помнил о том, что освоение Сибири началось отсюда, из Великого Устюга, Тотьмы и Вологды. И мы Валентина Григорьевича тоже считали своим, другом не только Василия Белова, но и всей нашей писательской организации.

Но особенно памятной была встреча с ним в декабре 1999 года. В Вологде проходил выездной секретариат Союза писателей России, и в филармонии, и в Вологодском кремле выступали и участвовали в обсуждениях Василий Белов и другие писатели из Вологды и области, наш земляк Феликс Кузнецов, а также Валерий Ганичев, Игорь Шафаревич, Станислав Куняев, Владимир Крупин, Александр Казинцев и, конечно, Валентин Распутин.

Писательская братия отличается от обывателей свободой духа, поэтому презирает «протокол», ставит в тупик чиновников, а иногда бывает и буйной, в меру, конечно. Валентин Распутин на этом фоне выделялся подлинной интеллигентностью, источником которой были не только образование и воспитание, а какая-то особая, глубинная, поражающая всех нежность души.

Он терпеливо отвечал на глупые вопросы газетчиков, никогда не обижался на них, не поучал, не «вещал», как классик, а скромно сидел в заднем ряду, ожидая своей очереди. И на трибуне он просто размышлял, советуясь с залом, подбирал нужные слова, будто извиняясь за то, что отнимает у слушателей их драгоценное время.

Валентин Распутин внутренне был весьма волевым человеком, несмотря на внешнюю мягкость. Он непрестанно боролся со злом в его современном обличье, об этом свидетельствует и его речь на вологодском пленуме. Он предлагал такие лекарства для

лечения общественных болезней, высказывал такие мысли, которые и сейчас многие остерегаются облекать в слова.
Я ни за что не подошел бы к Распутину просто так, ради любопытства или шапочного знакомства, меня каждый раз охватывал трепет, когда я видел рядом писателя, любимого с детства, поэтому держался на почтительном расстоянии. Но на просьбу коллеги, профессора Людмилы Яцкевич, не откликнуться не мог – она попросила передать Распутину альманах «Череповец», в котором была статья о его творчестве.
После банкета в юго-западной башне Вологодского кремля я притаился неподалеку от раздевалки, пропустил обтекающие потоки повеселевших гостей и, увидев Валентина Григорьевича, - он, наконец-то, был один, без назойливых сопровождающих, - подошел к нему с подарком.
Наша беседа длилась минуты две, не больше, но в эти мгновения свершилось то, чего я никак не ожидал. Валентин Распутин был со мною не просто вежлив, он был кроток и нежен, его глаза излучали такой добрый и ласковый свет, что я сразу почувствовал: он по-настоящему, искренне любит душу человеческую, любит ее как родную. Мне было легко и просто от его сердечности, в его словах не было ни одной фальшивой ноты, Распутин благодарил за книгу так радостно, по-детски, как не благодарил никто и никогда.
Потом, два года спустя, мы случайно встретились на Арбате, возле редакции журнала «Москва», и Валентин Григорьевич вспомнил тот вологодский эпизод, узнал меня, еще раз одарив теплотой своей голубиной души.
В начале 2017 года давний приятель вологодских литераторов, местный публицист Александр Алексичев неожиданно прислал мне по электронной почте видеозаписи речей Василия Белова, Феликса Кузнецова, Валерия Ганичева и Валентина Распутина на этом давнем секретариате, за что я ему по-братски благодарен. Тексты выступлений В.Г. Распутина публикуются впервые.

РЕЧЬ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА НА ВЫЕЗДНОМ СЕКРЕТАРИАТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, ВОЛОГДА, 9 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА:

Дорогая аудитория! Мы уже так много говорим, что уже не приглашаем нас слушать, а слушаем друг друга. Разъезжаем, говорим, и говорим все больше и больше, а чем больше говоришь, тем меньше работаешь. Нам надо делать иногда перерывы, для того чтобы четко работать, а потом, - представил, скажем, 100 или 150 страниц, и тогда можно брать в поездку. Испытательный срок такой.
Уже не знаешь, о чем и говорить, хотя, конечно, есть о чем говорить, жизнь становится все более интересной, все более увлекательной. Писатель у нас почему-то считается ответственным за все, что происходит в этой жизни. Вот, те же музыканты, Василий Иванович, [Белов. – В.Б.] меньше считают себя ответственными, они больше занимаются своим делом, занимаются общественной работой своей, великие музыканты, разумеется, но все-таки круг их интересов, и правда, все-таки меньше. А писатели – издавна так повелось – за все, буквально за все с него спрашивается. Вот, приезжаешь ты в одно место, приезжаешь в другое, и где-то там печаль – обязательно звонят. В прежние годы как-то было поменьше, потому что писатели, может быть, спрятались, а теперь опять стали заметны, и опять со своими болячками идут к писателю, идут, звонят и так далее. Да и сами мы привыкли к тому, что есть страждущие, в каждом городе (мы знаем друг друга по именам), и где-то в Вологде, Ярославле, Новосибирске, Иркутске или где-то еще.
Вот, скажем, прочел я жуткую статью о Ярославле, в газете «Труд», о том, как там проводится сексуальное воспитание школьников. Американская существует школа, специалисты приезжают, комитетом образования бестрепетно выделяются для каждой школы отдельные часы, они туда ходят, все эти процедуры воспитания происходят.

Учебные пособия, все что угодно, макеты, ни одна школа от этого образования не уйдет. Не успел я пережить это событие, послал телеграмму в Законодательное собрание, как вдруг мне приходит весть, что в Вологде есть такой Гиндин (1), который проводит такое же сексуальное воспитание, проводит не один год, не одна публикация об этом, есть подобное и в Хабаровске. Думаю, что же Василий Иванович в Москву ездит-ездит, надо же как-то говорить с руководством об этом Гиндине (2), ведь это дело не только ваше, это наше дело в том числе. Но Василий Иванович, разумеется, обращался с вопросом, ведь это же не дело, как так можно, как так можно… Ведь это же странно, что эти города, с культурой своей, с историей своей, памяти своей, святости, они подвергаются как раз больше всего действиям вот таких вот «образователей» и «преобразователей», как нарочно.

Вот, в Иркутске мы проводим Дни, многие побывали на наших Днях культуры, русской духовности и культуры. А вначале власти никак не хотели соглашаться с русской – «российской», и все тут! А какой «российской»?.. У нас интеллигентный город, я завидую тем городам, которые не могут назвать себя интеллигентными городами. Может, они как-то оформились, может, они стали областными центрами, а у нас город интеллигентный, интеллигенции у нас полно, и от этого страшновато. Есть хорошая писательская организация, и тут я не согласен с Василием Ивановичем, который говорит: «Ну, что за школа [вологодская литературная школа. – В.Б], что там в другом месте школа». (3) Школы бывают, школы нужны, школы необходимы. Бывают философские школы, бывают балетные школы, школы прочие, то есть это то место, где обучение проходит, видимо, так, как нужно обучать. И тот же Василий Иванович или кто-то еще, не будь той же школы… У нас ведь талантливых-то людей гораздо больше, у нас очень много талантливых людей, и чем больше живешь на свете, даже в эту мрачную эпоху, тем больше наблюдаешь, что удивительно как много у нас талантливых людей, но ведь не каждый из них выберет тот именно талант, которым Господь наградил. Не подскажут вовремя – и все… Так вот, Иркутск, это такой город, талантлив на интеллигенцию, космополитическую, разумеется, интеллигенцию, потому что национальная интеллигенция всегда в меньшинстве. На наших праздниках побывали многие писатели, те, кто здесь, те, кто в Москве, а кто не побывал, думаю, еще будут у нас, мы собираемся и дальше эти праздники проводить. И поначалу обстановка была ну просто вражеская. Мы приглашали казаков, первые три года приглашали казаков, и когда сидели казаки, вот это, все-таки, останавливало, видимо, хотя все возможно, все было возможно, и потасовки были возможны, и так далее. Сейчас уже нет, сейчас уже меньше. Понимаете, за эти годы мы много чего, все-таки, добились; того, что авторитет нашего союза возрос. Добились, - Валерий Николаевич [Ганичев. – В.Б.] не однажды об этом говорил, - помощи провинции, потому что мы стали приезжать и в Орел, и в Омск, и в Иркутск, и в Белоруссию, и в Краснодар, и другие места, где с уважением нас принимали, давали трибуну, давали возможность высказаться, собирали большие залы. А когда собираются большие залы, это тоже важно. Что-то происходит, потому что три-четыре года назад большой зал не собирался, тогда такое было время, когда люди на все плюнули, в свое время, на эту интеллигенцию. И правильно, правильно, с какими людьми встречаться?.. Западная интеллигенция, прозападная интеллигенция или национальная интеллигенция, - мы для них одним миром мазаны. Поэтому картина была совершенно справедливая, точно так же справедливое отношение было и к книгам, перестали тогда их читать. До тех пор, пока люди не поймут, что появилась литература, новая литература, прекрасная литература, до тех пор читатель не вернется. К счастью, сейчас это происходит. Поэтому тот реваншизм после Советской власти, эта космополитическая интеллигенция, которая у нас с фигой в кармане, жила десятилетиями с фигой в кармане, когда она вырвалась на свободу, она, конечно, вытащила эту фигу из кармана и пошла напролом брать реванш, и многое она, все-таки, взяла, многие города. А сейчас это положение меняется, и ясно, что она чувствует тревогу, и потому, я думаю, с одной стороны, надо писать, а с другой стороны,

я призываю вас быть уже настойчивее. Не так, как замечает Чубайс: «Больше наглости!» Мы обойдемся без наглости, но очевидно, что дело образования, особенно образования в школе, упускать нельзя, потому что вот эти комитеты образования – там, как правило, сидят настолько чужие люди, настолько вражеские иногда люди, что диву приходится даваться! И хорошо, когда Воронежское Законодательное собрание принимает решение, - я не знаю, насколько это решение принимается, все хочется надеяться, что его года три назад приняли, - не пускать соросовские учебники на территорию Воронежской области, запретить преподавание по соросовским учебникам, запретить решительно. А ведь это же можно делать где угодно, эта же власть в руках местных законодательных органов, это можно делать, а почему не делается? И большинство, казалось бы, с людьми, которые там собираются, потому что местная законодательная власть, как правило, по большей части, все-таки, это люди патриотического склада. Они приходят из деревень, приходят из сел, приходят туда командиры производства тоже, люди, кто поработал, тот определенным образом устроен. Но ведь подхватили же где-то! Точно так же был подхвачен Новосибирской Думой, в свое время, они всю эту сексуальную продукцию, вынесли решение: запретить продажу на улицах, смотрите эту продукцию только в аптеках. По каким мотивам? В аптеки идут больные люди, только больным людям может понадобиться вот эта вся литература, пусть они там заодно и покупают. Тот же хороший, казалось бы, позыв и призыв, и все, что угодно, но Россия-то молчала и молчит сейчас!.. И поэтому против этого реваншизма несостоявшегося, и который не может состояться, сейчас, конечно, нужно быть решительнее писательским организациям. И не нам обращаться уже к губернаторской власти, губернаторская власть, слава Богу, почти везде, в очень многих местах, показала, что это, все-таки, государственная власть, находится во главе областей и краев, но неуверенность есть. Я видел давление на вологодские власти, в Иркутской области, но у нас неуверенность есть, хотя она очень и очень помогает, но неуверенность есть. Тоже две писательские организации, губернатор вынужден, оказывая поддержку одной организации, другой, - она в три раза меньше, - но оказывать поддержку и ей. Вынужден просто, никуда не деться, потому что город-то трудный, его заклюют, там есть рычаги, чтобы все это сорвать с места и выдернуть, огромные рычаги просто есть, он вынужден это делать. Но в большинстве областей, все-таки, есть, и очень важно, что мы с вами все больше становимся русскими людьми. Русские писатели это, слава Богу! Так, давайте еще, помимо того, что мы взяли на себя роль увеличивать число русских людей с русскими сердцами среди жителей, давайте будем увеличивать русскую власть, русских людей, которые находятся во власти. Спасибо!

РЕПЛИКА ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА (НА ВЫСТУПЛЕНИЕ АНАТОЛИЯ ЕХАЛОВА) В БАНКЕТНОМ ЗАЛЕ ВОЛОГОДСКОГО КРЕМЛЯ, ВОЛОГДА, 10 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА:

Все это немного странно, у Деда Мороза (4) давно была родина, эта родина была Сибирью, это устье реки Индигирки, есть такое знаменитое русское село, куда пришли люди из этих мест, из Вологодчины, Новгородчины, Архангельщины. Все мы считали, что это земля русская, с Севера люди приходили.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гиндин Григорий Исаакович, врач-сексолог, почти три десятилетия возглавлявший «Службу планирования семьи» в городе Вологде.
2. Василий Белов опубликовал несколько острых статей, обличавших деятельность поборников «сексуального просвещения», в том числе Г. Гиндина, упомянул об этом центре и в романе «Все впереди» (1986). По иронии судьбы, через три года

после смерти Василия Ивановича, в этом здании бывшей «Службы планирования семьи» на улице Щетинина был открыт… центр пропаганды творчества Василия Белова.

3. В.И. Белов неоднократно выступал против термина «Вологодская литературная школа», несмотря на возражения Феликса Кузнецова, Валентина Распутина и других. Василий Белов считал, что нет никаких литературных школ, есть единая русская литература.
4. Вологодский писатель Анатолий Ехалов выступил на банкете с сообщением об открытии в городе Великом Устюге (в начале декабря 1999 года) так называемой «Вотчины Деда Мороза».

Публикация и примечания Виктора БАРАКОВА

Бараков Виктор Николаевич

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: размышления о современной русской литературе

Подписано в печать 18.10.2018. Формат 60Х84/16
Усл. печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ № 190

РИО ВоГУ. 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6